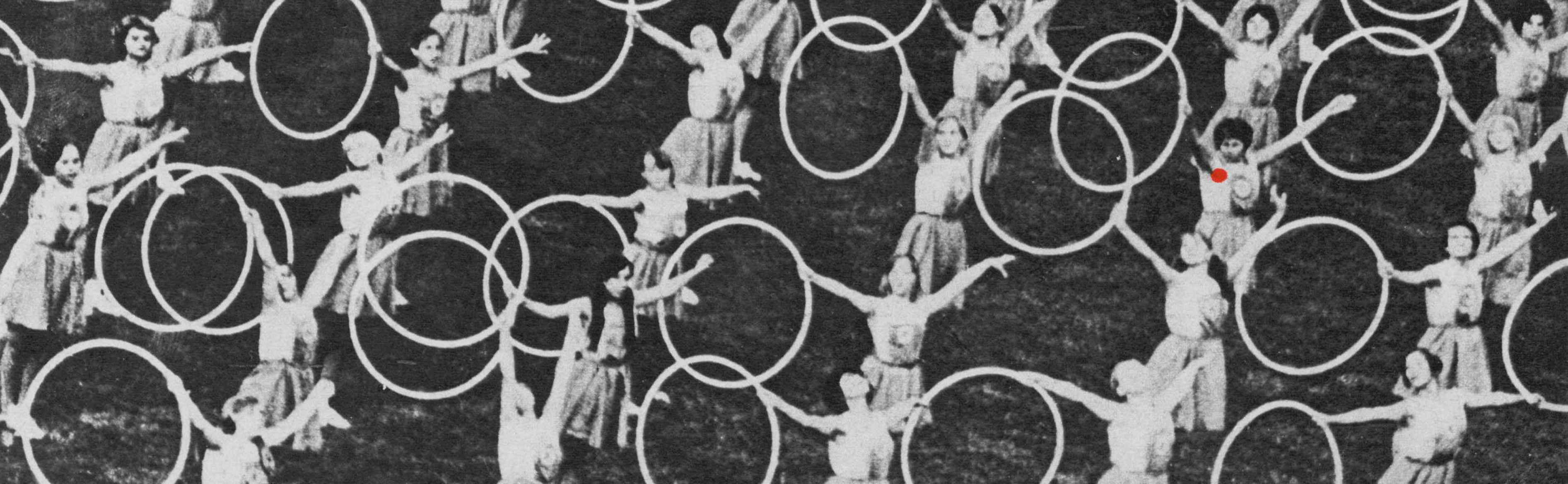

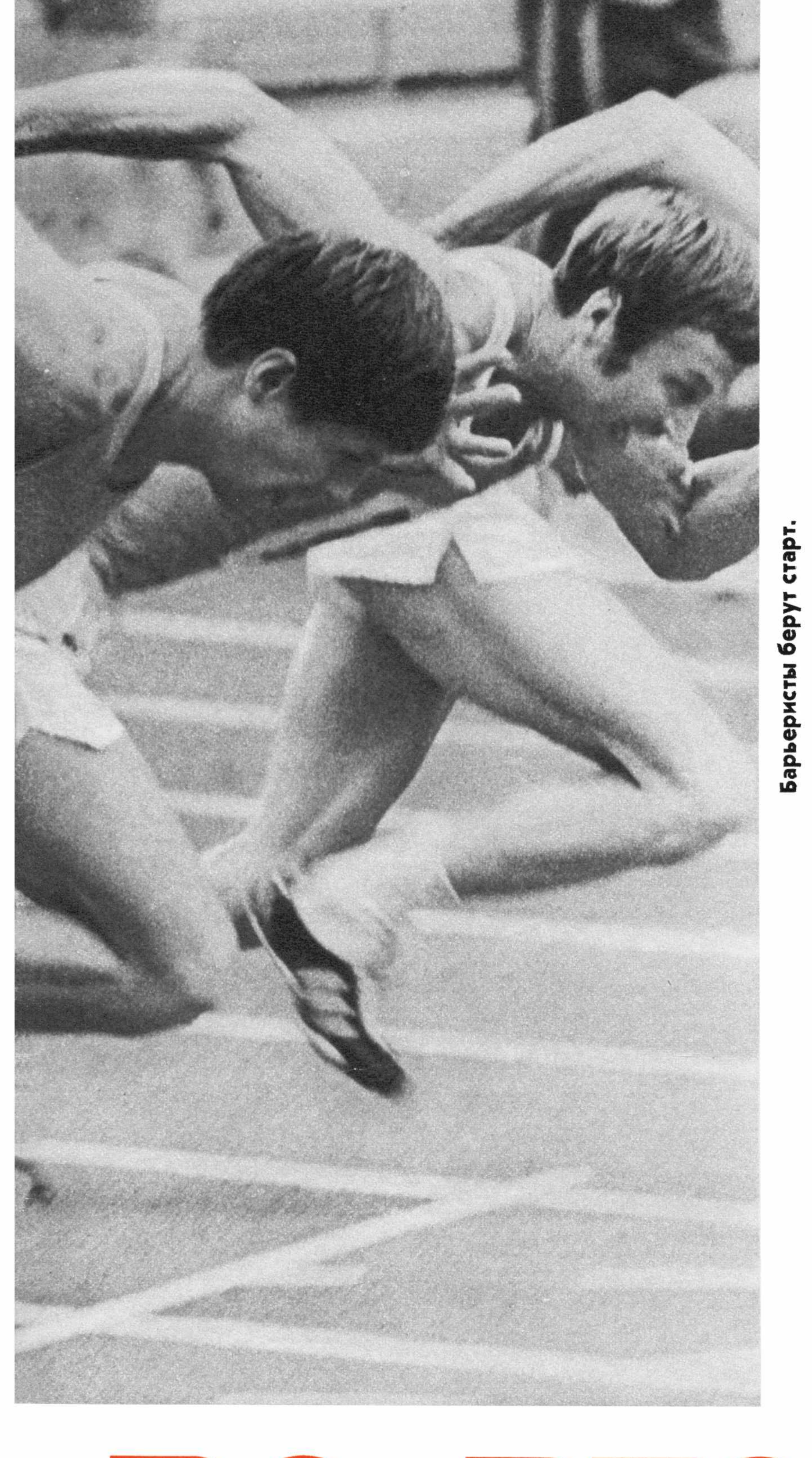
ОГОНЁК

№ 30 ИЮЛЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СПАРТАКИАДА

Барьеристы берут старт.

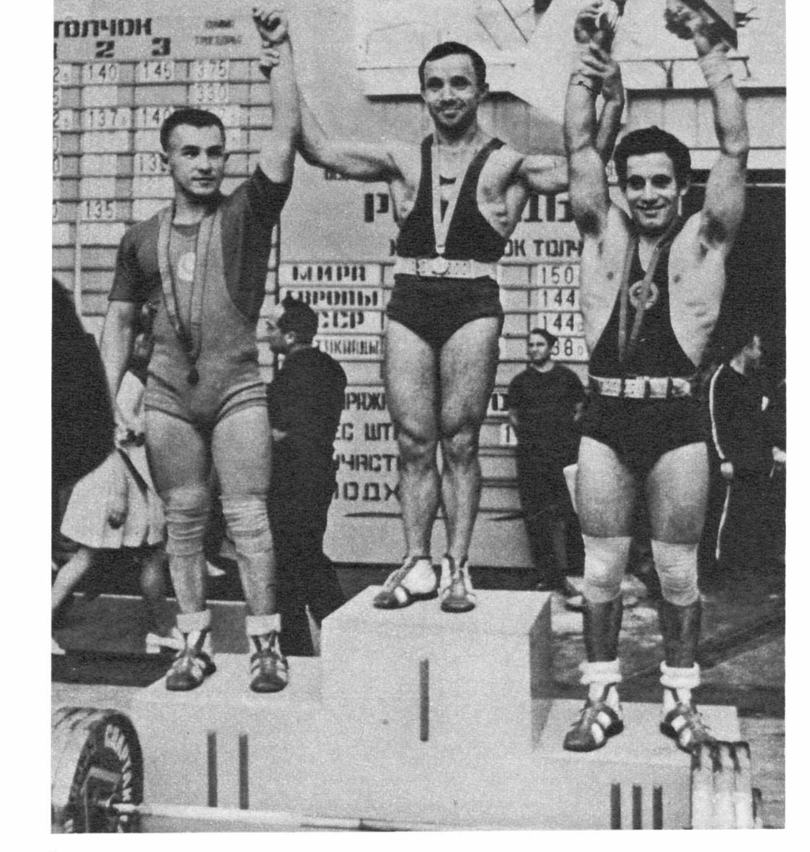

Г. Четин — на высшей ступеньке пьедестала почета. Слева — В. Аникин, справа — Р. Беленков.

Фото Л. БОРОДУЛИНА, А. БОЧИНИНА.

В пятницу 16 июля в 18 часов 30 минут от «причалов» Центрального стадиона имени В. И. Ленина отправилась в плавание V Спартакиада народов СССР.

Миллионы телезрителей и сто тысяч человек, заполнившие трибуны главного стадиона страны, провожали в трудный путь советских спортсменов.

В правительственной ложе, тепло встреченные присутствующими, товарищи Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, А. Н. Шелепин, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

На трибунах — зарубежные гости, представители спортивных организаций социалистических стран, многих государств Азии, Африки, Европы и среди них — президент Международного олимпийского комитета Э. Брэндедж, президент Постоянной генеральной ассамблеи национальных олимпийских комитетов Д. Онести и другие.

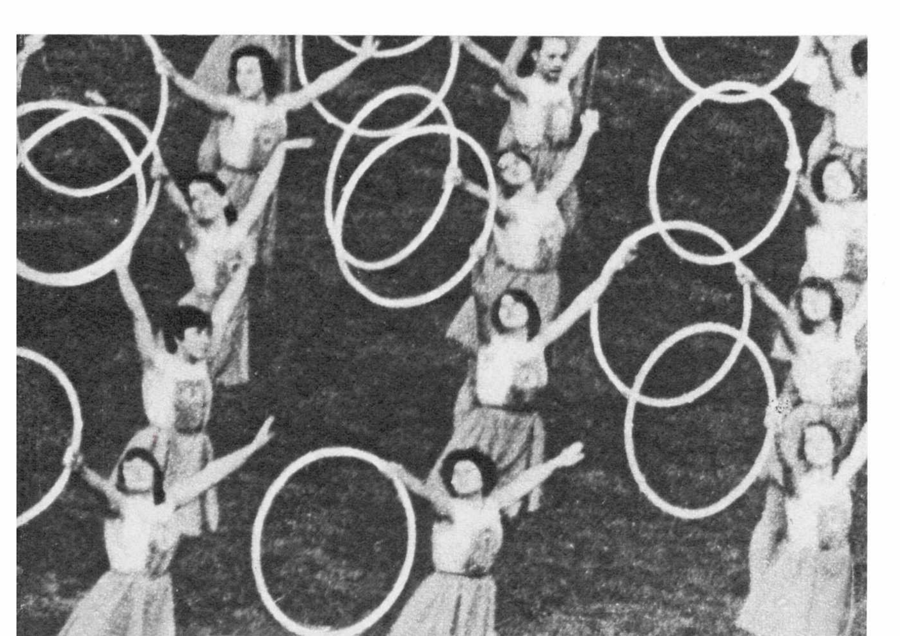
В честь открытия Спартакиады, собравшей 10 тысяч участников, состоялся красочный парад команд 15 союзных республик, Москвы и Ленинграда. Государственный флаг СССР взвился в воздух под звуки Гимна Советского Союза, а вскоре еще один красный стяг поднялся над стадионом — в огромной чаше вспыхнул огонь, доставленный в Лужники с могилы Неизвестного солдата. А когда закончилась минута торжественного молчания, на спортивном поле начались массовые гимнастические выступления. Стадион горячо аплодировал юным спортсменам, атлетам-динамовцам, физкультурникам «Трудовых резервов», студентам спортивных вузов страны, спортсменам Вооруженных Сил. И как бы продолжением этого праздника стали старты сильнейших легкоатлетов, которые еще утром начали свой турнир на уровне чемпионата страны.

ВО ВЕСЬ РОСТ

Только поздним вечером опустели трибуны стадиона, но уже утром зрители снова заполнили ряды: легкоатлеты продолжали соревнования. Шла борьба на марафонской дистанции и на дистанциях спринтерского бега, состязались десятиборцы и бегуны на 3 тысячи метров с препятствиями. И очень отрадно, что именно бегуны особо порадовали любителей спорта. Сперва Валерий Борзов установил рекорд Европы в беге на 200 метров — 20,2 секунды, а затем молодой ученик Владимира Куца, удивительно похожий на него по всем своим движениям, Владимир Афонин, и испытанный боец Рашид Шарафетдинов в напряженнейшей борьбе на 5-километровой дистанции побили один из наших самых старых рекордов, завершив бег в одно и то же время — 13 минут 33,6 секунды. В честь Спартакиады совершил свой лучший прыжок после Мехико олимпийский чемпион Виктор Санеев, пролетев по воздуху 17 метров 16 сантиметров.

А в это время в Спортивном дворце ЦСКА встретились в финале сильнейшие баскетбольные команды: у мужчин — Москвы и Украины, у женщин — Латвии и Ленинграда. В новом Дворце тяжелой атлетики ЦСКА штангист легчайшего веса Г. Четин установил новый мировой рекорд в сумме трех движений — 375 килограммов.

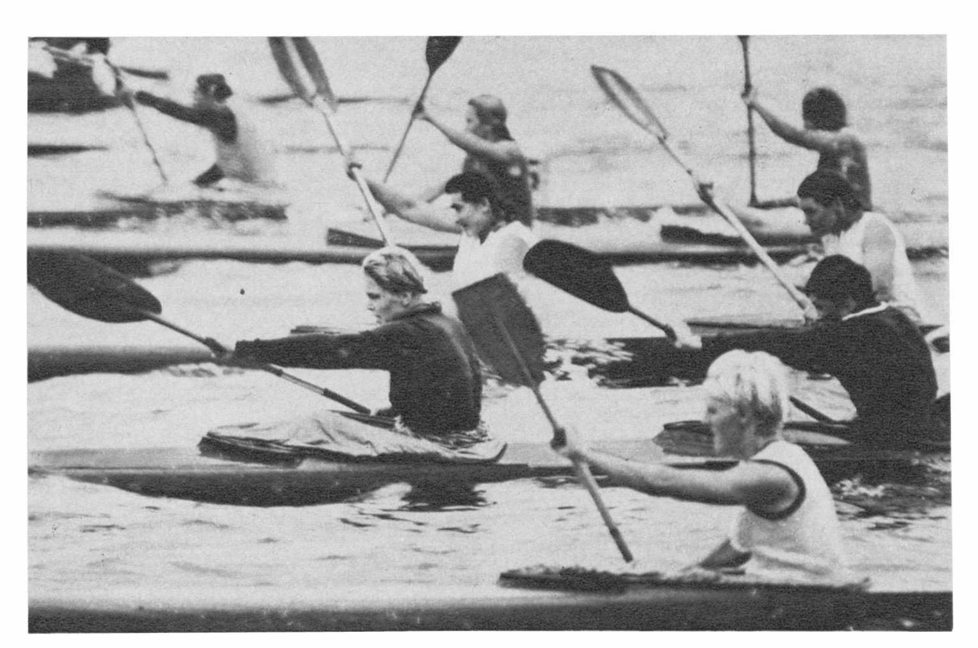
С каждым днем все нарастает и нарастает накал, звучат имена новых чемпионов, растет число рекордов. И, наблюдая за борьбой поистине олимпийского масштаба, думаешь: как же вырос наш советский спорт, как непоколебим теперь его авторитет в международном спортивном движении!

Выступают гимнасты «Трудовых резервов».

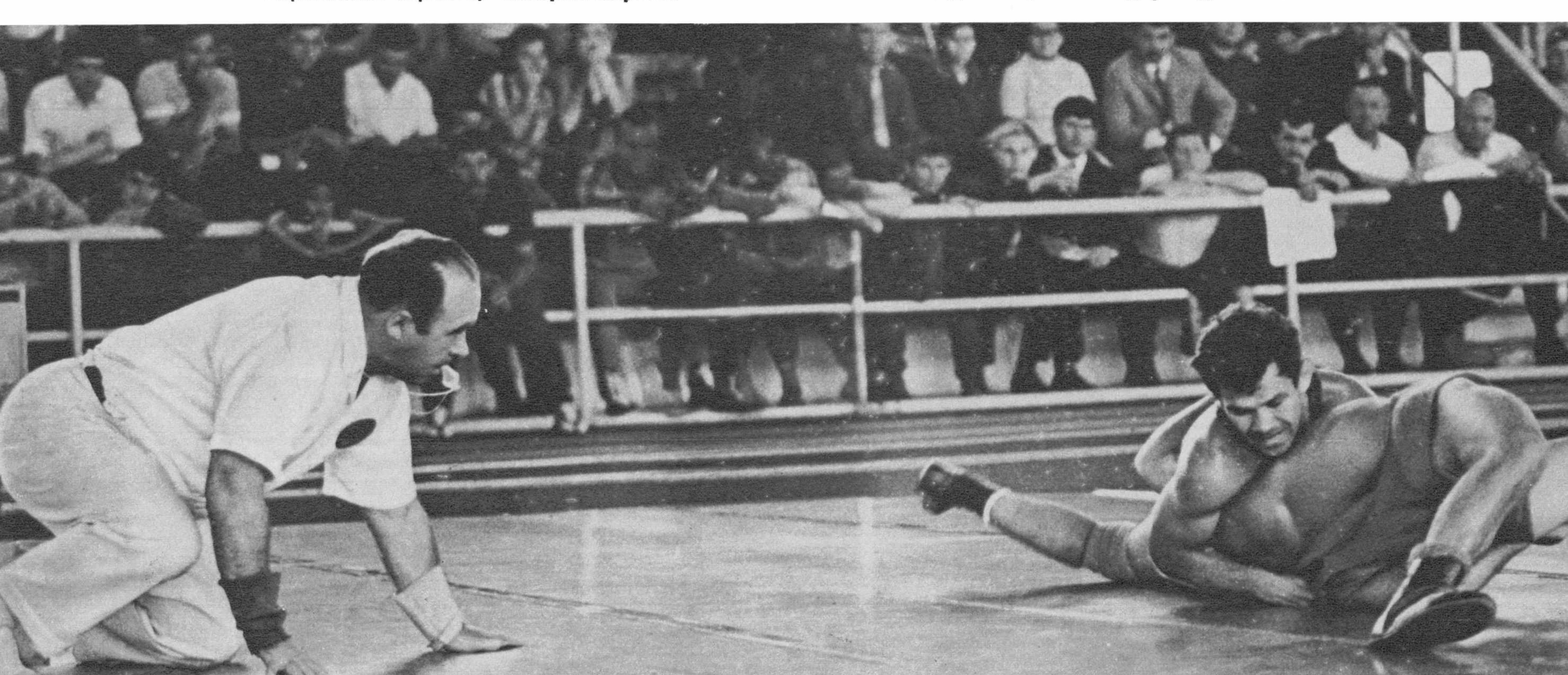
Велогонщики на трассе.

Украинский спринтер Валерий Борзов.

На дистанции — байдарки-двойки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (2299)

24 ИЮЛЯ 1971

Сильнейшие баскетболисты Москвы и Украины — В. Андреев (справа) и А. Поливода.

Борцы наилегчайшего веса И. Кочергин и Р. Байрамов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЛОГИКА ИСТОРИИ

Виталий **КОРИОНОВ**

Чем острее историческое противоборство двух миров, тем отчетливее выявляется основная тенденция международного развития: мощное поступательное движение сил социализма, демократии, национального освобождения и мира, с одной стороны, и неотвратимое ослабление старого, обреченного строя эксплуатации, войн и насилия — с другой.

Генеральный секретарь Коммунистической партии США товарищ Гэс Холл, говоря о Советском Союзе и Соединенных Штатах, образно сравнил их с двумя ракетами, «одна из которых, Советский Союз, на большой скорости устремляется вверх, другая теряет высоту».

Мир продолжает находиться под неизгладимым впечатлением того духа революционного оптимизма, огромной уверенности в своих силах, которые пронизали работу XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

«Мы знаем, что добьемся всего, к чему стремимся, успешно решим задачи, которые перед собой ставим. Залогом этого были, есть и будут творческий гений советского народа, его самоотверженность, его сплоченность вокруг своей Коммунистической партии, неуклонно идущей ленинским курсом» — эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева выразили чувства, которыми живет наш народ.

Черта эта не осталась незаметной и для представителей враждебного мира. Вот, к примеру, газета «Вашингтон пост» высказала интересные соображения о том, что «советские внешнеполитические предложения вытекают из внутреннего сознания силы Советского Союза». Газета подчеркивает при этом: «Вера в свои силы была лейтмотивом доклада Брежнева...»

В основе подобных признаний, число которых за океаном множится день ото дня, лежит возрастающее опасение лидеров капитализма за судьбы их государственной колымаги, которую все сильнее бросает на ухабах истории.

Соединенные Штаты, заявил недавно американский президент Ричард Никсон, переживают моральный кризис, «кризис уверенности в себе». Речь, по его свидетельству, идет о проблемах, которые могут подорвать будущее Америки. Никсону вторит газета «Нью-Йорк таймс», которая в статье под выразительным названием «Развал в США» писала, что американцы испытывают острое «беспокойство в связи с утратой национального единства, политической устойчивости, законности и порядка». «США за последние пять лет,— сокрушается газета,— соскользнули вниз, и социальное брожение в стране вполне может привести к полному развалу».

Такое положение — неизбежный результат глубокого кризиса антинародного, агрессивного курса правящих кругов США, наиболее наглядным проявлением которого стала война во Вьетнаме. Публикация в США части секретных документов Пентагона вскрыла перед всем миром отвратительный механизм агрессии, бессовестного обмана и циничного лицемерия, созданный для подготовки подобных преступлений.

Однако, несмотря на то, что публикация этих документов вызвала настоящую политическую бурю в мире, Вашингтон продолжает держать курс на обострение положения в Азии.

Закономерно, что внешнеполитический престиж США стремительно падает, а внутриполитическое положение в стране все больше обостряется. Любопытную констатацию на сей счет находим мы в одной из последних статей обозревателя «Нью-Йорк таймс» Сульцбергера. Говоря о ходе вьетнамской войны, Сульцбергер пишет: Соединенные Штаты «проиграли войну в долине Миссисипи, а не в долине Меконга. Несколько американских правительств не смогли добиться необходимой массовой поддержки у себя в стране. Демократический капитализм показал все внутренние раздоры и семена саморазрушения, как это предсказывал Ленин».

Но поражение во Вьетнаме —далеко не единственное потрясение американского империализма. Нельзя не привести еще одну из причин тревоги и неуверенности, которыми охвачен капиталистический мир. Мы имеем в виду данные, содержащиеся в опубликованном в июле 1971 года статистическом ежегоднике ООН за 1970 год о тенденциях в мировом экономическом развитии. Темпы развития экономики социалистических стран, свидетельствует этот беспристрастный доклад, значительно опережают темпы капиталистических стран. В целом в период с 1958 по 1969 год, указывается в названном документе, в социалистических странах прирост промышленного производства составлял 157 процентов по сравнению с 99 процентами в капиталистических странах.

Всем ходом жизни доказывается, что социализм — это единственная система, которая соответствует требованиям и возможностям современного развития человеческого общества. Он и только он отвечает законным чаяниям рабочего класса, широчайших слоев трудящихся, всех народов.

С каждым днем во всех основных районах мира растет, наливается новыми силами мощное освободительное антиимпериалистическое движение. Углубляется острый социальный кризис в главной стране капитализма — США, где выступления против войны во Вьетнаме, борьба негритянского народа, движение рабочих за свои права сплелись в единый узел. Серьезные процессы развертываются в Западной Европе, где движение за экономическую, политическую независимость, освобождение от американских пут превращается во все более значительное явление. Повсеместно ширится размах классовых битв пролетариата. Важный фактор на чаше весов мировой борьбы — углубление антиимпериалистических социальных революций в зоне «третьего мира».

Прогрессивное человечество уверенно идет к своему светлому завтра — социализму. Коммунисты хорошо выразили свою непоколебимую уверенность в великой будущности социализма в ясных словах недавнего Совместного заявления делегаций Коммунистической партии Советского Союза и Французской коммунистической партии: «Будущее принадлежит социализму!»

22 июля — День возрождения Польши

Танк капитан

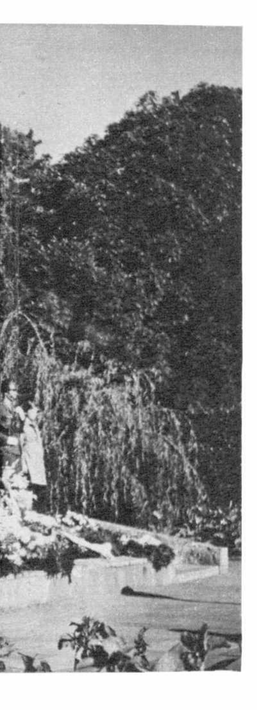
Виталий **ГАНЮШКИН**

...И тогда один из солдат вошел в воду, как был в шинели, и море преданно омыло его кирзовые сапоги, растоптанные на военных дорогах. Размахнувшись, как при метании гранаты, солдат швырнул в зеленый простор золотое кольцо — это было обручение солдата с морем, с Балтийским морем, на берега которого он, поляк, вернулся после вековой разлуки. На этот раз навсегда.

Было это в марте тысяча девятьсот сорок пятого в польском го-

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ — ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

В торжественные дни у танка — почетный караул.

Фото Януша Уклеевского.

а Мязги

роде Колобжеге — «Около моря». Советские и польские воины пришли сюда, опрокинув гитлеровский Поморский вал.

...Я немного опоздал в гостиницу к назначенному часу, и портье объяснил: человек, которого я ищу, только что вышел на улицу. Я поспешил вслед за ним и за углом гостиницы догнал бывшего капитана Юлиана Мязгу, а ныне директора металлообрабатывающего завода. Побродив по Гданьску, мы пришли в уютный скверик, заполненный ребятишками. Посреди него на пьедестале стоял танк Т-34. Капитан молча поднялся по ступенькам, провел ладонью по нагретой солнцем броне, где виднелась медная табличка:

«Танк Т-34 прошел боевой путь возрожденного Войска Польского от Ленино до Гданьска, участвовал в боях за Поморский вал в составе Первой Варшавской танковой бригады имени Героев Вестерплятте. Награжден Крестом Грюнвальда и орденом Красного Знамени».

— Видишь, на броне заплаты? Это были тяжелые бои...— глухо проговорил мой спутник. Капитан Мязга помнил каждую пробоину танка за номером 131, потому что это был его танк.

Здесь, в озерных краях Кошалинского воеводства, четверть века назад советские и польские воины штурмовали одну из последних твердынь на пути к Берлину — мощную полосу фашистских укреплений. Сейчас здесь проходит молодежный рейд по следам героев. Военные песни, соревнования в походном и спортивном мастерстве, встречи с ветеранами боевых дней.

Когда-то этими дорогами прошел танк капитана Мязги. Варшаву освобождал интернациональный экипаж: командир танка — поляк Мязга, водитель — поляк Полоцкий, башенный — русский Шутов, радист — русский Зиновьев. С ними прошли Варшаву, Быдгощ и расстались на Поморском валу. Рота, в составе которой действовал танк, больше месяца вместе с советской пехотой участвовала в кровопролитных боях. К концу только танк уцелел из всей роты и ходил в атаку с советскими батальонами. Но настал и его черед: снаряд угодил в башню. Погиб Полоцкий, вышел из строя раненый Шутов. После ремонта танк вернулся уже под Гданьск...

Среди советских и польских боевых наград капитана Мязги — орден «Виртути Милитари», высшая воинская награда ПНР, которой он был удостоен за мужество и героизм, проявленные в боях на Поморском валу, посмертно.

— Да, на войне всякое бывает.. Уже несколько дней шли жестокие бои под Гданьском и Гдыней. Очередная атака вместе с русской пехотой. И тут снарядом порвало гусеницу. Вылезли — кругом немцы, страшный огонь. Меня пуля тут же прошила в грудь навылет. Помню только, как Саша Зиновьев и Петр Субоч, наш новый башенный, укладывали меня на плащ-палатку и волокли по-пластунски. Потом я потерял сознание и очнулся уже в госпитале.

В госпитале я промаялся месяца полтора и в часть вернулся накануне Дня Победы. В Гданьске долго искал своих, а они уже праздновали Победу в каком-то подвале. Зашел я туда — даже музыка смолкла. Все смотрели на меня, словно я призрак. Оказывается, меня уже похоронили и вычеркнули из списков полка. А потом — сбор бригад в честь Победы, читают приказ о награждениях: «капитана Мязгу — крестом «Виртути Милитари» — посмертно»... А я из строя: «Служу Отчизне!» Переполох поднялся! Во всей нашей бригаде трое только этот крест получили: советский полковник Малютин, командир бригады и я... А танк наш ребята тогда дальше повели на Гдыню, и Саша Зиновьев — сибиряк и бывший тракторист — принял командование на себя.

В 46-м, в годовщину Победы, вызывает меня командование: так, мол, и так, ты весь путь прошел от Ленино, бери свой танк — и в Гданьск, памятником он будет. Загнали мы танк на пьедестал, сняли всю технику и попрощались, как с человеком: добрая была машина! На параде я шел первым мимо нашего танка. Вот и вся его история...

Да, это история... А потом танк капитана Мязги стал молчаливым свидетелем хроники наших дней, сделавших вновь обретенные польские земли богатым полем социалистической жатвы.

Сегодня на этих землях, составляющих треть территории нынешней республики, построены крупнейшие в стране предприятия, созданы новые отрасли промышленности, которых не знала буржуазная Польша. За этим — великий труд хозяев этих земель и помощь советских братьев.

Совсем недавно, например, в Гданьске отгремело торжество. В тот день вернулся с ходовых испытаний на Балтике «Янис Райнис» — рефрижератор, построенный для Советского Союза на Гданьской судоверфи имени Ленина. Это было 556-е судно Гданьской судоверфи. Если вспомнить при этом, что в довоенной Польше судостроение как промышленность, в общем-то, не существовало, а сейчас Польша вышла на первое место в мире по производству рыболовецких судов и что суда под ее флагом посещают сейчас 390 портов более чем 80 стран, то станет бесспорным,— обручение Поляка с Морем было счастливым браком.

Сами польские кораблестроители при всякой оказии не преминут напомнить, что их нелегкий, но такой благородный промысел набрал силы прежде всего на советских заказах. И в самом деле, каждая пятая единица нашего грузового и рыболовецкого флота — польского производства. И это морское сотрудничество — пожалуй, одна из самых ярких иллюстраций новых, взаимовыгодных экономических отношений наших двух стран. Это ли не достойнейшее продолжение боевого братства по оружию!

...Стоит в сквере на постаменте танк. Возле него я прощаюсь с тем, кто привел его сюда, чтобы броней проложить дорогу новой жизни.

— **Не забудьте написать,— говорит мой спутник,— что капитан Юлиан Мязга из Гданьска разыскивает своего фронтового друга Александра Зиновьева, которому обязан жизнью. Может, он или те, кто знает о его судьбе, отзовутся! И еще передайте привет всем советским солдатам и офицерам, кто воевал в танковой бригаде имени Героев Вестерплятте. Все они нам, полякам, дороги, как самые близкие люди. Ведь то, что нас навеки соединило, омыто кровью живых и павших.**

Варшава.

В Батуми праздник. На перекрестках улиц женщины предлагают гвоздики и гладиолусы. По асфальту цокают прогулочные фаэтоны. В городе море знамен. Синеют матросские воротники. Все батумцы высыпали на свой знаменитый приморский бульвар. Здесь, на открытой эстраде, выступают самодеятельные таланты. А в парке на берегу Пионерского озера жгут костры...

Интересно, о чем думают, глядя на эти костры, старые женщины, пришедшие со своими внуками? Вспоминают ли, как в далекие годы юности срывали с себя чадру и бросали ее в огонь?

Первая заведующая Батумским женотделом, коммунистка с 1917 года Алваси Талаквадзе в те славные годы боролась за свободу аджарской женщины. И как приятно видеть ее сегодня на празднике народа Аджарии рядом с молодыми труженицами — Героем Социалистического Труда Кето Гогитидзе, депутатом Верховного Совета СССР Нарико Барамидзе...

...Под сводами Батумского государственного театра отзвучали аплодисменты. Закончил доклад о 50-летии автономии Аджарии первый секретарь Аджарского обкома КП Грузии А. Д. Тхилайшвили. Зачитано приветствие от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР в адрес Аджарской АССР. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе прикрепил к знамени республики рядом с орденом Ленина орден Октябрьской Революции, которым ныне награждена Аджарская АССР.

В эти торжественные минуты у древка знамени собрались знатные люди Аджарии, и среди них Герой Социалистического Труда академик Ксения Бахтадзе, крупнейший ученый, специалист по чаю. Наверное, ей вспомнилось время, когда за внедрение чая в Аджарии приходилось агитировать каждого крестьянина. Сейчас же именно здесь люди добились самой высокой в мире урожайности этой культуры... А рядом с Ксенией Бахтадзе у древка знамени Д. Малакмадзе — рабочий Батумского судостроительного завода, депутат Верховного Совета Грузинской ССР, человек, который делает катера «Волга» на подводных крыльях... И другие знатные люди республики, стоя сейчас у знамени, вспоминали, как появились в горных селениях первые амбулатории, открылся центральный рабочий клуб, начались регулярные рейсы из Батуми в порты России.

Было очень много важных и нужных дел, и потому можно вспомнить ныне день за днем все пятьдесят лет. И хорошо вспомнить об этом теперь и порадоваться, отмечая славный юбилей!

И. МЕСХИ

Праздничный концерт. Танцует молодость Аджарии.

Фото И. Туннеля.

Фестиваль открыт.

ГОСТИ МОСКВЫ — КИНЕМАТОГРАФИСТЫ МИРА

Кинематографисты семидесяти стран мира собрались в нашей столице, чтобы в дружеском соревновании поделиться своими достижениями в области кинематографа. Около тысячи режиссеров, сценаристов, актеров, продюсеров, кинокритиков примут участие в конкурсных показах, в творческих дискуссиях, встретятся с коллегами и зрителями.

В Кремлевском Дворце съездов в торжественной обстановке был поднят флаг VII Международного кинофестиваля.

С приветственным словом от имени оргкомитета кинофестиваля ко всем собравшимся обратился председатель оргкомитета, председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР А. В. Романов.

Продолжительными аплодисментами встретили участники и гости кинофестиваля приветственное послание Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, в котором говорится:

«Будучи одним из самых массовых искусств, кино является могучим оружием прогрессивных художников в борьбе за социальную справедливость и народное счастье. В современных условиях особенно важно, чтобы эта влиятельная сила всегда служила общественному прогрессу, укреплению международного сотрудничества и взаимопонимания, умножению художественных ценностей человечества.

Несомненно, что широкий творческий смотр кинематографий разных стран, который развернется на московских фестивальных экранах под девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами», будет способствовать утверждению этих благородных идеалов, дальнейшему развитию киноискусства».

На открытии зрители увидели новые работы советских кинематографистов: две завершающие серии киноэпопеи «Освобождение» и полиэкранную варископическую ленту «Интернационал», посвященную 100-летию Парижской Коммуны.

* * *

В просторных залах Кремлевского Дворца съездов снова рукопожатия, знакомства, беседы, споры... Сейчас здесь идет работа представительного жюри по художественным фильмам. Среди деятелей мирового кинематографа Эрвин Гешоннек — ГДР и Джеймс Олдридж — Англия, Жак Дониоль-Валькроз — Франция, Карел Земан — Чехословакия, Велько Булайич — Югославия, Беата Тышкевич — Польша, Юссеф Шахин — ОАР, Армандо Роблес Годой — Перу, Полен Вьейра — Сенегал и Ринчинсамбу — Монголия.

Программа фестиваля обширна, одновременно идут три конкурсных показа: во Дворце съездов, в Доме кино обсуждаются короткометражные фильмы, во Дворце пионеров — детские.

К творческой дискуссии «Кино в борьбе за социальный прогресс» деятельно готовятся кинокритики и киноведы мира.

Сембен Усман (Сенегал) — наш старый фестивальный знакомый; его фильмы снова увидят в Москве.

Опять встретились на фестивале народная артистка СССР Вия Артмане, актриса из ОАР Мадиха Юсри и артистка из Ирана Фахри Хорваш.

Фото А. Награльяна.

Митинг в совхозе «Уч Кахрамон» — «Три Героя».

ЕНИ ГЕРОЕВ

Приехали на работу шефы.

Вяч. КОСТЫРЯ,
Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Совсем недавно здесь был почти лунный пейзаж: выбеленные солнцем камни, удушливая муть взвихренной ветром пыли — пухляка. Но бетонные лотки-акведуки с водой из Сыр-Дарьи дошли и сюда, в самую глубину юго-западного массива Голодной степи. Извечная пустыня превращается в плодородное поле. И вот весной нынешнего года четыре с половиной тысячи гектаров новых земель приняли семена — не верблюжьей колючки или неприхотливого джингиля, а хлопчатника — впервые за всю свою историю!

Директор хлопководческого совхоза-первогодка № 30 (вон сколько их теперь в Голодной степи!) Тугелбай Кабулбенов — из семьи потомственных чабанов. В юности ему не раз приходилось с немалым риском гнать отары овец через эти гиблые, испепеленные зноем места. Но теперь, как ни жжет адское июльское солнце, привычно накаляя воздух до пятидесяти градусов, Тугелбай-ака пребывает в бодрейшем расположении духа.

— По температуре мы, конечно, превышаем летние московские нормы в три, а то и в четыре раза... Но для «головы» хлопчатника это то, что надо. Были бы его «ноги» в холодной воде... А вода — вот она! Не поле, а настоящий курорт! Вода даст около четырнадцати центнеров с каждого гектара. В общем, думаем получить восемь тысяч тонн хлопка-сырца вместо плановых шести тысяч двухсот сорока. Это — наше обязательство, взятое в честь XXIV съезда КПСС...

Для первого урожая в бывшей пустыне совсем неплохо. Более семисот человек, вооруженных первоклассной техникой, изо дня в день воплощают обязательство в жизнь. И вполне понятна гордость целинников, когда они узнали, что ЦК Компартии Узбекистана и Совет Министров Узбекской ССР приняли постановление об увековечении памяти Героев Советского Союза Г. Т. Добровольского, В. И. Пацаева и дважды Героя Советского Союза В. Н. Волкова, назвав совхоз № 30, Пахтакорского района, Сырдарьинской области, «Уч Кахрамон», что значит «Три Героя».

...Никогда еще на площади близ правления совхоза не было столь многолюдно, как в день митинга в честь этого события. Приехали хлопкоробы с дальних отделений, друзья из соседних совхозов, приехали шефы-строители. На одном из транспарантов было написано: «Коллектив совхоза «Уч Кахрамон» будет трудиться по-геройски!»

Имена героев присвоены также трем школам города Ташкента. На центральной усадьбе совхоза «Уч Кахрамон» и перед фасадами этих школ будут установлены скульптуры космонавтов.

25 июля —
День Военно-Морского Флота СССР

БОЕВАЯ ВАХТА МОРЯКОВ

Адмирал В. ГРИШАНОВ,
член Военного совета, начальник Политического управления Военно-Морского Флота

День Военно-Морского Флота широко отмечается в нашей стране. В этот традиционный праздник советские люди с особой теплотой чествуют своих сынов, бдительно охраняющих морские рубежи социалистической Родины. Чувства трудящихся к военным морякам вызваны уважением к самой их романтической и трудной профессии и главным образом высоким моральным обликом людей нашего военного флота — пламенных патриотов Отчизны.

В поэмах и песнях, в книгах и пьесах, кинофильмах и художественных полотнах запечатлены героические свершения советского военного моряка. В легендарные октябрьские дни 1917 года революционная Балтика послала в распоряжение Центрального Комитета ленинской партии десять тысяч вооруженных матросов и одиннадцать боевых кораблей. Вместе с красногвардейцами моряки шли на штурм Зимнего дворца. Сигналом к наступлению послужил исторический выстрел крейсера «Аврора», возвестивший миру о наступлении новой эры — эры социализма и коммунизма.

По зову великого Ленина, партии большевиков 75 тысяч военных моряков сражались на сухопутных фронтах гражданской войны. Из матросов составлялись команды бронепоездов, артиллерийские и пехотные части. Посланцы флота боевыми подвигами вновь подтвердили свою преданность народному делу, верность учению Ленина. Перепоясанный пулеметными лентами советский матрос вошел в историю как неустрашимый боец за революцию, как человек, которому кровно близки интересы трудового народа. Многие военные моряки за свои героические дела были награждены орденами Красного Знамени. Всенародным признанием выдающихся революционных заслуг военных моряков перед Отечеством является и тот факт, что силуэт крейсера «Аврора» изображен на ордене Октябрьской Революции.

В годы, предшествующие Великой Отечественной войне, бойцы рабоче-крестьянского Военно-Морского Флота свято чтили славные традиции буревестников революции. Их молодой задор, преданность делу Ленина ярко проявлялись в стремлении познать морское дело до тонкостей, освоить в совершенстве новые корабли, которые поставляла флоту крепнущая социалистическая индустрия. Сотни новых кораблей за годы предвоенных пятилеток — таков итог самоотверженного труда народа по укреплению боевой мощи флота.

В тридцатые годы началась моя флотская юность. До сих пор хранится в памяти неистовый труд наших командиров — среди них было немало людей из комсомольского призыва — по освоению новой техники. Рано мужали они в атмосфере нелегкого ратного труда. И многие из них впоследствии стали прославленными военачальниками.

Воспитанные партией в духе пламенной любви к Родине, военные моряки в то же время были интернационалистами. Когда республиканской Испании потребовалась помощь, на флоте нашлось немало добровольцев, пожелавших сражаться за свободу и счастье ее народа. Одним из них был вице-адмирал Г. В. Жуков, впоследствии герой обороны Одессы. Мне довелось с ним служить на Тихоокеанском флоте. Это человек большой воли, глубоких военных знаний. За подвиги на фронтах Испании он награжден орденом Ленина.

Сила нашего флота, стойкость и мужество его людей прошли суровую проверку в борьбе против гитлеровских захватчиков. Вместе с Советской Армией, со всем народом воины в матросских тельняшках неустрашимо шли в бой. На море, на суше и в небе моряки героически сражались за свободу и независимость Родины. Горечь временных неудач в первые месяцы войны не сломила волю отважных бойцов. Их не покидала уверенность в том, что под руководством партии коммунистов полная победа над врагом будет одержана. И они делали все для ее приближения.

Верность партии, учению Ленина всегда жила в сердце военного моряка. И, служа ему вернейшим компасом на трудных фронтовых дорогах, воодушевляла на бессмертные подвиги. Вспоминается письмо группы краснофлотцев в газету «Правда», которое они послали в трудном 1941 году. Моряки писали: «Мы будем сражаться так же, как дрались с врагом наши деды и прадеды под знаменем Нахимова и Ушакова. В сердце нашем ты, партия Ленина. И, значит, мы непобедимы. Флот не дрогнет. Флот выстоит. Флот победит».

И флот вместе с армией стоял насмерть при обороне военно-морских баз, приморских районов. Одесса, Севастополь, Ленинград, Таллин, Моонзундские острова, полуострова Рыбачий и Средний — вот этапы мужества моряков в первый период войны. До последнего патрона, до последней возможности бились с врагом воины флота.

В летопись ратной славы Советских Вооруженных Сил вписали замечательные страницы защитники небольшого полуострова Ханко, расположенного в устье Финского залива. Он приковал к себе огромные силы врага. Против защитников военно-морской базы были направлены большие сухопутные силы, значительное количество орудий калибром до 203 миллиметров, авиация, корабли. Однако превосходящие силы врага были бессильны против мужества и стойкости гангутцев, неуклонно следовавших девизу «Победа или смерть!». Окруженные врагом, оторванные от Родины, они продолжали героическую борьбу, ощущая свою неразрывную связь с народом. Каждодневные подвиги гарнизона Ханко вызывали восхищение советских людей. Это нашло отражение в письме защитников Москвы к гангутцам. В письме говорилось: «Пройдут десятилетия, годы пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов, патриотов земли советской, ни на шаг не отступая перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского, минометного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма. Великая честь и бессмертная слава вам, герои Ханко! Ваш подвиг не только восхищает советских людей, но и вдохновляет на новые подвиги, учит, как надо оборонять страну от жестокого врага, зовет к беспощадной борьбе с фашистским бешеным зверем».

Гангутцы не только оборонялись — они наступали. Десантные отряды героического гарнизона в разгар тяжелых боев заняли ряд островов в Финском заливе.

Руководители обороны Ханко генерал-лейтенант С. И. Кабанов и дивизионный комиссар А. Л. Расскин занесены в боевую летопись Военно-Морского Флота. Мне приятно, что с здравствующим ныне Сергеем Ивановичем Кабановым меня связывает личная дружба. С большим интересом я прочитал недавно вышедшую его книгу «На дальних подступах», где рассказано о героизме гангутцев.

Высокую боевую активность военные моряки проявляли на всех участках огромного советско-германского фронта, где им довелось скрестить свое оружие с врагом. Более 40 тысяч посланцев флота самоотверженно дрались с гитлеровцами на сухопутье. Армейское командование было самого высокого мнения об их боевых качествах. «Черная смерть» — так называли гитлеровские солдаты военных моряков, появлявшихся перед окопами врага. Стремительность и неотразимость матросских атак приводили в трепет противника.

Жители Старой Руссы, Подмосковья, Волгограда, Севастополя, Одессы, Новороссийска и многих других городов с чувством высокой благодарности возлагают цветы на могилы павших моряков: дань уважения мужеству героев, не щадивших жизни во имя счастливого будущего нашего народа.

В годы войны массовый героизм проявляли подводники, экипажи надводных кораблей, флотские авиаторы.

Вот один из боевых эпизодов. Небольшой катер Черноморского флота находился в море, когда на него напало тридцать фашистских самолетов. Бомбами был разрушен ходовой мостик, повреждены рубка и единственное орудие, кроме того, судно получило около 1 500 пробоин от осколков. В неравном бою экипаж понес большие потери. Но вот на корме загорелись дымовые шашки, лежавшие на глубинных бомбах. С минуты на минуту катер мог взлететь на воздух. Старшина 2-й статьи Г. Куропятников, лишившийся руки в этом бою, раненный в грудь и голову, пополз на корму. Одной рукой ему не удалось развязать закрепленные по-штормовому шашки. Тогда он пере-

Фото Г. МАКАРОВА.

Катерники: лейтенант Н. Ромашкевич, мичман Г. Морозов и главный старшина С. Саранчук.

Тихий вечер.

На боевом курсе.

В классе.

И здесь нужны водолазы.

грыз зубами пеньковые тросы и сбросил шашки за борт. Так герой спас своих товарищей и свой корабль.

Стойкость и непобедимость для моряков всегда были выражением их преданности делу партии. На подводной лодке, где командиром был Г. Щедрин, сложилась в бою трудная обстановка. Лодку долго преследовали вражеские корабли. В отсеках стал ощущаться недостаток кислорода, многие с трудом держались на ногах, командир разрешил беспартийным отдохнуть, а коммунистов попросил держаться. Изо всех отсеков поступили просьбы беспартийных разрешить им нести вахту на боевых постах рядом с коммунистами. Все моряки просили считать их коммунистами. Это стремление воинов флота стать в самый трудный час битвы коммунистами наблюдалось при обороне Севастополя и Ленинграда. Из моряков, вступивших в партию с 1941 по 1945 год, шестьдесят четыре процента стали коммунистами в первые два года войны.

В боевой обстановке нашим кораблям не раз приходилось вести бой с превосходящими силами противника. Ни при каких обстоятельствах моряки не опускали свой флаг перед врагом. Они предпочитали гибель позорной сдаче в плен.

Во всем этом ярко проявлялась огромная нравственная сила, несгибаемый дух воинов флота, их высокая идейная закалка, неизмеримое моральное превосходство над противником. Советский Военно-Морской Флот в ожесточенных битвах с гитлеровскими захватчиками и японскими милитаристами до конца выполнил свой долг перед Родиной. Военные моряки достойно выполнили свой интернациональный долг. Они участвовали в освобождении от фашистского рабства народов Румынии, Болгарии, Польши, Венгрии, Югославии, Чехословакии, Норвегии, Австрии, Германии, Дании, Кореи, Китая.

...Жизнь идет вперед. Многие из ветеранов флота, ковавших победу над врагом, оставили боевой строй. Эстафета мужества передана в надежные руки. Новое поколение моряков, воспитанное в духе непоколебимой преданности Родине, партии, остается верным славным традициям героев войны. Это сказывается буквально во всем: в упорном стремлении изучить сложную современную технику, крепить дисциплину и организованность, образцово решать сложные учебно-боевые задачи в длительных океанских плаваниях.

Под руководством КПСС, Советского правительства в последние годы произошло количественное и качественное изменение Военно-Морского Флота. Он стал совершенно иным, новым, океанским. В его составе — атомные подводные лодки, вооруженные дальнобойными ракетами и самонаводящимися торпедами. Их боевые возможности огромны. Они способны уничтожать корабли на расстоянии сотен километров, наносить удары из-под воды по стратегическим объектам противника, находящимся за тысячи километров.

Требованиям современной войны отвечают наши надводные корабли, флотская авиация, береговые части, морская пехота. Все роды флота неузнаваемо преобразились.

Военные моряки высоко ценят неустанную заботу Коммунистической партии об укреплении обороны страны. Они освоили новую технику, научились умело использовать ее. Ныне у пультов управления атомными реакторами, ракетными комплексами, счетно-решающими устройствами, у экранов радиолокационных станций бдительно несут вахту специалисты высокого класса.

На мостики боевых кораблей в последние годы пришло много молодых командиров. Имея хорошую подготовку, они уверенно прокладывают курсы в просторах Мирового океана, успешно справляются со своими нелегкими обязанностями в продолжительных плаваниях. Ныне на флотах можно встретить немало офицеров, которые большую часть служебного времени проводят в море. Любовь к флоту, глубокое сознание своего долга перед народом помогают им преодолевать трудности походной жизни, выдерживать большое моральное и физическое напряжение в учебе.

Школа океанских походов способствует быстрому боевому возмужанию командного и рядового состава. Плавая на всех румбах морей и океанов, военные моряки проходят всестороннюю проверку, приобретают прочные знания, учатся действовать безошибочно в самой сложной обстановке. Успешному решению ответственных задач в таких походах помогает целеустремленная работа политорганов, политработников, партийных организаций, направленная на воспитание у моряков высоких морально-боевых качеств, беззаветной преданности Родине, партии, постоянной психологической готовности к немедленному ведению боевых действий против агрессора.

Серьезным экзаменом для военных моряков были маневры «Океан», проводившиеся в год Ленинского юбилея. Экипажи кораблей и самолетов в сложной метеорологической обстановке уверенно действовали на громадных просторах Атлантики, Тихого океана и прилегающих к ним морей. Флот выдержал всестороннюю проверку на воинскую зрелость. Вместе с командующими флотами политуправления флотов действовали непосредственно в океане.

В. И. Ленин мечтал видеть защитников Отечества отлично вооруженными, хорошо обученными. И такое время пришло. Советский Военно-Морской Флот стал флотом атомных подводных лодок, могучих ракетных кораблей, современных самолетов, освоивших просторы Мирового океана.

Высокий патриотический настрой военных моряков ярко проявился в год XXIV съезда КПСС. Личный состав кораблей и частей достойно встретил съезд партии. Военные моряки с энтузиазмом трудились над совершенствованием своего мастерства, повышением боевой готовности.

В начале года мне привелось побывать вместе с командованием Краснознаменного Северного флота на атомной ракетной подводной лодке «Ленинец», которая выступила инициатором предсъездовского соревнования на флоте. Ее офицеры, старшины, матросы — отличный коллектив. Хотя они всесторонне подготовлены, их не оставляет стремление добиться еще большего, овладеть новыми высотами мастерства. Экипаж рапортовал Съезду, что на первоклассном корабле все являются классными специалистами, 95 процентов экипажа — отличники боевой и политической подготовки. На такие корабли, как этот, держит равнение весь личный состав флота. Теперь в Военно-Морском Флоте более 60 процентов отличников боевой и политической подготовки, свыше 90 процентов классных специалистов. Это новый этап в повышении мощи флота.

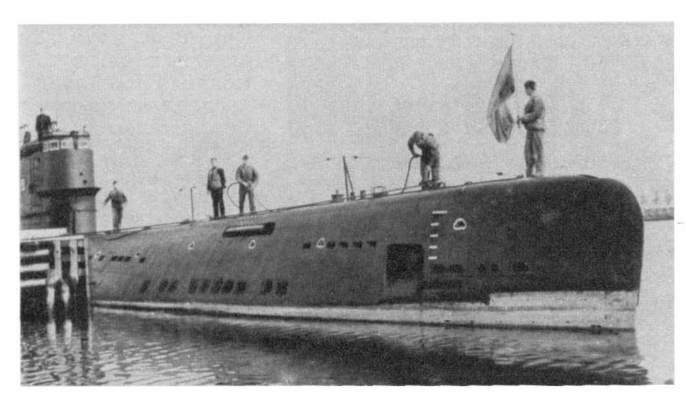
Исторические решения XXIV съезда партии, новые замечательные перспективы укрепления экономического и оборонного могущества СССР вдохновляют личный состав флота, так же как и всех воинов Советских Вооруженных Сил, на новые самоотверженные дела. Моряки живут под девизом: «Год XXIV съезда партии — год отличной учебы и службы». Военные советы, командиры, политорганы ведут большую организаторскую работу по претворению в жизнь решений исторического Съезда партии.

На недавно прошедших войсковых учениях «Юг» корабли и части флота в тесном взаимодействии с воинами Советской Армии успешно решали все поставленные перед ними задачи.

В этот период министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко в сопровождении начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерала армии А. А. Епишева и Главнокомандующего Военно-Морским Флотом Адмирала флота Советского Союза С. Г. Горшкова посетили советскую Средиземноморскую эскадру. Они передали личному составу кораблей привет и сердечные пожелания от Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Забота, внимание партии и правительства к жизни и учебе военных моряков, высокая оценка их труда вызвали большой подъем у всего личного состава Военно-Морского Флота, желание трудиться с еще большей энергией над решением поставленных задач. Когда крейсер проходил по Черному морю, министр обороны и сопровождающие его лица наблюдали умелые учебно-боевые действия кораблей, авиации, проводившиеся по плану войсковых учений «Юг». Министр обороны дал высокую оценку боевой выучке ряда кораблей, подразделений морской авиации. Успешно действовала на учении морская пехота. В ее стремительных атаках угадывалась фронтовая удаль незабвенного морского пехотинца времен войны — «морской души»,— ярко запечатленного в советской литературе.

...День и ночь бороздят водные просторы наши корабли. На них несут службу мужественные, беззаветно преданные партии моряки. Ни на минуту не прекращается напряженная учеба во имя высокой боеготовности, обеспечения безопасности страны. Воины флота всегда начеку, в любую минуту готовы к защите Отечества.

СРОЧНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

А. ГОЛИКОВ

Фото автора.

Черная, блестящая от дождя подводная лодка похожа на огромного кита. Она отправляется в учебно-боевой поход, и мне разрешено в нем участвовать. Раздается команда: «По местам стоять, со швартовых сниматься!» На лодке играют аврал, и я поднимаюсь на мостик, чтобы не мешать морякам готовить свои посты к походу и бою.

Лодкой командует офицер Виктор Михайлович Миронов. Ему тридцать с лишним. На висках, словно осевшая морская соль, серебрится ранняя седина. Опытный подводник плавал в Северном, Черном и Средиземном морях, совершал длительные автономные плавания в океанах. Виктор Михайлович — интересный, остроумный собеседник, очень одаренный человек. Он поет, играет, рисует и все это делает одинаково хорошо, прямо-таки профессионально.

Выслушав доклад о готовности корабля к походу, Виктор Михайлович командует:

— Сходню на борт!
Сходню убирают, лодка плавно отходит от пирса. Учебно-боевой поход начался.
На лодке служат чудесные парни — крепкие, дружные, образованные. У каждого за плечами десятилетка, техникум, а то и институт. Без образования здесь нельзя. Современная подводная лодка буквально набита сложнейшими приборами и механизмами.
Наверху, на мостике, командир лодки, его старший помощник. Места тут в обрез. Кое-как устраиваюсь между ними. Приносят мне специальный пояс. Спрашиваю: для чего? Объясняют: чтобы волной не смыло, если засвежеет.
Действительно, скрылись из глаз берега и засвежело. Пенящиеся гребни волн окатывают лодку, обдавая нас брызгами. От качки стало слегка мутить. Штурман докладывает командиру, что через двадцать минут будем в точке погружения, и я радуюсь. Ведь на глубине качки нет.
Минут через десять Виктор Михайлович предлагает мне спуститься вниз, а еще через десять минут он командует: «Срочное погружение!» По всей лодке гремят резкие прерывистые звонки. Теперь я понимаю, почему меня заранее попросили уйти. Дорога каждая секунда. Из рубки моряки так и сыплются в лодку. Последним уходит командир. Слышу его голос: «Задраен верхний рубочный люк. Оба электродвигателя полный вперед!»
За бортом, возле самого уха, вода с шумом врывается в балластные цистерны, свистит выходящий воздух, лодка уходит в глубину. Задраиваются все двери и люки. Каждый отсек становится герметичным. Команды отдаются по переговорным устройствам.
Качка прекратилась, в лодке царит полная тишина. Акустики слушают «противника». Вот они обнаружили его. Докладывают: «Справа тридцать градусов — шумы винтов». Это идет большой транспорт под охраной боевых кораблей. Раздается сигнал боевой тревоги и команда: «Торпедные аппараты подготовить к стрельбе!» Наступает самый ответственный момент похода, ради которого подводники проходят трудную и сложную подготовку, выполняют суровые плавания. Кажется, что весь подводный корабль напрягся, словно огромный зверь, готовый к прыжку. И вот... корпус лодки вздрагивает — торпеда устремляется к цели. Тишина становится еще напряженнее, акустики следят за движением торпеды, которая точно и неотвратимо поражает «противника». Если бы торпеда была боевая, транспорт взлетел бы на воздух.
Но подводникам радоваться удачной стрельбе некогда. Надо скорее уклониться от преследования боевых кораблей «противника». Они, вероятно, тоже обнаружили лодку.
— Право на борт! Погружение на глубину! — командует Виктор Михайлович.
Боцман Николай Михайлович Луцик перекладывает носовые горизонтальные рули, и мы еще глубже опускаемся в пучину. Однако «противник» оказался опытным. Над нами шумят винты боевых кораблей, и недалеко «рвутся» глубинные бомбы. В пятом отсеке «пробоина». Старшина второй статьи Пятряс Вилкас, старший матрос Алексей Дьяченко и матрос Есепчуков умело и быстро устранили течь.
Учения кончились. С рассветом лодка вернулась на базу, ошвартовалась у пирса. С подводниками, смелыми, мужественными людьми, с которыми я познакомился за короткий поход, расставаться жаль. И, прощаясь, я желаю, как говорят подводники, чтобы всплытий у них всегда было на одно больше, чем погружений...

Командир лодки В. М. Миронов.

Братья-близнецы Иван и Николай Винниковы вместе служат на лодке.

Эдуард АСАДОВ

РОД

Лирический монолог

Какой ты была для меня всегда?
Наверно, в разное время разной.
Да, именно разною, как когда,
Но вечно моей и всегда прекрасной!

В каких-нибудь пять босоногих лет
Мир — это улочка, мяч футбольный,
Сабля, да синий змей треугольный,
Да голубь, вспарывающий рассвет.

И если б тогда у меня примерно
Спросили: какой представляю я
Родину? Я бы сказал, наверно:
— Она такая, как мама моя!

А после я видел тебя иною,
В свисте метельных уральских дней:
Тоненькой, строгой, с большой косою —
Первой учительницей моей.

Жизнь открывалась почти как в сказке,
Где с каждой минутой иная ширь,
Когда я шел за твоей указкой
Все выше и дальше в громадный мир!

Случись, рассержу я тебя порою,
Ты, пожурив, улыбнешься вдруг
И скажешь, мой чуб потрепав рукою:
— Ну, ладно. Давай выправляйся, друг!

А помнишь встречу в краю таежном,
Когда, заблудившись, почти без сил
Я сел на старый сухой валежник
И обреченно глаза прикрыл?

Сочувственно кедры вокруг шумели,
Стрекозы судачили с мошкарой:
— Отстал от ребячьей грибной артели...
Жалко... Совсем еще молодой!..

И тут, будто с суриковской картины,
Светясь от собственной красоты,
Шагнула ты, отведя кусты,
С корзиною, алою от малины.

Взглянула и все уже поняла:
— Ты городской?.. Ну, дак что ж, бывает...
У нас и свои-то, глядишь, плутают.
Пойдем-ка! — И руку мне подала.

И, сев на разъезде в гремящий поезд,
Хмельной от хлеба и молока,
Я долго видел издалека
Тебя, стоящей в заре по пояс...

Кто ты, пришедшая мне помочь?
Мне и теперь разобраться сложно:
Была ли ты впрямь лесникова дочь
Или «хозяйка» лесов таежных?

А впрочем, в каком бы я ни был краю
И как бы ни жил и сейчас и прежде,
Я всюду, я сразу тебя узнаю —
Голос твой, руки, улыбку твою,—
В какой ни явилась бы ты одежде!

26 июля — День национального восстания на Кубе

СРАЗУ ЖЕ ЗА АРТЕМИСОЙ

Валерий ВОЛКОВ

В истории кубинской революции много памятных дат, событий и праздников. Но есть среди них один, который кубинцы особенно чтят,— День национального восстания 26 июля. Именно в этот день 18 лет назад горстка смельчаков во главе с Фиделем Кастро предприняла отчаянную попытку — атаковала бастион кровавой диктатуры Батисты казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба. Первая неудача не остановила героев, и в январе 1959 года над маленьким островом взметнулся стяг свободы. С тех пор 26 июля стало для кубинского народа праздником революционного мужества и самоотверженности, праздником трудовых подвигов во имя революции.

Одилия еще раз пересчитала последнюю группу ребят и, помогая на ходу закрыть набитые книгами и тетрадями самодельные фанерные чемоданчики, дала команду садиться в автобус. Через несколько минут мощный «лейланд» ушел на запад, увозя последнюю группу школьников на новое место жительства, за пределы Гаваны, в район Кангрехерос. Так средняя школа-интернат имени Хосе Мануэля Ласо де ла Вега из городской превратилась в пригородную, а два красавца небоскреба, которые стоят по соседству с гаванским отелем «Ривьера», приняли в свои квартиры новых постояльцев.
Три года назад я впервые знакомился с системой народного образования страны, и посещение именно этой школы было одним из самых сильных моих впечатлений. Мы

ИНЕ

Помню тебя и совсем иной —
В дымное время, в лихие грозы,
Когда завыли над головой
Чужие, черные бомбовозы!

О, как же был горестен и суров
Твой образ, высоким гневом объятый,
Когда ты смотрела на нас с плакатов
С винтовкой и флагом в дыму боев!

И, став против самого злого зла,
Я шел, ощущая двойную силу:
Отвагу, которую ты дала,
И веру, которую ты вселила.

А помнишь, как встретились мы с тобою,
Солдатскою матерью, чуть усталой,
Холодным вечером подо Мгою,
Где в поле солому ты скирдовала?

Смуглая, в желтой сухой пыли,
Ты, распрямившись, на миг застыла,
Затем поклонилась до самой земли
И тихо наш поезд перекрестила...

О, сколько же, сколько ты мне потом
Встречалась в селах и городищах:
Вдовой, угощавшей ржаным ломтем,
Крестьянкой, застывшей над пепелищем...

Я голос твой слышал средь всех тревог,
В затишье и в самом разгаре боя.
И что бы я вынес? И что бы смог?
Когда бы не ты за моей спиною!

А в час, когда, вскинут столбом огня,
Упал я на грани весны и лета,
Ты сразу пришла. Ты нашла меня.
Даже в бреду я почуял это...

И тут, у гибели на краю,
Ты тихо шинелью меня укрыла
И на колени к себе положила
Голову раненую мою.

Давно это было или вчера?
Как звали тебя: Антонина? Алла?
Имени нету. Оно пропало.
Помню лишь — плакала медсестра.
Сидела, плакала и бинтовала...

Но слезы не слабость. Когда гроза
Летит над землей в орудийном гуле,
Отчизна, любая твоя слеза
Врагу отольется штыком и пулей!

Но вот свершилось! Пропели горны!
И вновь сверкнула голубизна,
И улыбнулась ты в мир просторный,
А возле ног твоих птицей черной
Лежала замершая война!

Так и стояла ты: в гуле маршей,
В цветах, после бед и дорог крутых,
Под взглядом всех наций рукоплескавших,
Мать двадцати миллионов павших
В объятьях двухсот миллионов живых!

Мчатся года, как стремнина быстрая...
Родина! Трепетный гром соловья!
Росистая, солнечная, смолистая,
От вьюг и берез белоснежно-чистая,
Счастье мое и любовь моя!

Ступив мальчуганом на твой порог,
Я верил, искал, наступал, сражался.
Прости, если сделал не все, что мог,
Прости, если в чем-нибудь ошибался!

Возможно, что, вечно душой горя
И никогда не живя бесстрастно,
Кого-то когда-то обидел зря,
А где-то кого-то простил напрасно.

Но пред тобой никогда, нигде,—
И это, поверь, не пустая фраза!—
Ни в споре, ни в радости, ни в беде
Не погрешил, не схитрил ни разу!

Пусть редко стихи о тебе пишу
И не трублю о тебе в газете,
Я каждым дыханьем тебе служу
И каждой строкою тебе служу,
Иначе зачем бы и жил на свете!

И если ты спросишь меня сердечно,
Взглянув на прожитые года:
— Был ты несчастлив? —
Отвечу: — Да.
— Знал ли ты счастье?—
Скажу: — Конечно!

А коли спросишь меня сурово:
— Ответь мне: а беды, что ты сносил,
Ради меня пережил бы снова? —
— Да! — я скажу тебе.— Пережил!

Когда же ты скажешь мне в третий раз:
— Ответь без всякого колебанья:
Какую просьбу или желанье
Хотел бы ты высказать в смертный час?

И я отвечу:— В грядущей мгле
Скажи поколеньям иного века:
Пусть никогда человек в человека
Ни разу не выстрелит на земле!

Прошу: словно в пору мальчишьих лет,
Коснись меня доброй своей рукою.
Нет, нет, я не плачу... Ну, что ты, нет...
Просто я счастлив, что я с тобою...
Еще передай, разговор итожа,
Тем, кто потом в эту жизнь придут,
Пусть так они тебя берегут,
Как я. Даже лучше, чем я, быть может.

Пускай, по-своему жизнь кроя,
Верят тебе они непреложно.
И вот последняя просьба моя:
Пускай они любят тебя, как я.
А больше любить уже невозможно.

спускались с этажа на этаж в скоростных лифтах, заходили в аудитории, школьные кабинеты, спальни. 13—14-летние мальчишки и девчонки по праву гордились своим интернатом, где раньше жили богачи.

Теперь же, как шутливо сказал мне член комиссии по вопросам образования провинциального комитета Союза молодых коммунистов Гаваны Энрике Бланко, началось своеобразное «приземление»: школьники спускаются с верхних этажей небоскребов на землю в самом прямом смысле слова.

Директор интерната Одилия де ла Роса вместе с обычными обязанностями по руководству школой получила в свое распоряжение несколько десятков кабальерий земли (1 кабальерия — 13,4 га) с плантациями цитрусовых деревьев и кофейных кустарников, а также ферму экспериментального животноводческого центра «Нинья бонита». Отныне ее питомцы будут учиться и работать.

Сразу же за Артемисой, небольшим городком к западу от Гаваны, обрывается асфальтированная лента шоссе. За машиной стелется длинный красный шлейф пыли, за которым едва виднеются ровные квадраты банановых деревьев.

— «План Артемиса»,— говорит мой попутчик Карлос Альфонсо Пупо,— самая большая в стране банановая плантация.

Ровная зеленая стена неожиданно прерывается, и перед глазами вырастают легкие белые трехэтажные корпуса современных зданий с застывшими у входа развесистыми пальмами-часовыми.

В кабинете директора школы рядом с учебным расписанием висит подробная карта «Плана», на ней — обведенный синей каймой участок.

— Вот он, наш банановый рабфак,— улыбается директор Алисия Сантана и показывает на квадрат указкой.— Мы хозяйничаем на площади 500 гектаров, это и есть наш зеленый фронт работы. Все школьники разделены на семь рабочих бригад. В нашем распоряжении 90 маленьких пропашных тракторов типа «пикколино», самолет сельскохозяйственной авиации АН-2М, машины, другое оборудование. Среди старшеклассников есть уже опытные трактористы, механики...

Новые школы-интернаты продолжают строиться в районе Сейба-дель-Агуа (провинция Гавана). Недавно введена в строй первая школа такого типа в провинции Матансас. Сейчас трудно предположить, сколько подобных интернатов будет открыто в ближайшие годы, потому что это связано с большими экономическими затратами. Но операция «приземление» будет и впредь продолжаться.

Тенденция трудового воспитания школьников и политехнизация среднего образования на Кубе — это не случайное явление, а насущная необходимость, подсказанная жизнью. После победы революции за 12 лет в стране произошли радикальные социально-экономические изменения. Если в первые месяцы после января 1959 года главной задачей считалось проведение аграрной реформы и ликвидация неграмотности, то позже на вооружение нужно было брать не простой алфавит, а технические словари. Страна закладывала основы таких важных отраслей промышленности, как металлургическая, химическая, металлообрабатывающая, о которых раньше на Кубе знали понаслышке.

Выступая на митинге в Гаване 26 июля прошлого года, Фидель Кастро подчеркнул, что одной из серьезнейших проблем революции является вопрос подготовки квалифицированных кадров.

Меры, предпринимаемые кубинскими коммунистами для удовлетворения растущих потребностей экономики страны в квалифицированных кадрах, эффективны, и они уже дают результаты. Большую помощь в решении существующих трудностей оказывают революционной Кубе социалистические страны и в первую очередь Советский Союз.

С помощью Советского Союза на Кубе созданы и успешно работают учебные центры машиностроения имени советско-кубинской дружбы в Гаване, а также центры механизации сельского хозяйства в Ольгине и горнорудной промышленности имени В. И. Ленина в провинции Ориенте. Число выпускников этих учебных заведений составляет около двух тысяч человек.

Гавана.

ЦЕННОСТИ НАРОДН

Вспоминаю, как у нас в Литературном институте имени Горького выступал года полтора-два тому назад знаменитый воин-герой Юрий Бабанский. Любо было смотреть на его юношески насупленное лицо, когда он, делая паузы, видимо, справляясь с нахлынувшим вновь, еще не остывшим в памяти, говорил об известных нам событиях. Еще что-то мальчишеское в прямодушии, в самой чистоте спокойного лица, но и почти физически ощущаемое веяние силы, от которой не поздоровится тому, кто захочет злоупотребить этим прямодушием. «Родит же матушка Россия таких ребят»,— невольно подумалось. И еще пришла мысль: какая это притягательная красота — моральное здоровье человека, цельность характера.

Выветрившийся слой не может породить крепкого растения; так, только на почве народной жизни могут возникнуть сильные характеры. И то же самое — вечный источник нравственного, а следовательно, творческого развития личности — народная мораль. «Чем народу больше, тем правды больше»,— довелось мне как-то услышать в разговоре двух простых людей, и это глубоко верно. Именно в толще народа, в единстве множественности и может найти личность как часть целого родственные и неизменяемые ценности. Из народного морального принципа, как из почки, может родиться целое древо культуры. Как сказал мне один фронтовик, теперь уже дедушка: «Начну жить на пустом месте с кирпича — и все будет, и для внуков и для себя». Сила подобных слов в том, что это, по сути, и не слова, а в потенции действие самого характера, цельность бытия в нераздельности мысли и поступка. Народная мораль и исходит из самой, казалось бы, повседневности, несокрушимости ее. Не из абстрактной солидарности, а из общности переживания, затрагивающего самое коренное в жизни. В народе не рассуждают о своих чувствах, но если уж что-то вырвется, то это невозможно забыть. Моя мать, вспоминая своего младшего брата, сгоревшего в танке под Веной за неделю до конца войны (ему было всего 20 лет), сказала: «Я целый год не могла затапливать печку, зажгу спичку и о Косте думаю, как он, бедный, в танке горел». И тихо заплакала. Я внутренне вздрогнул,— чтобы так, почти физически чувствовать муки брата, и никогда об этом не говорила, первый раз вырвалось за четверть века.

В народной жизни неразложимы мораль и красота, или, как принято называть, этика и эстетика. Было в старину слово «каженик» (искаженный, кажущийся), означавшее выродок нравственный, урод ец духовный. С виду фигура даже и важная, надменно-«интеллектуальная», а все каженик. «Разоделся урод-уродом» — это о любой, лишенной души, внутреннего содержания, форме — и в быту, и в искусстве, и повсюду. Жалкая претензия на первенство — хоть чем-нибудь выделиться, хоть разряженностью, хоть надменностью при полной духовной пустоте. Конечно, все мелкое в литературе, все злобное и расчетливое, как и вообще все бездуховное, не имеет в ней будущего и само по себе не заслуживает внимания, разве лишь в смысле психологическом — по какой причине стало возможно такое омертвение. Культурные ценности могут рождаться только из кровного родства с народом, а не из голых мозговых операций, обескровленных беспочвенностью мысли, ее стрелянием во все стороны, оторванностью ее от той силы, которая дает ей смысл и целесообразность,— от идеала. В современной литературе происходят духовные процессы, знаменательные для нашего времени. Здесь хотелось бы сосредоточить внимание на той тенденции в нынешней литературе, которая связана с народным характером, с его нравственными и эстетическими ценностями. Тот долгий спор, который велся и еще ведется нашей критикой вокруг так называемой «деревенской прозы», невнимателен к главному в этой прозе — к тому, что лучшие книги последних лет о деревне подчеркнули жизненную необходимость для развития литературы проблемы характера и языка. Памятные читателю претензии модной «интеллектуальной» прозы слишком быстро оказались несостоятельными, чтобы можно было подобные акции принимать в расчет потенциальных сил литературы. Книги о деревне обнаружили именно эту возможность характерности прозы, и в известном смысле произошло смещение материала в литературе, своего рода новообразование.

Теперь уже можно говорить о «материке» в нашей литературе, возникшем из таких произведений, как первая книга С. Крутилина «Липяги», повесть «Карюха» М. Алексеева, повести «Где-то гремит война» и «Последний поклон» В. Астафьева, сельские повести и рассказы В. Белова, рассказы Е. Носова, повесть «Жизнь на грешной земле» А. Иванова, повесть «Последний срок» В. Распутина и т. д. Особенность этих книг при различии дарований их авторов в том, что выведенные в них характеры выражают опыт реальной народной жизни, моральную красоту людей из народа как принципиальную ценность бытия. Насколько благодатно влияние народного характера на писателя, сколько он может дать ему тепла и света, видно на примере недавно опубликованной повести В. Распутина «Последний срок». На глазах съехавшихся детей, людей уже немолодых, умирает старуха мать, и так нежалобно, возвышенно она уходит из жизни, что уже в самом этом есть что-то вечное. Ошибочно думать, что в мире не отзывается то, как человек жил, сознание этого пробивается в смутной скуке одного из сыновей старухи: «...Мать уйдет, и все, и одни. Не маленькие, а одни... Считалось: первая ее очередь, потом наша. Вроде загораживала нас, можно было не бояться... Вроде как на голое место вышел, и тебя кругом видать». В жизни и «загораживают» так одни других, морально ответственные — слабых... И даже в бытовом смысле худо, если не будет таких самоотверженных бабушек, а будут такого рода, для которых внуки в тягость, только телевизор в радость,— разве это приобретение для общества?

Духовное величие народа складывается из индивидуальных сил, из моральной значимости личностей, а не из механической суммы их. И здесь непреложна только внутренняя значительность, как необманчива она в старухе матери в «Последнем сроке», на душе которой тяжестью всю жизнь лежит самой себе данное наказание за погибших в войну троих детей: «что она должна была делать, чтобы сохранить их, она не понимала и теперь, но что-то, наверно, делать надо было, а не сидеть сложа руки». Великая и плодотворная печаль за все отвечающего материнства, чтобы мир никогда «не старел без детей».

Повесть «Последний срок» написана тридцатидвухлетним автором, живущим в Иркутске, радует зрелое преклонение молодого писателя перед моральной силой народного характера. Но тем больший спрос с таланта, когда этот талант соединяет свое развитие с материалом народной жизни — этой вечной этикой и вечной эстетикой,— и поэтому здесь логично ожидать основательности в плане духовном, а не только внешне бытовом. В этом отношении освоение быта В. Распутиным и другими авторами еще нуждается в углублении духовной культуры в том смысле, что духовное самоуглубление выводит из односторонности связей (очевидной в том же «Последнем сроке» в противопоставлении безграничной доброты деревенской старухи и душевной черствости ее детей-горожан), приближает к полноте ценностей. «Золото — сердце народное», можно ли точно сказать, где оно есть, а где уже его нет?

Мне рассказывал поэт Егор Исаев, как его воронежский земляк поправлял ему «зрение»: «Ты на меня глядишь, а ведь не видишь. Ты скорее всего меня в себе видишь. Ты зеркальце-то убери, в которое ты глядишься. Вот, а теперь ты на меня вот так погляди,— и приставил ладонь к глазам.— Ну, чего видишь-то?

— Тебя, дядя Митя.

— Ну, погляди еще из-под руки-то. Отца видишь? А деда? Ты отца-то видишь, а еще за отцом и деда рассмотри. Вот так-то человек издалека идет, и это далекое в нем лежит. Ты вглядывайся в это далекое в человеке, тогда и вперед подальше будет видать».

Это «далекое» зрение именно в своих родословных возможностях может быть и духовно бесконечным. И настоятельная проблема сейчас для тех, кто хочет вникнуть в народное миропонимание,— это не замкнуться в каких-то внешних признаках его, не лишать себя пытливости духа. Почему уважение к той же бабушке Анне в «Последнем сроке» должно непременно требовать от нас духовной и эстетической глухоты, скажем, к Платону, Паскалю, Рахманинову?

Ведь сила «частного» открывается в глубинах «общего», в той сокровенной основе, когда, по слову Л. Толстого,— чем глубже зачерпнуть, тем роднее. Умение увидеть человека в пучине морального родства с другими людьми (представьте, той же старухи и гениального ученого Паскаля, мучительно искавшего смысл жизни)— это и значит в быте постигнуть бытие. И тогда уже нет «деревенской», «военной», «научной» и другой темы, а есть жизненная содержательность.

Да, у многих молодых писателей сейчас тяготение к народному слову, цельным людям. В сознании молодого героя повести В. Потанина «Пристань», едущего учиться в Москву, дорожные картины как бы подключаются глубинным течением его воспоминаний о детстве. И как бы ни сложилась дальнейшая жизнь этого человека, какие бы крикливые «интеллектуалы» ни попадались ему на пути, для него душевной «пристанью» на всю жизнь останется его нянька, постоянная в своих глубоких чувствах.

О военном времени и один из последних рассказов Анатолия Жукова «Светлый день любви». Не случайно обращение многих молодых писателей к военному детству: там для них все горькое, но и все самое святое, оттуда идут к ним силы. Автор рассказа задумывается над вопросом большого морального смысла. Говоря о том, что одни родители выбрали своему ребенку имя Олег, что означает «святой», А. Жуков пишет: «Святой, святость — до этого ли нам, людям атомного, космического века! Впрочем, возможно, что если не святости, то сердечности, бережности отношений к миру и друг к другу нам именно и не хватает. Но восполним ли мы этот недостаток, выражая свои надежды на это в именах родных детей? Ведь первоначальное значение именам — как заклинание, как молитвенную просьбу о будущем — придали наши предки, которые завещали исполнение своих желаний детям, не добившись этого сами. Теперь мы возвращаемся к тому же на новом уровне, хотя для нас человеческие имена давно потеряли первоначальный смысл и остались просто условными обозначениями того или иного лица». Нам представляется перспективным это повышение духовной интенсивности в творчестве молодых писателей, отвечающее современному этапу народного самосознания.

Молодых авторов манит к себе родник народного слова, народной эстетики. Конечно, нужна огромная культура, эстетическая культура не одного поколения, чтобы создать такой образ (в русской сказке): «если бросит на дороге полотенце — сделается быстрая и глубокая река; если бросит гребень — явится дремучий, непроходимый лес...» Развертывающийся как сама природа образ, как самозарождающееся бытие — как жалка, мертва перед этой тайной самораскрытия, перед этим естественным преображением вся вымученная конструкция «ультрасовременных», с позволения сказать, образов у иных авторов, почитающих себя «новаторами». Это именно имманентно-природный образ, зерно всякого творчества, а не механически навязанный. В современной прозе плодотворна творчески свободная связь с народной эстетикой, нравственно-образной ее природой. Однако наблюдается здесь и некая стилизация, выпадение слова из современной психологически-действенной связи. Важно не копирование, а принцип языкового мышления—духовно содержательного, эстетически емкого, богатого в языковых формах.

ОГО ХАРАКТЕРА

М. ЛОБАНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Когда в той или иной книге земля — это исключительно и только «деревенская земля»,— это еще не вся правда и не вся истина. Ведь землю не только пашут, но ей и кланяются в самое кризисное для человека время, как кланяется ей Родион Раскольников, обретший в ней, в родной русской земле, точку опоры, дотоле бившийся в мучительных «вечных вопросах». Как же закалится в самой народности слово, как углубится оно и еще полнее будет насыщено современностью, если для писателя «земля» будет не только как до боли родная земля в родной деревне, но и откроется как категория духа, как та вечно нравственная ценность, в которой, собственно, разрешалась вся мучительная сложность противоречий больших русских художников.

В «Плотницких рассказах» В. Белова сооружается баня с каменкой, столь усладительной для любителя париться, делающая его «язычником», по словам рассказчика. Но одной этой «языческой» радости мало было бы для рассказа (да и кончается ли баней язычество героя?), так же, как и синтеза банных традиций с современной цивилизацией в виде совмещения героями жаркой мойки с одновременным слушанием песни Шуберта из цикла «Прекрасная мельничиха», раздающейся из транзистора, замаскированного под лавкой старым веником. Выход из поэзии печки в другом — в самой метафизике характеров плотника Олеши Смолина и его однодеревенца Козонкова, в сложности их взаимоотношений. Разгорается бой между ними, затеявшими на пирушке спор о прошлом, о том, кто был «сплоататор» в деревне, а кто просто работящий мужик, который для Козонкова, всегда искавшего себе дело активиста, был непременно «буржуй». Не выдержав спора, Козонков называет Смолина «контрой» и, вцепившись в противника, «начал стукать о стену лысой Олешиной головой». Переживания рассказчика, расстроившегося, что своим предложением «в открытую» разобраться друг в друге он вызвал эту драку и, значит, ненависть обоих к себе, ничего не стоят в сравнении с изумлением его, когда, призванный на другой день в дом Смолина, он видит вчерашних бойцов за столом, мирно беседующих, «как старые ветераны». Это уже не парилка в бане, а что-то посущественнее, и не только в бытовом плане. Это черт знает что такое: не то загадка, не то рок — сперва головой твоей обобьют стену, а потом обнимут по-братски. Но как бы то ни было, это уже та антиномичность характера, которая дает пищу для размышлений.

Когда произошло достаточное накопление жизненного материала, то становится необходимым во избежание застоя его переход из одного психологического состояния в другое, в какой-то мере качественно новое, так появилась повесть А. Иванова «Жизнь на грешной земле». Здесь мы видим, как духовно проясняется эта обычная у Анатолия Иванова людская тяжба, как, нисколько не теряя в земной «тяжести», она поднимается над бытом, переходит в борьбу внутреннюю, душевную. То, что пережил Павел Демидов, не под силу, кажется, одному человеку. Не один Павел, а вместе с ним и мыслящий читатель не может не остаться потрясенным от того, как это возможно то, что сталось с Демидовым, у которого из-за мстительного однодеревенца Макшеева «покатилась жизнь... колесом куда-то в пропасть».

Сам как будто того не желая, словно против воли, Демидов спасает тонущего в проруби своего врага. Это внутреннее смятение Павла полно глубокого значения. И в Демидове весь узел мучительных переживаний, внутренних противоречий концентрируется в конце концов в моральную силу. Это характер новый в творчестве А. Иванова и, пожалуй, наиболее сильный у него — не в отрицательном своем действии (как Григорий Бородин в романе «Повитель», натура сильная и драматическая), а в нравственной положительности, ничем не разрушаемой человечности: никакими обстоятельствами, никакими страданиями. Ведь все пережитое Павлом не убило в нем живой души: столько у него отцовской нежности к приемным детям. Это типично русский человек с такой заложенной в нем моральной основой, которая позволяет ему оставаться человеком при тягчайших жизненных обстоятельствах.

* * *

В солдатском деле нельзя прикрыться ни фразой, ни позой. И сама память о погибших требует от каждого из нас такой же дельности и ответственности. Величие нашего солдата, прославившего Отечество на весь мир, предполагает и величие других дел. Все то, что вырабатывалось веками в народном характере, что отложилось вечного в духовной истории народа,— все это поднялось в войну к действию, к сопротивлению врагу. И нет более испытующей силы для творческой личности, чем эта причастность к народному опыту. «Сил со мною буди», и слово преображается.

К сожалению, порою война мыслится на уровне таких мелких, явно придуманных «проблем», что недоумеваешь: неужели это говорится всерьез? Один из критиков, А. Бочаров, рассуждает таким образом по поводу одного из эпизодов в разбираемом им романе о войне: «И мы начинаем яснее понимать высокую человечность Лубенцова, как существенную черту его характера. Гвардии майор отстаивает перед командиром дивизии свою просьбу не посылать в поиск Мещерского:

«— Мне бы не хотелось его посылать,— сказал он медленно.
— Жалко?
— Жалко.
— А солдат не жалко?
Лубенцов возразил:
— И солдат жалко. Но Мещерский — поэт... Он стихи пишет.
— Поэт, поэт! — засмеялся генерал.— Если бы он был поэт, его бы в газетах печатали.
Лубенцов сухо сказал:
— Всему свой срок».

Приведя этот разговор, А. Бочаров заключает: «Что ж, приказ есть приказ, Мещерский пошел в разведку. Но тот факт, что Лубенцов возражал, и то, как он возражал, приоткрывает нам душу настоящего человека».

Оправданна ли та важность, с какой критик выводит патетическую «проблему» из очевидной, в сущности, безнравственности: раз человек пишет стихи (признак «интеллектуала»), то цена его жизни не идет в сравнение с жизнью «простого» солдата (который, конечно же, не способен к такой высокомозговой функции, как рифмовка слов). «...Тот факт, что Лубенцов возражал, и то, как он возражал, приоткрывает нам душу настоящего человека» — вот, оказывается, как громко, в самой передовой словесной расцветке можно «оформить» самую дремучую моральную неразвитость. Не говорим уже о том, что не очень остроумно связывать этот опереточный разговор о «поэте» с народной трагедией. Так и видится, как солдаты-разведчики усмехаются, слушая подобное красноречие.

Одна из величайших вечных ценностей жизни — основательность характера простого человека. Основательность, ни на что не претендующая, вовсе и не задумывающаяся о своей значимости, а существующая сама по себе, естественно и уверенно, так что даже трудно представить равновесие мира без основополагающих сил. И то гносеологически-принципиальное, что принято называть в русской литературе живым знанием, корнями своими, корешками, капиллярами, самим дыханием своим связано с цельностью народного характера, таящего в себе не психическую пыль отвлеченно мыслящей личности, а все богатство душевно скрепленных мыслящих и деятельных сил человека. Каждому свое. Кто одно только и скажет: выдюжим, и как по мосту идешь, возникшему вдруг над пропастью. В этом «выдюжим»—та же надежность, о которой в старину говорили: без таких людей не может стоять град. В Великую Отечественную войну выдюжили великие наши солдаты. Если смысл исторического бытия народа — в беспрерывности подвига, то подвиг нашего фронтовика в минувшую войну требует от потомков своего духовного эквивалента,— это значит дополнять друг друга, жить общей исторической народной жизнью.

В романе Ю. Бондарева «Горячий снег» впечатление силы уравновешенной, на которую можно положиться в любых обстоятельствах, оставляет сержант Уханов. Он поистине один из тех, на которых родная земля стоит, и это чувствует его командир лейтенант Кузнецов.

Роман «Горячий снег» дает интересный психологический материал, помогающий уяснить волевую природу нашего воина. Даже в «механических» обстоятельствах эта сила не механическая, а чрезвычайно сложная духовно. К генералу Бессонову, пробивающемуся вместе с колонной войск навстречу противнику, подводят танкиста, который с «остатками роты... вырвался» из боя.

«— Проверьте, как там чувствуют себя остальные танкисты в машинах!
— Есть проверить, товарищ командующий! — ответил Божичко слабым криком изумления и покорности, словно в эту минуту исходила от командующего какая-то смертельная волна, краем коснувшаяся и его, адъютанта. И это было Бессонову неприятно. Он пошел вперед по дороге».

Воля не ослепленно замкнутая в своей, так сказать, физической энергии, а нравственно живая (ему было «неприятно»), и в то же время это «смертельная волна». Труднопостижимый для механической силы волевой тип!

Бессонов — средоточие воли всей армии, когда он руководит сражением, и читатель невольно заражается грозовым зарядом его властности. После сражения тот же Бессонов, вручая оставшимся в живых артиллеристам ордена боевого Красного Знамени, думает потрясенно: «Все, что могу, все, что могу... А что я могу сделать для них, кроме этого спасибо?»

Это даже не сочетание, а неразложимая сложность «разрушительной ненависти» и сокровенного родства.

Если бы лейтенанта Кузнецова спросили после боя, отчего он не приказал Уханову снять панорамы с орудий под бомбежкой, а одинаково разделил с ним опасность, он шутливо мог бы сказать: на миру и смерть красна. Сокровенно то, что еще не выражено, не стало фразой; нашего человека легче вызвать на откровенность грубоватую, нежели на такую, где замешана отзывчивость. И сколько непровозглашаемых духовных сокровищ таится, как говорили когда-то, в скрове народной памяти.

На прошедшем недавно съезде писателей СССР говорилось не раз о том, как плодотворны связи литератур братских народов нашей страны, о том, как необходимо беречь такую величайшую ценность народной жизни, как родной язык. М. Алексеев сказал: «Я сознательно говорю — родная речь, ибо имею в виду не один лишь русский язык, но и языки, на которых создают свои произведения мои товарищи из братских республик. Что же касается языка русского, то в охранении его, как мне думается, кровно заинтересованы не только мы, пишущие на нем, но и литераторы других национальностей, поскольку им вовсе не безразлично, на какой русский язык их переводят — на среднеграмматический, «обезвоженный», «обезжиренный» или на полновесный, на такой, на каком работают настоящие мастера». «Русский язык,— сказал Г. Абашидзе,— является тем мостом, который не только связывает, но и духовно сближает наши народы». Поэтому естественно, что литератор, пишущий на русском языке, берет на себя огромную ответственность, и оправданием здесь может быть создание ценностей, достойных народного характера.

НАРОДНЫЙ

Фото И. Ефимова

Народного артиста СССР Игоря Владимировича Ильинского я знаю около сорока лет. Знаю лично, близко, творчески... Уже тогда, когда я впервые с ним встретился, он был кумиром миллионов зрителей. «Процесс о трех миллионах», «Закройщик из Торжка» — эти киноленты сразу же вписали его имя в историю советской комедиографии. Можно без преувеличения сказать, что Игорь Ильинский — непревзойденный комедийный актер, любимец публики, а вместе с тем актер великого трагикомического дарования, сила которого в способности охватить мыслью и чувством характеры самые крайние, взаимоисключающие, не допускающие, казалось бы, даже и простого соседства. Соглашатель в «Мистерии-буфф», Победоносиков в «Бане», Присыпкин в «Клопе» В. Маяковского и в то же время Аким в толстовской «Власти тьмы», Хлестаков в гоголевском «Ревизоре», Бывалов и Огурцов в кинофильмах «Волга-Волга» и «Карнавальная ночь» — вот далеко не полный список образов, в которых артист раскрыл свой необычайно яркий и самобытный талант, поставивший его в ряд самых выдающихся мастеров русской сцены, ветеранов реалистической школы.

Я десятки раз бывал на литературных концертах Игоря Владимировича и с наслаждением слушал в его великолепном, тонком исполнении отрывки из произведений Л. Толстого, Гоголя, стихи Маршака, крыловские басни и те мои басни и стихи, которые он отобрал для своего эстрадного репертуара... Всякий раз его появление на сцене вызывало в любой аудитории радостное оживление, настраивало слушателей на встречу с чем-то очень знакомым, обаятельным и дорогим. Ильинский-лирик, Ильинский-обличитель, Ильинский-режиссер, Ильинский — мастер художественного слова — таким знает его народ, таким он прошел через десятилетия творческих дерзаний и побед филигранного сценического труда.

Я знаю Ильинского не только таким, каким его привык видеть зритель. Я знаю его серьезного и взволнованного, погруженного в раздумья о будущем советского театра; ищущего, размышляющего о развитии драматургии, не удовлетворенного состоянием современной комедиографии. И всякий раз мне приходилось слышать его упреки в наш адрес — в адрес людей, причастных к созданию сатирических произведений. «Мало пишете!.. А ведь я мог бы сыграть еще не одну комедийную роль в кино!..»

Да, без преувеличения можно сказать, что юбилей Игоря Ильинского — юбилей поистине всенародно любимого артиста Советского Союза.

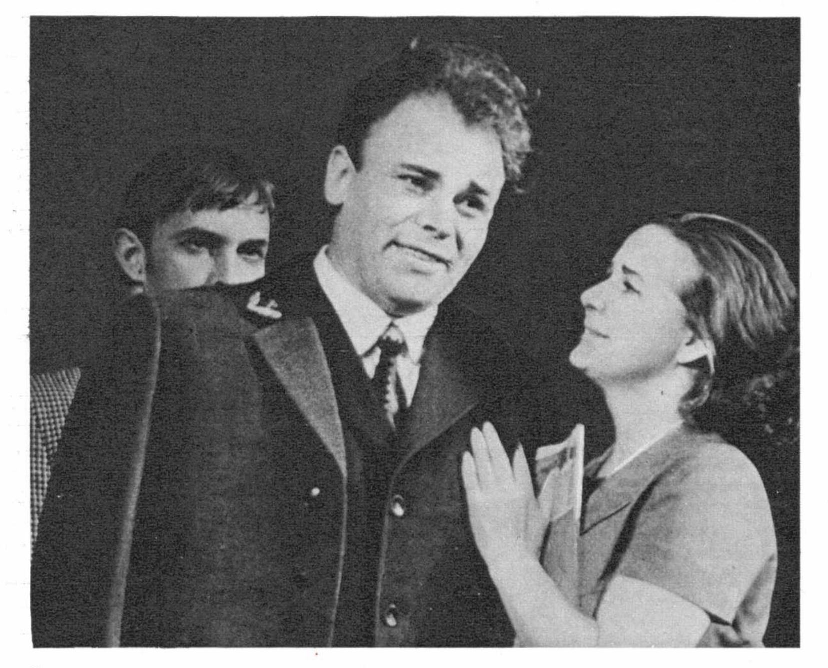
Игорь Владимирович Ильинский встречает свое семидесятилетие полный творческих замыслов. И наш долг, поздравляя его и желая ему долгих лет жизни,— сделать ему подарок. Мы обязаны подарить ему новую, яркую, полнокровную роль в новом комедийном фильме, о котором он мечтает сегодня.

С. МИХАЛКОВ,
лауреат Ленинской премии

СВЕТ ШАХТЕРСКОЙ ЛАМПЫ

В левом углу портала горит шахтерская лампа, и ее неяркие отсветы, падая на суперзанавес, повторяющий контуры комсомольского значка, разбегаются по нему волнами неспокойного, тревожно-алого цвета. А нарастающие звуки концерта Рахманинова еще более усиливают ощущение тревоги. Они так и пройдут через весь спектакль — прекрасная взволнованная музыка и всполохи цвета крови и зари. Пройдут как символ, как олицетворение романтической, готовой на подвиг молодости, как биение горячего комсомольского сердца. «Нет, не погасла твоя шахтерская лампочка,— скажут позже герою спектакля,— долго еще будет гореть она в сердцах людей». И эти простые, из самой души идущие слова точно и емко определят глубокий смысл повести В. Титова «Всем смертям назло», обретшей ныне свою вторую жизнь на подмостках Ворошиловградского театра.

Спектакль, которым коллектив открыл гастроли в столице, волнует подлинностью, безыскусственностью повествования (инсценировка повести «Всем смертям назло» сделана самим автором, В. Титовым, и режиссером спектакля К. Миленко) и той необыкновенной чистотой человеческих душ и человеческих отношений, которая раскрывается перед нами в ходе спектакля. Зрительный зал чутко улавливает этот настрой театра, то взрываясь громом взволнованных аплодисментов, то замирая в напряженной тишине ожидания, а в финале долго не отпускает артистов, стремясь передать свое восхищение и удивление поступком простого советского парня...

«Всем смертям назло». Сергей Петров — Д. Витченко, Таня — Н. Степанова.

Фото И. Галанюка.

Сергея Петрова — так в повести и пьесе зовут героя — играет Д. Витченко. Играет горячо, темпераментно, увлеченно. Роль его жены, Тани, исполняет Н. Степанова. И так неотделимы герои друг от друга в поступках, помыслах, чувствах, что и говорить об этих актерских работах хочется как о едином целом...

Да, настоящий подвиг совершил Сергей Петров, заслонив своим телом сотни других жизней. Но не меньший подвиг совершила и Таня — незаметный подвиг жены, начавшийся у больничной койки любимого, продолжающийся и по сей день...

Самой сильной, кульминационной сценой спектакля становится не физическое возвращение Сергея к жизни — благополучный исход кризиса, наступивший в больнице,— а перелом духовный. Тот перелом, что пришел ночью, возле полотна железной дороги, где Таня нашла мужа после его малодушного бегства из дома. И тот взрыв гнева и возмущения, который обрушивает она на Сергея, усомнившегося в силе ее любви, становится для обоих новым открытием друг друга.

Более чем скромно оформление этого спектакля (художник Н. Солодов). Домик Петровых, больничные интерьеры... Никаких особых режиссерских придумок не предлагает нам и постановщик К. Миленко. Но именно в этой, может быть, даже несколько нарочитой простоте и скромности есть свой особый смысл. Происходящее перед нами на сцене по сути своей столь значительно и прекрасно, что не нуждается в дополнительной акцентировке.

Зато «Каменный властелин» Л. Украинки поставлен В. Тимошиным в оформлении Н. Солодова (композитор Л. Соковкин) словно бы в восполнение недостающей первому спектаклю внешне броской театральности. Здесь и таинственный сумрак печальных гробниц, и романтическое нагромождение скал на берегу моря, и пышный холод парадных покоев дома Командора; изысканные туалеты дам, звон скрещивающихся клинков, обилие музыкального сопровождения... Его так и воспринимаешь поначалу, как спектакль-зрелище, где все откровенно условно, красиво, ярко и... знакомо. Но вот в калейдоскопе красок начинает все отчетливее проступать один образ — это донна Анна Г. Тимошиной. Ее прекрасное надменное лицо, холодное и безразличное, постепенно оживает, озаряемое изнутри тревожным блеском жадных глаз. Честолюбивая жажда власти, зароненная в душу Анны Командором (П. Кленов), будто пламенем опаляет ее сердце, не оставляя в нем иных чувств. Уже не любовь, а желание трона движет поступками Анны, и дон Жуан (О. Баглюков) становится для нее лишь средством в достижении заветной цели. Колдовская, завораживающая сила ее слов покоряет, обезоруживает Жуана. Но, отдавая себя в руки Анны, отказываясь от самого для него дорогого — свободы, Жуан как бы отказывается тем самым от себя... И тогда гибель его становится не роковой игрой случая, а логическим следствием измены убеждениям, которые он исповедовал всю жизнь. Философская драма Леси Украинки прочитана театром интересно и глубоко — как своеобразная история испанской леди Макбет, а вовсе не как еще одна версия о знаменитом севильском обольстителе доне Жуане Тенорио...

Наши гости из Донбасса — театр прославленного края угольщиков — в Москве впервые. И особенно приятно отметить их большой успех у взыскательных московских зрителей... Хочется пожелать, чтобы добрый свет надежной шахтерской лампы и впредь освещал их путь.

Н. БАЛАШОВА

ПОЛОВОДЬЕ ЧУВСТВ

На гастроли в Москву красноярцы привезли много своих работ. Среди них есть спектакли, названия которых москвичи услышали вообще в первый раз; есть и премьеры, выпущенные в Москве во время гастролей.

Но разве этим объясняются аншлаги — постоянная уже табличка об отсутствии билетов, красующаяся над окошком кассы в Театре имени Ермоловой, где играют гости?.. Только ли новые названия на афише красноярского театра привлекают зрителей?.. Конечно, причины иные! Хорошая слава вопреки давно устаревшей пословице нынче тоже на месте не лежит. Глубокая режиссерская трактовка пьес, острые и умные актерские работы — вот что определяет успех гастролей.

Понять мир души человека, выразить сложность, многозначность явлений жизни в образах крупных, значительных — именно этому благородному стремлению радуешься и удивляешься в спектаклях Театра имени А. С. Пушкина, возглавляемого молодым, остро чувствующим современность, режиссером Германом Меньшениным.

В созданной и поставленной им инсценировке большого эпического произведения А. Чмыхало «Половодье», где автор и режиссер в содружестве рассказывают о жизни Сибири, о борьбе народа за свою родную Советскую власть, образы добра и зла отнюдь не становятся прямолинейными, однокрасочными: они все наполнены живым трепетом человеческого сердца, его радостью и болью.

В праве на эмоции, на «свою», пусть злую, веру театр не отказывает даже кулаку Захару Боброву, мельнику, привыкшему повелевать людьми большого села. Причем, выводя на сцену своего «героя», заслуженный артист РСФСР Н. И. Тяк позволяет нам за привычным вроде бы кулацким обликом (шелковая рубашка до колен, поддевка в густую сборку, черный высокий картуз) разглядеть характер, и не только его особенности, но и его борения, его «диалектику». Захар Бобров хитер, жаден: на узком, тонком, недобром лице сменяются все выражения лести, страха, подозрительности, злобного торжества... А торжествует Бобров, как и его подручные, часто: с помощью карателей им не раз удается брать верх над революционным селом, над партизанами... Набеги карателей всякий раз оканчиваются казнями, расстрелами, но победить волю безоружного народа, сломить народ каратели не могут...

Вот тут-то и выступает на первый план сверхзадача спектакля, поставленная режиссером: выступает конфликт рутинных сил жизни с человечностью, достоинством, благородством — лучшими человеческими качествами, хранителем которых и является народ...

Само естественное стремление к правде и добру — оно-то и есть заветная суть народной души, утверждает театр. Зато добро и правда вовсе не ведомы потерявшим себя выродкам, убийцам, погрязшим в крови и жестокости...

Здесь, на стороне добра, театр тоже создает много интересного, здесь опять что ни роль, то крупный, незаурядный характер... А. Шаланов в роли Петрухи Горбаня, братья Завгородние, которых увлеченно и крупно играют В. Дьяконов и В. Казачек, отец Макар Артемьевич — В. Кульзбеков... Какие же все это разносторонние, по-сибирски основательные, спокойные и неторопливые, а в то же время ярко одаренные, талантливые люди!.. От них словно исходит свет мысли, прирожденного разума.

На редкость хорош обрисованный в таком именно плане дед Гузырь.

Замечательный актер Н. З. Прозоров—народный артист РСФСР—играет Гузыря нищим, легконогим, беловолосым старичком, за чьей внешней безобидностью, простотой и незлобивостью таится великая любовь к людям. Таится такая справедливость, которая и делает его своеобразным патриархом, совестью и душой борющейся деревни...

А какую глубину натуры обнаруживают у своих героинь В. Долматова — Нюрка и Н. Борисова — Любка Солодова — страстно любящие соперницы,— и ведь тоже натуры незаурядные, своеобычные...

На спектаклях тут даже в массовках не увидишь ни одного безразличного, одинакового лица.

Поистине половодье чувств! Его щедрый разлив наполняет и советские современные работы красноярцев и привезенную ими на гастроли классику.

Н. ТОЛЧЕНОВА

«Половодье». А. А. Шаланов — Петруха Горбань и Н. И. Тяк — Захар Бобров.

Фото М. Стронова.

К 80-летию со дня рождения Б. Лавренева

РОМАНТИКА БОРЬБЫ

Борис Лавренев был выдающимся писателем, человеком необычайной судьбы, интересной и сложной личностью.

Если бы кто-нибудь спросил, что же отличало личность писателя, мы сказали бы: романтика. Лавренев был романтиком даже не по литературному стилю, а по стилю жизни, по духу ощущения истории...

Моряк в прошлом, он уловил в революции дыхание новой эпохи: в человеке революции угадал титанические возможности... И стал рядовым в строй первых молодых художников советского общества, хотя «рядовым» не остался... В манере тонкой и точной, пером, которое можно уподобить острой и таинственной игле офортиста, Борис Лавренев писал о людях старой и новой культуры, удивительно знал их сущность, их различие... Мы все любили его, и с его именем связали свои первые опыты познания жизни, именно новой жизни, круто меняющейся, одаряющей человеческую личность высоким и чистым ощущением принадлежности к коллективу... Без Лавренева был бы беден, неполон тот обширный мир художественных впечатлений, который создан литературой первых советских художников.

Отыскивая нечто неповторимое, сугубо лавреневское, что всегда будоражит и волнует, видишь, что оно, это лавреневское, рассеяно во всем его творчестве. И в великолепных эпических страницах «Ветра» («Повести о днях Василия Гулявина») и в терпкой лирике «Сорок первого»; в поразительном рассказе о великой душе генерала Адамова, ставшего седьмым спутником планеты Революции, и в драме капитана Берсенева, героя «Разлома»... Всюду на нас смотрят суровые и нежные человеческие лица, звучат голоса героев, решаются их судьбы. И в каждой — переживания самого Лавренева, свет души писателя, болеющего за Отчизну.

Вспомним Орлова, подпольщика, коммуниста... Попав в застенок, Орлов отводит от себя возможность «легкой» смерти, которую ему вместе с ядом предлагает капитан контрразведки Туманович... Не соглашаясь, Орлов оставляет за собой право быть казненным.

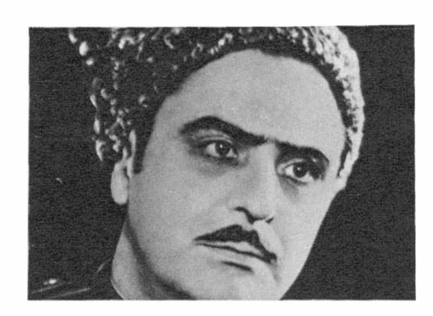
— Вам не понять этого,— говорит Орлов капитану,— а это такая простая вещь: жил для партии и умру для нее...

Новелла так и называется: «Рассказ о простой вещи».

Назвать подвиг героя, идущего на гибель за других, простой вещью мог только советский писатель, знавший силу великих порывов человеческого сердца, неустанно воспевающий их в своем и ныне живом творчестве.

Н. ВЕЛЕХОВА

Столетие встречали на гастролях

Свое столетие Республиканский русский драматический театр Северо-Осетинской АССР встречал на гастролях в Москве.

Афиша юбиляров извещала о репертуаре весьма разнообразном, что всегда привлекает зрителей,— здесь и классика и современность. Особый интерес москвичей вызывал спектакль «Полковник Ксанти».

Пьеса Георгия Черчесова поставлена главным режиссером театра заслуженным деятелем искусств РСФСР и СО АССР З. Э. Бритаевой.

Драматическая поэма — так определили режиссура и постановочный коллектив творческий характер спектакля. И, пожалуй, жанр, стилистика постановки да и все ее звучание отвечают требованиям этой высокой современной формы разговора театра со зрителем... Патетика и лирика, эпос и откровенная, прямая публицистика, обращения артистов к зрительному залу сочетаются здесь — в повествовании о легендарной жизни осетина Мамсурова, разведчика, воина, коммуниста — в единое, гармоничное целое...

Лицо вполне достоверное: герой, существовавший в реальной жизни, человек, известный Хемингуэю по событиям в Испании, Мамсуров совершал и во время Великой Отечественной войны подвиги фантастические.

Но не будем пересказывать пьесу. Театру удалось преодолеть известную ее громоздкость благодаря отличному исполнению заглавной роли артистом А. Б. Мирошниковым. Много в «Полковнике Ксанти» — так же, впрочем, как и в других гастрольных спектаклях,— хороших, заметных актерских работ.

Н. ПАВЛОВА

На снимке: А. Б. Мирошников — полковник Ксанти.

Фото И. Похила.

Ц. Сампилов. АРКАНЩИК.

П. ОССОВСКИЙ,
первый секретарь правления Союза художников РСФСР

САМОБЫТНАЯ СИЛА ТАЛАНТА

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР готовилась в те дни, когда наша страна шла навстречу XXIV съезду КПСС. Открытая в конце апреля, эта выставка стала первым послесъездовским практическим делом художников многонациональной России, их ответом на исторические решения съезда, на требование современности — глубже проникать в жизнь. В картинах, скульптурах, графических сериях, показанных на выставке в Манеже, предстала сегодняшняя жизнь автономных республик: труд, быт, национальные обычаи, огромные социальные перемены, происшедшие за годы Советской власти. Посетителей выставки, работавшей в Москве в мае — июне текущего года, прежде всего привлекало обилие ярких жизненных наблюдений, прямой контакт художников с героями современности.

Шестнадцать автономных республик Российской Федерации... Шестнадцать равных и очень разных по природно-климатическим условиям, географическому положению, обычаям и культурным традициям республик на выставке предстали словно шестнадцать ярких красок палитры художника. Голубой озерный край у северо-западных границ страны — Карелия; величественные горные цепи Кавказа; щедрые пастбища с отарами овец — Чечено-Ингушетия; необозримые просторы Забайкальских степей — Бурятия; нефтяные вышки, золотые колхозные нивы Поволжья — Татария. Контрастные, выразительные краски многонациональной России. Многолико искусство автономных республик. Якутия испокон веков славится искусными работами местных косторезов, повсюду знают о неотразимой красоте марийской вышивки, дагестанских узкогорлых кувшинов, войлочных ковров Кабардино-Балкарии, чувашских деревянных обиходных вещей...

Шестнадцать республик — это шестнадцать неповторимых художественных индивидуальностей, характеризующих многоликую, многоцветную, щедрую Россию.

Одна из самых ярких особенностей выставки заключается в драгоценном сплаве традиций народного искусства, уходящего своими корнями в далекое прошлое, с традициями русской реалистической профессиональной школы.

Профессиональное изобразительное искусство в автономных республиках еще очень молодо. Можно с полной ответственностью сказать, что оно выпестовано Советской властью. Первых мастеров взрастили художественные вузы Москвы и Ленинграда. Этот процесс воспитания национальных кадров продолжается и поныне. На выставке можно было бы воочию убедиться в плодотворности и прочности связей художников автономных республик с русской культурой, с художественными традициями живописных, графических, пластических школ Москвы и Ленинграда. Три-четыре десятилетия назад национальных художников автономных республик можно было на пальцах перечесть. Сегодня в шестнадцати автономных республиках РСФСР более тысячи художников-профессионалов.

Каждая из автономных республик в самостоятельной, но неразрывной от общей экспозиции демонстрировала в Манеже лучшие произведения последних двух десятилетий, а также работы художников, закладывавших основы профессионального изобразительного искусства. Сегодня мы с благодарностью называем имена Федота Сычкова, ученика И. Е. Репина, Степана Эрьзю — их искусство легло в основание мордовской советской культуры; зачинателей башкирского искусства А. Тюлькина, К. Давлеткильдеева и А. Лежнева, корифеев якутской живописи П. Романова, М. Носова, И. Попова, известного советского художника Е. Лансере, оказавшего большое влияние на живопись Дагестана, старейшего художника Тувы В. Демина, В. Полякова из Сыктывкара, чувашских живописцев старшего поколения Н. Сверчкова, М. Спиридонова, классиков бурятского искусства Ц. Сампилова, И. Аржикова. Они были первыми. Им честь и слава.

В Манеже впервые живопись, скульптура, графика, декоративно-прикладное искусство были показаны в единой экспозиции с народным искусством, причем каждая республика имела свой раздел. Это обогатило всю выставку в целом и дало возможность зрителям увидеть взаимосвязь, взаимовлияние традиционного и современного профессионального искусства.

Зритель увидел, что прославленная якутская графика унаследовала пластические качества, национальное своеобразие искусства местных косторезов. Непосредственное соседство произведений прикладников и графиков позволило понять, что традиционное для Северной Осетии чернение по серебру дало национальную окраску современной станковой гравюре. Одним словом, такого рода совместный показ всех видов изобразительного искусства давал возможность увидеть, почувствовать живые связи народного мастерства и профессионального творчества.

Каждая республика дала свой национальный оттенок, и это способствовало тому, что огромная выставка была разнообразной, увлекательной для зрителя. Впрочем, и для тех, кто участвовал в создании экспозиции, было немало откровений.

Тиснение по коже калмыцких художников Г. Божкова и Е. Гашинского поразило всех нас мудрой простотой приема, заимствованного у табунщиков, изготовлявших на досуге прекрасные вещи из кож. Вспоминаю, какое радостное чувство пережили члены выставкома, когда увидели на стендах работы тувинских резчиков по камню. Доскональное знание предмета изображения — животных, филигранное мастерство, жизненность содержания, монументальность формы — вот

Р. Нурмухаметов (Уфа). ДОЯРКА РЫСКУЛОВА.

Выставка произведений художников автономных республик Российской Федерации.

С. Торлопов. (Сыктывкар). ИСКАТЕЛИ.

Выставка произведений художников автономных республик Российской Федерации.

П. Зарон (Орджоникидзе). КАЗБЕК И ТЕРЕК.

Выставка произведений художников автономных республик Российской Федерации.

очевидные достоинства многочисленных и прекрасных работ тувинских мастеров. Переходящая из поколения в поколение любовь тувинцев-аратов к животным воплотилась в камне — агальматолите.

В залах, где экспонировалось искусство Башкирии, ярче всего была представлена живопись. Подлинные приметы сегодняшней народной жизни, этические и эстетические идеалы народа, претворенные в образную ткань современных по языку произведений, составляют содержание искусства талантливых башкирских живописцев. Монументальность, национальная характерность образов А. Лутфуллина, поэтическое видение мира у Б. Домашникова, красочность полотен Ф. Кащеева, пейзажи индустриальной Башкирии А. Пантелеева, интерес к героям сегодняшнего дня у Р. Нурмухаметова, свежесть натюрмортов А. Ситдиковой, романтические пейзажи-картины А. Бурзянцева позволяют говорить о расцвете творческих индивидуальностей художников социалистической Башкирии. Высокий профессионализм присущ башкирским мастерам театрально-декорационного искусства Г. Имашевой и М. Арсланову.

Свои национальные краски и у живописцев Татарии, которые наиболее полно представлены в экспозиции своей республики. Татарские живописцы по-прежнему активно работают над актуальными сюжетами современной жизни. Это относится и к мастеру сюжетно-тематической картины Х. Якупову, к пейзажисту Н. Кузнецову, скульптору В. Маликову. В коллектив татарских художников уверенно вошел выпускник Московского художественного института имени В. И. Сурикова И. Зарипов. Его картина «В доме» говорит о безусловной одаренности молодого живописца.

Яркая самобытность отмечает творчество художников Марийской АССР. Песенность, лирическая одухотворенность характеризуют триптих Б. Пушкова, посвященный Родине, правдивы и поэтичны пейзажи Н. Карпова.

Землю красят люди. В залах Северной Осетии широко было представлено творчество скульпторов-портретистов С. Санакоева, Ч. Дзанагова. Главное в нем — образы рабочих, крестьян-горцев.

Бурятский народный эпос, народное представление о прекрасном лежат в основе творчества живописца Ц. Сампилова. В его картинах — сама народная жизнь: привычные занятия, праздники, ритуалы, жилище, одежда, обычаи.

Выставка шестнадцати автономных республик современна, свежа по краскам, оптимистична. Подлинным откровением явились разделы северных республик — Карелии и Коми, в которых живопись, скульптура и графика были представлены в Манеже работами первоклассных мастеров.

В залах Карелии сильнее были представлены скульптура и живопись. Это прежде всего работы скульптора Л. Лангинена, искусство которого известно далеко за пределами республики. Картины, портреты, натюрморты Ф. Ниеминена, верно ощущающего пульс времени. Читателям «Огонька» знакома в репродукции его картина «Тяжбуммашевцы». Попрежнему светло и молодо видит С. Юнтунен — старейший пейзажист республики. На выставке цельно и ярко предстал влюбленный в северный озерный край Б. Поморцев.

Если успехи карельских художников и раньше были заметны на всероссийских и всесоюзных выставках, то искусство республики Коми впервые было показано так широко и успешно. Большой цикл холстов С. Торлопова о сегодняшнем трудовом дне республики, портрет-картина Р. Ермолина «Рыбаки Печоры», холсты С. Добрякова «Красные партизаны» и А. Кочева «Пастух» позволяют говорить о живописцах республики Коми как о требовательных к себе художниках.

В Манеже весной 1971 года на суд взыскательного столичного зрителя впервые представила свои картины группа молодых художников из автономных республик Российской Федерации.

Смысл только что закончившегося показа изобразительного искусства автономных республик многонациональной России, по-моему, заключается еще и в том, что выставка эта для многих и многих художников — необходимая ступень при восхождении к вершинам мастерства.

В Манеже можно было встретить много новых имен, и это сулит нашему многонациональному искусству добрые надежды на будущее. Может быть, у некоторых художников из числа тех, кто экспонировал свои работы в Центральном выставочном зале, нет пока должной высоты мастерства. Но есть все возможности для того, чтобы совершенствовать его.

На последней юбилейной выставке «Советская Россия» зритель впервые увидел новое имя — П. Павлов. На выставке автономных республик П. Павлов — молодой живописец из Чувашии — показал две значительные работы. Это картины «В трудные годы» и «Земля». Лаконичный язык его холстов сильно, впечатляюще воссоздает суровую историю нашей Советской страны.

Давно ли вошли в большое искусство художники из Якутии А. Мунхалов, В. Васильев? А теперь их графические циклы стали гордостью всего советского многонационального искусства и известны за пределами нашей страны.

Прекрасно выставился и А. Осипов. Его картина «Правление колхоза», на мой взгляд, еще не получила должной оценки. Она вызывает пристальный интерес обстоятельной точностью образных характеристик, верной передачей деловой атмосферы заседания, радостным золотистым колоритом.

Запомнились картины татарского живописца И. Зарипова, молодого художника из Северной Осетии Ш. Бедоева, живописца В. Абаева из Кабардино-Балкарии, графика А. Шарыпова из Дагестана, живописца С. Саая из Тувы. Думается, что их дебют был удачным и мы еще не раз увидим работы этих мастеров на ответственных выставках.

Несколько слов хочется сказать о возможностях и достижениях разных жанров искусства, продемонстрированных выставкой.

Безусловно, сильнее и полнее других жанров была представлена на выставке станковая живопись. Очень хорошо, что станковая картина в основном решает темы современности. Я уже перечислял имена и картины художников, решивших успех выставки, в чьих произведениях день сегодняшний нашел наиболее полное и яркое воплощение. Но наряду с этим на выставке заметное место занял исторический жанр.

Картина И. Попова «Якутск конца XVII века»... Застылость, замкнутость той далекой эпохи леденят сердце. Полотно И. Попова оригинально и в композиционном отношении: панорама, открывающаяся с высоты птичьего полета, позволила без натуралистических подробностей воссоздать историческую правду. На берестяном туеске якутской мастерицы Ф. Пудовой воспроизведен текст ленинской телеграммы от апреля 1921 года трудящимся далекой Якутии: «Раскрепощенные от царистского угнетения, освобождающиеся от кабалы тойонов якутские трудящиеся массы пробудятся и с помощью русских рабочих и крестьян выйдут на путь полного укрепления власти самих трудящихся». Предсказание Владимира Ильича сбылось. А о том, насколько светлее, радостнее, полнокровней, счастливей стала жизнь якутского народа, рассказывает сегодняшнее искусство республики.

Ветер времени, плотный, живой, ощущается в исторических жанрах П. Семенова из Ижевска. С циклом работ, посвященных подвигу Героя Советского Союза М. Девятаева, выступил Х. Якупов. Центральное место в залах Дагестана занимал триптих Е. Лансере «Красные партизаны Дагестана спускаются с гор на защиту Советской власти». Запомнились исторические жанры, написанные в 20—30-х годах А. Лежневым.

На выставке произведений художников автономных республик был широко и полно представлен лирико-поэтический пейзаж. Лиричность — общее свойство советской пейзажной школы. Таков характер нашей земли. Величие Кавказа по-пушкински будет волновать еще не одно поколение поэтов и живописцев. Кавказ — постоянный объект внимания известного живописца из Северной Осетии П. Зарона. Кавказ — стихия, требующая от художника широты, смелости взгляда. П. Зарон охватывает глазом горные ландшафты и любовно передает многие приметы современности.

С большим циклом пейзажей Чечено-Ингушетии выступил В. Мордовин.

Любовь к родной земле согревает искусство Б. Поморцева из Карелии, Н. Карпова из Марийской АССР, казанского пейзажиста Н. Кузнецова, А. Ложкина и Н. Попова из Удмуртии.

Сама современность предстает в пейзажах А. Пантелеева. Достоинство мастера в том, что он свободно владеет материалом — ландшафтом индустриальной Башкирии. Он видит красоту там, где иной видит лишь нагромождение конструкций, пыль да копоть. В его пейзажах живет восхищение творением рук советского человека.

Порадовали психологически точные, глубокие портреты А. Холмогорова (Ижевск), портреты А. Лутфуллина и его групповой портрет-картина «Три женщины», портретные работы Ф. Ниеминена, чувашского художника Н. Карачарскова, мордовского живописца В. Илюхина.

Мы имеем богатые традиции русского реалистического портрета. К сожалению, наши художники не всегда используют эти богатства во всей полноте. А задача в том, чтобы глубже и глубже проникать в духовный мир современника. Новизна прежде всего в том, что художник сегодня, вступая в активный контакт с эпохой, находит героя, зачастую группу героев в гуще событий, в массе и пишет портрет, словно бы заказанный самой эпохой. Процесс этот требует дальнейшего развития. То, что сделано, заслуживает всяческого поощрения. Но время требует от художников-портретистов большего. Внимание к человеку труда — наш магистральный путь.

Современность прекрасно может характеризовать и такой незаслуженно полузабытый нами жанр, как натюрморт. Тот, кто был на выставке, наверное, запомнил работы В. Авдышевой «Натюрморт с якорем», «Посылка из Мурманска». В них предметно сказано и об увлечениях художника и о круге его друзей. И жаль, что у нас натюрморт в последние годы приобрел антикварно-этнографический характер. Спору нет, красивы, нарядны узоры народной вышивки, предметы старинного быта, сказочные богатства, хранившиеся в бабушкином сундуке, но такого рода репродуцирование красивой старины почти не задевает зрителя, которому дорого увидеть художественное прочтение сегодняшнего мира вещей.

Натюрморт еще и важнейший, красноречивейший элемент картины и исторического полотна и, что совершенно обязательно, бытового жанра. В народных по духу, современных по языку картинах Ф. Кащеева натюрморт играет главную роль. Его «Башкирский кумыс» просто немыслим без выразительно написанного художником натюрморта.

Выставка автономных республик РСФСР красноречиво говорила о том, что искусство народов Российской Федерации развивается в русле советских художественных традиций. Социалистический реализм как плодотворный метод художественного творчества еще раз показал свою великую жизненную силу. Разрабатывая национальные мотивы, постоянно обращаясь к родным национальным истокам культуры, художники автономных республик в то же время постоянно видят целое — нашу великую страну, оплот дружбы народов.

Выставка произведений художников автономных республик стала первой ласточкой, извещающей о близости великой даты — пятидесятилетия СССР. Художественная общественность Российской Федерации с вниманием встретила выставку шестнадцати республик. Хочется верить, что экспозиции такого рода станут традицией.

СЛУЖИТ И БУДЕТ СЛУЖИТЬ ДЕЛУ МИРА

Недавно в Москве проходила VII сессия Постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Литераторы двух великих континентов собрались, чтобы обсудить актуальные вопросы, которые поставило перед ними время.

Участников сессии приветствовал председатель Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки, узбекский писатель Камил Яшен, который рассказал об участии советской литературной общественности в движении афро-азиатских литераторов.

О деятельности Постоянного бюро за те месяцы, что прошли после IV конференции писателей Азии и Африки в Дели, и о том, как выполняются решения этой конференции, доложил генеральный секретарь Ассоциации, египетский писатель Юсеф эс-Сибаи. Уже положено начало изданию библиотечки афро-азиатской литературы. На заседании сессии можно было познакомиться с первым томом Антологии афро-азиатской поэзии и сборником о лауреатах премии «Лотос» за 1969—1970 годы. Подготовлены также обзор двенадцатилетней истории движения афро-азиатских писателей и сборник материалов конференции в Дели.

Секретарь правления Союза писателей Казахстана Ануар Алимжанов рассказал о том, как деятельно готовится республика к предстоящей V конференции писателей стран Азии и Африки, которая будет проходить в Алма-Ате в 1973 году.

Одно из своих заседаний Постоянное бюро посвятило журналу «Лотос» — печатному органу Ассоциации. Писатели обсуждали деятельность уникальной в своем роде редколлегии журнала, члены которой отдалены друг от друга тысячами километров. Важнейшим направлением деятельности журнала была и остается пропаганда прогрессивной литературы великих континентов и служение благородным идеям дружбы и взаимопонимания между народами. С удовлетворением была отмечена большая работа, проделанная редакцией для налаживания периодичности выхода журнала, расширения круга авторов и улучшения его оформления. В обсуждении работы журнала приняли участие Алекс Ла Гума (Южная Африка), Сухейль Идрис (Ливан), Эйскэ Накадзоно (Япония), Бишам Сахни (Индия), Мулуд Маммери (Алжир), Цэвэгжавын Хасбатор (Монголия) и другие.

На сессии был утвержден документ, разоблачающий расовую дискриминацию.

Сессия присудила литературную премию Ассоциации писателей стран Азии и Африки за 1971 год — «Лотос» выдающимся литераторам. Это Сономын Удвал — известная писательница и общественная деятельница Монголии, Сембен Усман — новеллист и кинодраматург из Сенегала и крупнейший прозаик, драматург и критик из ОАР — Хусейн Тауфик аль-Хаким.

В заключение работы сессии была принята Декларация писателей стран Азии и Африки, в которой подчеркивается, что писатели этих стран занимают авангардную позицию в нелегкой, но справедливой борьбе своих народов против сил империализма, колониализма и неоколониализма и готовы отдать весь свой талант, все свои силы во имя торжества гуманизма и демократии. Мы снова, говорится в Декларации, выражаем свою полную солидарность со справедливой борьбой народов, твердо решивших пойти на любые жертвы во имя торжества над мрачными силами империализма и реакции!

Творчество прогрессивных писателей стран двух великих континентов служит и будет служить делу мира, демократии и прогресса.

Н. КОРОТАЕВА

На снимке: работает VII сессия Постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

Генрих БОРОВИК

СЕРЫЕ Х НЬЮ-

Однажды, испросив разрешение редакции и государственного департамента США, я отправился в штат Нью-Мексико, в индейскую резервацию.

Я давно мечтал о крике койота, о бликах огня на медном лице индейца, о закопченном кофейнике над костром и о звездах над кофейником. И чтобы записная книжка была полна неповторимых деталей и чтобы в висок не бил ежевечерний грохот килограммовой «Таймс», брошенной под дверь корпункта лифтером Эдди.

Я рассказал о своей мечте американскому приятелю. Тот деловито подытожил:

— Ага, значит, интервью с индейцем в привычной для него обстановке. Надо обратиться в БИО.

БИО — это Бюро индейских отношений министерства внутренних дел США. Мощная и многодеятельная организация. Но разве от нее зависят желтые блики или кофейник над костром?

— От БИО зависит все, что касается индейцев,— заверил меня приятель.— Они порекомендуют, какую резервацию посетить, помогут организовать встречи, снабдят информацией.

Первого в своей жизни работника БИО я встретил не в Вашингтоне, а в городе Санта-Фе, штат Нью-Мексико.

— Да, да! — говорил он, и нотка скромной гордости звучала в его голосе.— Действительно, нас, сотрудников БИО, 16 тысяч. Действительно, получается по одному сотруднику на 38 индейцев. Между нами говоря, не каждый госпиталь имеет нянньку на 38 больных...— Он покашлял и сбросил пепел с сигары.— Ну не больных, конечно, дело не в словах, сами понимаете. Не няньки, так опекуны. Но и няньки тоже. Наша задача — воспитать их, приобщить к молодой и динамичной американской культуре, вырвать из власти окостеневших традиций.

Он вынул изо рта сигару и, держа ее прокуренными пальцами одной руки, другой погладил свою седую стриженную ежиком на военный манер голову. Мой собеседник, он же «няня», он же один из руководителей отделения БИО в Санта-Фе, был отставным полковником американской армии. Он посоветовал мне посетить какой-нибудь индейский торговый пост неподалеку, где очень выгодно торгуют индейцы навахо. («Мы, глупые белые люди,— сказал полковник,— доставали золото из земли, а навахо оказались хитрее нас: они достают золото из карманов туристов!»)

За спиной няни-полковника виднелся флаг Соединенных Штатов и желтый флаг штата Нью-Мексико. На полированном столе высилась деревянная голова индейца с золотой надписью на лбу: «urgent» — срочно. Под эту голову клали срочные деловые бумаги. Но сейчас под ней ничего срочного не лежало, и полковник улыбался доброжелательно, желая советскому журналисту счастливого пути к индейцам племени навахо.

Плакат на дороге звал:

«Посетите настоящую индейскую деревню. Всего восемь миль! 55 тысяч всяких штучек, сделанных индейскими руками, ждут вас. Вы сможете купить там настоящие индейские мокасины для всей семьи, сделать себе за 69 центов индейскую прическу у настоящего индейского парикмахера, надеть на себя индейские украшения!» Кроме того, плакат обещал в индейской деревне заправочную станцию «Тексако» и неограниченное количество фотопленки фирмы «Кодак». В последней своей строке плакат призывал к любознательности: «Наблюдайте настоящую жизнь настоящих индейцев в настоящей индейской деревне».

Ну что ж, восемь миль, так восемь. Не такое уж это большое расстояние, чтобы отказываться от перспективы сделать индейскую прическу и украсить близких перьями домашних и вольных птиц. И я пришпорил 235 лошадиных сил редакционного «форда».

Справа и слева от дороги лежали серые холмы. Они были похожи на слонов, которые прилегли на землю и зарыли в нее головы в поисках воды. Слонов было много. Их толстая серая, покрытая пылью кожа растрескалась под солнцем и ветрами.

Когда спидометр засвидетельствовал, что до желанной деревни осталось около двух миль, у дороги появились рекламные плакаты. «Останавливайтесь в отеле «Индиан сити». «Посетите настоящую индейскую деревню: вас ждет иной мир». «Покупайте настоящие индейские гончарные изделия у настоящих индейских торговцев!» «Отведайте нашей кухни!» «Открывайте Америку в индейской деревне!» «Побывайте в индейской тюрьме!» «Первый в мире настоящий индейский бар у нас в деревне!» Один плакат, однако, оказался не в ладу с остальными. Красные буквы на его желтом фоне предупреждали: «Не останавливайтесь в отеле «Бычий хвост»!» Через полмили встретился другой плакат, более решительный: «Не ночуй в отеле «Бычий хвост» — приснится кошмар». Еще через полмили: «Не ночуй в «Бычьем хвосте» — заснешь навек!» За полмили до деревни угроза стала совсем конкретной: «Если остановишься в отеле «Бычий хвост», прикончим тут же!» И перед самым въездом в деревню еще одно многозначительное приветствие: «Не забудь насчет «Бычьего хвоста»!»

Юмор по части «Бычьего хвоста» мне, честно говоря, понравился, хотя шутка была не совсем индейской, а скорей могла пародировать жизнь в маленьком, но разудалом городке американского Запада в начале прошлого века после того, как индейцы по всей местности были вырезаны.

Рекламный пир тоже, пожалуй, не совсем соответствовал моему представлению о характере жизни в настоящей индейской деревне, но я отнес несоответствие за счет моей некомпетентности и того процесса, который в Бюро индейских отношений мне охарактеризовали как «благотворное влияние молодой и динамичной американской культуры на закоственевшую культуру индейцев».

Обещанная плакатом и, наконец, достигнутая мной индейская деревня являла собой безусловный признак такого влияния американской культуры. Под сенью огромной серой, отвесно поднимавшейся скалы стояли около десятка деревянных вигвамов. Вигвамы были одинакового размера. Все выкрашенные в веселенькие, яркие цвета.

В самом центре деревни выделялась грубо срубленная хижина. Большая вывеска над вертящимися стеклянными дверьми объясняла, что это индейский торговый пост «Желтая лошадь», принадлежащий племени навахо. Я вошел, и сразу ко мне подлетел молодой смуглолицый продавец — парень с индейской повязкой на лбу и сказал на ломаном английском языке: «Меня имя Шеш Орлиное Крыло. Пожалуйста, Шеш продаст самое дорогое за совсем мало деньги. Навахо — дикий народ. Торговля совсем не умеем. Ковры, бирюза, фотопленка «Кодак»...»

Орлиное Крыло повел меня мимо прилавков, на которых бросались в глаза коврики с изображением Джона и Жаклин Кеннеди. Покойный президент и его жена были изображены на фоне дома с колоннами и озера, в котором плавали удивительно знакомые по родимому Тишинскому рынку белые лебеди. На полках стояли также где-то виденные гипсовые кошечки-копилки с бантиком и великое множество маленьких гипсовых див с большими грудями. Груди у дивы были съемными. Одна служила перечницей, а другая — солонкой. Такую даму я на Тишинском рынке, правда, не видывал, но зато неоднократно встречал ее на сорок второй улице в Нью-Йорке, где столовую эротику продают в громадном количестве и никто ее там не считает изделием индейцев племени навахо. Однако я решил не очень-то придираться к этим изделиям, потому что на некоторых полках все-таки действительно стояли симпатичные индейские горшки из глины, сосуды из сушеной тыквы и всякая всячина.

Узнав, что я журналист, Шеш куда-то сбегал и притащил мне газету, издаваемую, по его словам, племенем навахо. Газета, однако, была на английском языке, кроме рекламы этой самой деревни и этого самого магазина, я ничего там не нашел.

— Из какого вы племени? — спросил я Шеша, стараясь завязать разговор.

— Навахо,— ответил Орлиное Крыло.

— А магазин — тоже навахо? — спросил я, доставая записную книжку.

— Наш, наш...— согласился Орлиное Крыло.— Вон Чиф Желтая Лошадь...— И он показал на толстого высокого человека с лицом желтоватого цвета. Чиф стоял около кассы. За кассой сидела женщина в модных очках, похожих на крылья летучей мыши.

— Можно с ним поговорить?

— Нет. Совсем дикий. Не говорит английский. Совсем.— И Шеш замотал головой.— Ни читать, ни писать...

Желтая Лошадь, одетый в голубые джинсы и ковбойскую рубаху, с индейской повязкой на голове, пристально наблюдал за порядком в магазине. Свое мощное тело он не двигал, только поворачивал голову. Повертев так некоторое время, Чиф ткнул пальцем по клавише кассы, и из нее выехала доска, разделенная на гнездышки. Чиф взял из одного гнездышка пачку денег и, послюнявив большой палец, принялся их пересчитывать. Каждую бумажку он зажимал между пальцами и щелкал ими, будто исполнял испанский танец. Доллары при этом трещали, как мокрое белье на ветру.

— Куда идет прибыль от торговли? — спросил я Шеша.

— Нам — навахо,— сказал Шеш,— для племени.

В магазин вошло целое семейство туристов — муж, жена и двое детей-подростков. Шеш бросился к ним, выкрикивая на ходу:

— Самое дорогое за самое дешевое. Настоящий индейский коврик...

— Смотри, какая солонка! — сказал муж.— Хе-хе...

— Изн-т ит чарминг?! — воскликнула жена и всплеснула руками.— Разве это не очаровательно?

Я вышел из магазина Желтой Лошади. По дороге проносились машины. Тарахтел электродвижок, подавая электричество в вигвамы. Над входом в один из них висела табличка «Оффис». Я открыл дверь. В вигваме стояли рядами письменные столы, металлические шкафы. Склонившись над электрическими арифмометрами, что-то высчитывали длинноногие девицы в шортиках...

Над входом в другой вигвам было написано: «Туалет для мужчин». И внутри действительно оказался туалет с кафельными писсуарами, с горячей и холодной водой, бумажными полотенцами и жидким мылом. Молодая американская динамичная культура воистину действовала энергично. На одном из самых больших вигвамов висела дощечка с надписью «Томагавк. Ночной клуб». Несмотря на утренний час, возле ночного клуба стояло несколько автомобилей с номерами из разных штатов и доносился магнитофонный баритон Фрэнка Синатры.

Я открыл дверь «Томагавка» и оказался в прохладной полутьме бара. Народу в баре не было, но, как во всяком порядочном питейном заведении, стояли у стены два электрических бильярда, на каждом столике светилась свечка-лампадка и во всю стену тянулась похожая на взлетно-посадочную полосу, отполированная тысячами локтей деревянная стойка, в которую можно было смотреться, как в зеркало, и запускать вдоль всей ее длины скользящие кружки с пивом. За стойкой была стена, уставленная подсвеченными бутылками, а перед ними бармен.

Бармен был черноволос и смугл. Широкое, скуластое лицо, несколько обрюзгшее — в оспинных рытвинах. Под большим добрым носом лихие усы. Голова, естественно, была повязана узкой красной ленточкой с индейскими узорами. Что-то напевая себе под нос, он бросил в стакан пригоршню льда, ловко откупорил бутылку кока-колы и плеснул коричневой жидкости на лед. Кока угрожающе зашипела у самого края стакана, но ни одна капля ее не выплеснулась на стойку.

Не иначе, Бюро индейских отношений имеет где-нибудь специальную школу бартендеров для индейцев племени навахо. Эту мысль я и высказал бармену с комплиментами по поводу артистичности его работы. Тот улыбнулся, довольный, ушел на минуту и вернулся с блестящим ожерельем в руке, которое протянул мне.

— Подарок,— сказал он.

Ожерелье было сделано из блестящих жестяных ушек от пивных банок. Я тут же пошел к машине доставать из багажника ответную матрешку.

Бартендер принял подарок восторженно. Он несколько раз разобрал матрешку до основания и потом собрал ее снова.

— Откуда такая игрушка? — спросил он.

— Из Москвы.

— Какого штата?

— Из настоящей,— сказал я,— из русской.

— Из русской Москвы?!

— Из русской.

— Прямо оттуда?!

— Прямо.

— Значит, вы русский?!

— Да.

— Не может быть!!! — заорал индеец во всю глотку.

Через минуту я уже знал, что мне невероятно повезло. Индеец, оказывается, воевал в Европе во время второй мировой войны, попал в 1944 году в плен к немцам, сидел в концлагере под Прагой и совсем было уже собрался прощаться с жизнью, когда в мае 1945 года был освобожден нашими войсками. На всю жизнь, по его словам, он с тех пор сохранил чувство благодарности к русским.

Ну разве это не судьба, скажите вы мне? Сколько индейцев служило в американской армии? Насколько мне известно, очень мало. Кто из них сражался в Европе с фашизмом? Десятки. Кто попал в плен? Единицы. Сколько индейцев было освобождено из немецких концлагерей нашими войсками?

Может быть, он один, и только!

Я чувствовал, как радостно щекотала мне ребра шариковая ручка в кармане рубашки. Я ощущал шевеление страниц записной книжки.

Через минуту мы чокнулись и пригубили.

— С тех пор я не видел ни одного русского,— говорил он.— Ни одного, представляете?

Я спросил, как это он оказался в армии, ведь, насколько мне известно, индейцы не подлежат призыву. Наверное, пошел добровольцем?

— Насчет индейцев точно не знаю. Кажется, не призывают действительно,— согласился мой собеседник.— А меня призвали в обычном порядке. Выдали башмаки — и пошел.

— Но... разве вы не из навахо? — Я посмотрел на его головную повязку с нехорошим предчувствием.

— Ах, вы об этом? — Бартендер усмехнулся.— Я такой же навахо, как вы папуас. Может быть, правда, во мне и есть немного индейской крови. Так она, говорят, есть у всех мексиканцев.

— Вы мексиканец?

— Наполовину.

— А на другую половину? — спросил я с надеждой.

— Ирландец. Меня зовут Раймон. Премьеро Раймон.

Записная книжка в кармане съежилась, и я ощутил холод ее виниловой обложки.

— Я родился в Гэллапе, тут неподалеку. Навахо иногда заходят к нам в городок, но не часто и ненадолго.

— Но Шеш сказал мне, что все, кто служит в этой индейской деревне,— все из племени навахо, все без исключения!

Премьеро Раймон захохотал, тряся добрым животом.

— Но деревня-то все-таки принадлежит навахо?

Раймон перестал смеяться, облокотился на стойку и посмотрел на меня влажными глазами.

— Деревня принадлежит мистеру Слэттону,— строго сказал он.— Все эти вигвамы, магазин, туалеты, бензоколонка, этот бар — все это принадлежит мистеру Слэттону, дай ему бог здоровья.

— Кто он, этот мистер Слэттон?

— Ну кто...— Раймон пожал плечами.— Бизнесмен. Живет в Санта-Фе.

— А служащие — из навахо?

— Какие навахо? — подозрительно спросил Раймон.

— Ну вот этот Чиф Желтая Лошадь, потом Шеш Орлиное Крыло, та женщина-кассирша и все остальные.

— Чифа Желтая Лошадь зовут Бизли,— безжалостно бил бармен.— Мистер Бизли. Он ирландец и служит у мистера Слэттона. А Шеш не Орлиное Крыло, а собачий хвост. Он должен мне пятнадцать долларов и не отдает уже второй месяц. Его зовут Боб Гроун. Каких кровей, не знаю. Но подозреваю, что не индейских. А управляет всей деревней сама мадам Слэттон. В летнее время и живет здесь, в мобильном доме.

— Ну хоть один-то индеец здесь есть, в этой «настоящей индейской деревне»?

— Поищите среди мусорщиков, может, и найдете.

— А доходы?

— Что доходы?

— В БИО мне сказали, что все доходы идут племени навахо.

Раймон засмеялся.

ОЛМЫ МЕКСИКО

Фото ЮПИ.

— Уж не знаю, с кем мистер Слэттон делится своими доходами, но навахо на нем не разбогатеют, это уж точно. Прошлой зимой они тут почти все с голоду подохли, те, что живут в этих холмах.— И он кивнул головой на дверь, за которой я сразу мысленно увидел стадо слонов.

— Я бывал у них,— продолжал Раймон.— Гибнут. Туберкулез, пьянство. Страшно пьют. Есть тут такое дешевое вино — твистер. С ног валит, никакого удовольствия. Пьянство, вы знаете, бывает веселое, а бывает горькое. А эти пьяные — горькие. Почти все алкоголики. Даже детей заставляют.

— Зачем?

— Спросите их. Не хотят жить по-нашему, а по-своему тоже не могут. Вот и пьют. Ничего с этим уже не поделаешь.

Еще долго длился мой разговор с бывшим американским солдатом, ныне барменом ночного клуба «Томагавк» в «настоящей индейской деревне», расположенной в штате Нью-Мексико.

Бармен был отличным собеседником. У него было лишь два недостатка: он не был индейцем и его все время тянуло поговорить о международном положении.

— Если вы интересуетесь навахо, вот что я вам скажу,— смилостивился наконец бармен.— В Санта-Фе у меня есть сестра. А у сестры — муж. Он учитель, но одно время работал в Бюро индейских отношений. Его, правда, оттуда уволили за что-то, но про навахо он вам вывалит целый ворох всего. Вот их адрес.

Премьеро вышел меня проводить. И долго стоял на пороге, подняв над головой цветастую матрешку.

В маленькой дешевой гостинице, стилизованной, как все в этом полусказочном городе, под конкистадорскую старину, управляла делами сестра Раймона. В тот же день я познакомился с ее мужем, непонятных лет человеком с удивленным лицом. Он преподавал историю в местной школе. Вот его история. С давних пор учитель изучал быт индейцев навахо. Несколько лет назад БИО предложило ему учительствовать в школе для индейцев. Он с радостью согласился, уехал из Санта-Фе в маленький городок, где была школа, и жил там. Но прошло некоторое время, и он понял, что история, которую он должен был преподавать по учебникам БИО индейским детям, оскорбительна для них. Понял он также, что взгляды на жизнь и на человеческие отношения, которые пытаются сохранить индейцы, несравненно выше и благороднее тех принципов, которые исповедуют в своей жизни и отставной полковник Бибо и мистер Слэттон — хозяин «настоящей индейской деревни».

И он ушел из индейской школы, вернулся в Санта-Фе и стал преподавать в школе обыкновенной.

— Вы понимаете,— рассказывал он мне,— дело не в том, что у нас разные верования. У нас совершенно разные принципы жизни. Определения, что хорошо, а что плохо, не сходятся. Произошла трагедия — несовместимость культур, несовместимость обществ.

Хозяйка, по всему было видно, не разделяла взгляды мужа или, по крайней мере, не хотела, чтобы он их высказывал советскому журналисту. (То, что мой собеседник был именно мужем хозяйки гостиницы, а не она — женой хозяина, было видно невооруженным глазом.) Но холодный дождливый вечер на дворе, уютный огонь в гостиничном камине, рюмка водки располагали к разговору, и муж, не обращая внимания на жену, продолжал:

— Вот, например, очень многие индейские племена, вступая в борьбу — не спортивную, а настоящую,— видят победу не в убийстве соперника. Для них достаточно дотронуться до соперника концом копья, чтобы испытать чувство морального удовлетворения. Так, во всяком случае, было. Вот почему белым так нетрудно иногда было завоевать индейские земли. А от меня требовали, чтобы я прославлял эти завоевания...

Он удивленно смотрел на меня.

А я вспоминал решительные слова полковника Бибо:

— Наша задача как можно скорее вырвать индейских детей из-под влияния дикого прошлого и ассимилировать их, ввести в нашу цивилизацию. К сожалению, мы встречаемся на этом пути с их сопротивлением...

— Их язык богаче нашего английского,— продолжал учитель истории.— Иногда навахо одним словом может выразить очень сложную абстрактную мысль. В их словаре почти нет заимствованных испанских или английских слов. Двести деталей автомашины они смогли назвать, пользуясь только языком навахо, не изобретая при этом новых слов и обходясь без английских технических терминов. И каждая деталь определена удивительно точно. Почему же они должны забывать свой язык? Навахо не делают различия между белыми, черными, желтыми, между членами своего племени или чужого. Самое важное для них — поведение человека, его характер, его взгляды на жизнь. Поэтому навахо редко возражают против того, чтобы девушки или юноши вступали в брак с представителями других племен, национальностей, рас. Каждый новый член племени независимо от цвета кожи и национальности имеет все права истинного навахо, если только он разделяет их взгляды. У навахо нет грязных ругательств. Самое грубое ругательство для них — койот. У них никогда не было проституции. И даже нет такого слова в языке. Они воспитывают детей в любви и никогда не бьют их. Самое серьезное наказание детям — облить водой. Деля наследство, навахо не делают различия между сыновьями и дочерьми. После рождения ребенка первая праздничная церемония устраивается, когда ребенок впервые улыбнется. Праздник первой улыбки! Понимаете? Праздник первой улыбки! Разве это не самое поэтичное, самое человечное торжество, которое можно придумать? Разве наш праздник первого зуба, который мы немедленно золотим долларом, может сравниться по характеру, по смыслу с этим праздником?!.

Муж хозяйки гостиницы говорил все это восторженно и одновременно с вызовом. Все более и более распаляясь...

— Ну чему, скажите, чему БИО может научить индейцев? Каким принципам? Убивай, грабь, тащи! Вырывайся вперед! А если уж взял в руки пику, то вонзай ее в грудь, в грудь, в грудь...

Учитель зло ткнул себя пальцем в грудь, будто вонзил воображаемое копье, потом этим же пальцем ткнул счетную машинку, стоявшую на конторке, и машинка, щелкнув, выдвинула вверх свой бумажный язык, будто передразнивая моего собеседника. Он в сердцах оторвал его. Хозяйка покачала головой, положила руку ему на плечо и сказала с недоброй нежностью:

— Шел бы ты, милый, к себе... Уже поздно... А мистер журналист и без тебя обойдется. Посидит, посмотрит телевизор.

Но повстанческий дух, как видно, бушевал в тот вечер в душе мужа хозяйки. Он отталкивал ее властную руку и все рассказывал. Об обычаях, о культуре навахо, об искусстве... И, конечно, о БИО.

В конце концов хозяйке отеля удалось спровадить своего мужа спать. Но перед своим уходом он успел сказать мне, что если завтра я поеду по 44-й дороге, к северо-западу от Санта-Фе, то он советует мне свернуть на одинйа километра с дороги — он показал, в каком месте,— повидать действительно индейскую деревню.

— Конечно, она не даст вам полного представления, как живут индейцы, потому что эта деревня совсем рядом с Санта-Фе, но, во всяком случае, это не деревня мистера Слэттона...

...Настоящая индейская деревня, о которой говорил мне учитель, жила без всякой рекламы. Только на обочине дороги была укреплена на высоком столбике деревянная доска, покрытая лаком. На доске черной краской, будто выжжено, было написано, что неподалеку, в нескольких милях, находится индейская деревня навахо. И была еще пояснительная надпись насчет того, что навахо разрешено селиться на этой земле по договору такого-то года и что разрешение скреплено подписью генерала такого-то.

Это напоминало табличку в музее старинных вещей. Километрах в двух от таблички виднелись серые строения. К ним вела проселочная дорога. Над деревней тяжелой синей тучей висело небо.

Строения оказались домами, сколоченными или связанными из деревянных жердей и вымазанными глиной. Все эти хижины стояли на голом сером пригорке, открытом ветрам. Казалось, что пригорок — просто куча шлака, выброшенного из какой-то гигантской топки.

В самой деревне тоже не было рекламных плакатов, не было красочных вигвамов, не было табличек с надписью «Оффис» и «Туалет». Не было ночного клуба «Томагавк». Была лишь первозданная нищета, и только один написанный от руки плакатик висел у входа в деревню. Листок, выдранный из тетради, ломаным почерком просил: «Пожалуйста, не фотографируйте!»

Деревня была пуста. Пусто было на трех улочках, из которых она состояла, пусто было в трех-четырех домах, в которые я постучал. Только один раз по улице прошел старик. На мой вопрос, где все жители, он не повернул головы и не приостановил шага. Прошел мимо, будто я был привычным столбом на дороге.

Через четверть часа блуждания по пустым улицам и стучания в слепые оконца и заколоченные двери я наконец постучал в мазанку, которая выглядела, пожалуй, благополучнее других. Мне открыла женщина, оказавшаяся женой вождя деревни.

В чистенькой комнате вождя на стене висел портрет президента США и стоял флаг штата Нью-Мексико.

Жене вождя было лет 60. Она была довольно полной, круглолицей женщиной, с иссиня-черными прямыми волосами. Ничего индейского в ее одежде не было.

Разговаривая со мной, она все время улыбалась губами. А глаза смотрели сухо и строго. Ответы были односложными, никаких перспектив «тихой беседы».

— Странно, что на улицах не видно людей...

— Да, не видно.

— А почему? Где они?

— Кто где.

— Например?

— Там.— Кивок головы в сторону севера.— Дорогу строят.

— Какую дорогу?

— Не знаю, пошли наниматься камни таскать. Подработать.

— Чем живут в деревне?

— Ничем.

— А овцы? — спросил я, вспомнив рассказы полковника Бибо.

— Овец нет...

— Земледелие?

— На такой земле?!— И она кивнула в сторону окошка, за которым виднелись каменистые, серые поля.

— Может быть, торговля? — продолжал я помогать жене вождя.

Она промолчала.

Я сказал, что я не турист, а журналист, что хочу написать о том, что вижу.

— Пишите, как вам больше самому нравится. Как нравится, так и пишите. Ни улучшить, ни ухудшить ничего нельзя.

— Ну, а женщины где? — спросил я.

— И женщины пошли на дорогу.

— И дети?

— Все.

— А грудные дети?

— Грудных у нас мало, совсем мало,— сказала она.— Их разделили между старыми женщинами...

Разговор остановился. Я простился и поехал дальше.

Позже, во время других поездок, я видел еще несколько подобных нерекламируемых индейских деревень. И в Нью-Мексико и в других штатах. Мазанки были выстроены по-разному, коврики на полу отличались орнаментом. Но все деревни имели одну общую черту — ужасающая нищета и настроение безысходности.

Я видел, как американские туристы и туристочки, веселые и доброжелательные, подъезжали к этим деревушкам, выходили, весело щебеча, из машин, окружали первого встречного и принимались обдавать его холодным светом своих фотовспышек. И потом, смеясь, бросали мелочь. Уходя, снимали лежащего на глинистой земле пьяного индейца и тоже бросали деньги. И в заключение фотографировали пояснительную деревяшку, которая непременно стояла возле каждой деревни и помогала туристам относиться к тому, что они видели, как к тысячелетней секвойе, как к обитателям зоопарка или как к мумии в музейном стеклянном саркофаге. Наверное, если бы в эту минуту кто-то сообщил туристам, что у того, кого они только что фотографировали, есть свои мысли, своя жизнь, своя радость, своя боль, своя ненависть, многие бы несказанно удивились: «Ну разве это не очаровательно?!»

Больше всего в индейских деревнях, которые я видел, поражает не нищета, а несомненное присутствие чьего-то властного желания лишить этот народ гордости, достоинства, собственного Я.

Я часто вспоминаю «настоящую индейскую деревню» мистера Слэттона. Это, конечно, не был обман. Это была «игра в индейцев». Прибыльная игра.

В Америке в индейцев играют не только дети. В индейцев играют взрослые. Торговцы, туристы, сотрудники БИО, служащие рекламных бюро, журналисты, писатели, телевидение и кино. Настолько вовлеклись в игру, что на роли индейцев — в кино или в показательной деревне — никогда или почти никогда не приглашаются индейцы, даже для массовок: уж очень они не соответствуют первичному кинообразу.

Настоящие живут вдали от лубочных деревень, и посещать их туристам нет почти никакого резону. И дороги туда тряские, и нищета, и зараза, и краски совсем не такие яркие (тут даже фирма «Кодак» бессильна!), и ничего индейского там не купишь (всю торговлю централизует БИО), и нет ночного клуба «Томагавк», работающего с раннего утра. И нет вигвама с надписью «Туалет» с горячей и холодной водой.

Есть телевизионный кинообраз индейца: дикарь, который пытается снять скальп с благородного белого человека. Встречается и другой образ — благородный индеец, идущий на помощь благородному белому. Второй случай — явление редкое, чаще всего этого индейца убивают свои же единокровцы — дикари. Индейский крик, ко-

торый легко имитируется, если постукивать ладонью по губам, несется с экранов телевидения денно и нощно. Индейцев ловко убивают элегантные джентльмены в сюртуках, спасая своих подруг, одетых в кринолины. Спортсмены, загримированные индейцами, валятся с лошадей, попадают под колеса дилижанса, разбивают в кровь головы о камни, демонстрируя блистательные драки и погони.

Это, так сказать, прошловековый стереотип. Современного стереотипа просто нет. О жизни нынешних индейцев кинофильмов нет. И телефильмов нет. Пьес и романов — тоже. Нынешняя жизнь индейцев мало кого интересует. Обыватель просто не воспринимает 600 тысяч индейцев как нечто реальное, существующее в Соединенных Штатах где-то далеко, среди холмов, похожих на слонов. Время от времени какое-нибудь телевизионное «разговорное шоу» приглашает к себе в студию какого-нибудь показательного индейца. Например, симпатичного старца по имени Чиф Дикий Волк. Дикому Волку сто лет. Его лысина похожа на перевернутый вверх дном котелок из потемневшей меди. Однако от ушей ниспадают вниз две тугие косички с ленточками. Волк знает, для чего его приглашают на Ти-ви. Он мудр и опытен. Быть показательным индейцем — это профессия всей его жизни. Она во много раз старше его зубов. Он знает правила игры. И руководитель шоу знает. И зрители знают. Все знают. Дикий Волк жмурится под теплым светом прожекторов, часто моргает и показывает в доброй улыбке дорогой работы зубы. Как и полагается во всех американских шоу, вначале ему дают возможность развлечь публику. Ему задают вопрос: что он думает о мини-юбках. Все заранее смеются. Не правда ли, это очень забавно — узнать у индейца, которому сто лет, что он думает о предпоследних веяниях в женских одеждах. И старец, кинематографически подмигивая, с готовностью забавляет: «Я не против мини. Когда появились короткие юбки, у меня резко улучшилось зрение...» Все покатываются со смеху. Ведущий тоже лепит на лице улыбку, хотя ему трудней: он слышал эту остроту уже много раз.

Затем Волка иногда спрашивают о положении индейцев в Америке. И он критикует некоторых хозяев кафе: «Слушайте, если вы не хотите, чтобы в ваше кафе заходил индеец, повесьте объявление: «Индейцам вход воспрещен». Я и не войду. А уж если не вешаете — потому что запрещено законом — и я вхожу, думая, что все в порядке, то не смейтесь надо мной, не обращайтесь со мной так, будто я не совсем человек, будто я тот дикий индеец, каким был сто лет назад...»

Потом старика пытают насчет порнографии и голого секса на театральной сцене. Старик и здесь на высоте, отшучивается.

После этого ведущий шоу сообщает, что Чиф Дикий Волк вовсе не такой, каким был сто лет назад. Волк говорит по-испански и по-английски, знает немного греческий, немецкий, итальянский, французский и даже несколько слов по-русски. Старец рассказывает, что путешествовал по всему миру, был лично знаком с королевой Викторией, императором Николаем вторым и Ллойд Джорджем, о чем в свое время писали газеты, уже тогда проводя с ним интервью на том же уровне, что сейчас. Только тогда его спрашивали о других женских модах и покатывались, слушая его остроты о движении суфражисток и танцах Айседоры Дункан.

Заканчивает Дикий Волк сообщением о том, что «вообще-то все сейчас неплохо, индейцам все-таки очень помогают, и, хотя в БИО есть свои трудности и даже конфликты с индейцами, в общем, дело идет на лад...».

Получив гонорар за выступления, древний Чиф уезжает в Бостон, где он живет в хорошем современном доме, в квартире, обставленной антикварными безделушками, привезенными им из его путешествий по всему миру, и зарабатывает на жизнь вот такими интервью, а также лекциями о жизни индейцев, которые он читает где угодно.

Все телезрители понимают, что это игра в индейцев. А где-то в резервациях, среди пустынь и серых холмов, правда живут настоящие индейцы. Но они не участвуют в игре и поэтому для обывателя не существуют. У американского обывателя слово «индеец» не вызывает никакой реакции, кроме воспоминания о перьях, стрелах и вчерашней передаче «Ф-труп» и, может быть, об интервью с показательным старцем из Бостона.

У американского либерально настроенного интеллигента упоминание об индейцах вызывает привычное сострадание на лице: «Да, да, конечно... Положение сложное. Надо что-то делать, что-то делать... БИО не справляется...»

У правительственного чиновника при слове «индеец», особенно если его произносит советский журналист, прикус губ становится тверже, в голосе появляются нотки негодования: «Это, знаете ли, миф, что индейцы живут ужасно или что они гибнут... На индейцев тратится ежегодно знаете сколько?» И он называет действительно внушительную сумму.

«На индейцев или на Бюро индейских отношений?» — задаете вы неосторожный вопрос и слышите в ответ с металлом в голосе: «Бюро индейских отношений, между прочим, и существует специально, чтобы заботиться об индейцах».

И тут вам вкладывают в руки брошюрки, проспекты и открытки. Со страниц этих прекрасных типографских изделий на вас смотрят улыбающиеся лица индейцев в обрамлении орлиных перьев, с ленточкой на лбу, в ярких национальных костюмах. Есть там еще фотографии индейских ковров, картин из песка, гончарных изделий и одной или двух «настоящих индейских деревень». А внизу значится: «Издание БИО».

Итак, несколько слов о БИО. Мне поможет рассказать об этой организации тот учитель из Санта-Фе и книга, подаренная им. Она издана в США и называется «Наш брат — опекун» с подзаголовком «Индейцы — в белой Америке». Книгу выпустило некоммерческое филантропическое общество белых граждан, которые проводили свое исследование положения индейцев в США независимо от БИО.

О, это великая организация. Это не просто Бюро индейских отношений, это, если хотите, Большой Брат индейцев, даже, если очень хотите, почти Бог индейцев. Всесильный и всемогущий.

Индеец по конституции — равноправный гражданин Соединенных Штатов. Но благодаря заботе о нем БИО как-то так получается, что свои права он осуществить сам не может. За него это делает Бюро индейских отношений.

От рождения до смерти дом индейца, его земля, школа, его труд, его заработки и расходы, магазины, в которых он покупает одежду и продовольствие, решения совета племени — все это находится под контролем БИО. БИО — его банкир, его учитель, его домохозяин, его полицейский, его электрокомпания, его водопроводчик и его представитель вне пределов резервации. Даже те 200 тысяч индейцев, которые живут вне резерваций, находятся под постоянным и неусыпным контролем БИО.

Последний абзац я написал не на основании собственных наблюдений или исследований. Их было бы недостаточно для такого категорического вывода. Это цитата из книги, о которой я говорил.

«Хотя обычно в американском обществе предполагается, что каждый человек имеет право делать все, что он хочет, кроме того, что специально запрещено правительством, в индейских резервациях индейцы не имеют права делать ничего, кроме того, что специально разрешено для них правительством».

Эта фраза не из старого анекдота. Это цитата из американского юридического журнала «Гарвард Лоу ревью».

Специальное разрешение правительства — это функция БИО. Если БИО действует незаконно, индеец не может опротестовать его решение. Не может хотя бы потому, что не имеет средств нанять адвоката (бесплатных адвокатов, которых должно по закону предоставлять неимущим индейцам все то же БИО, практически не существует). Племя не может собрать складчину и нанять адвоката коллективно, потому что и на это требуется специальное разрешение БИО. О том, чтобы самим защищать свои юридические права в суде, индейцы не могут и думать. Для этого потребовалось бы продираться сквозь юридические джунгли из 2 000 законоположений, 389 договоров, 2 000 решений федерального суда, 500 зарегистрированных мнений министра юстиции и 33 томов Ежегодника индейских отношений.

Что же касается БИО, то оно может в отношении индейцев делать все, что захочет, даже то, что запрещено. Оно может вмешиваться в жизнь индейца и вести от его имени почти все его дела, не имея на то никаких полномочий от него лично. Для этого сотрудникам БИО достаточно объявить индейца неспособным к ведению собственных дел. БИО контролирует его собственность и, по существу, распоряжается им. Оно может поступить даже прямо против воли индейца и, например, продать все, что ему принадлежит.

В руках БИО находится 77 средних школ, которые посещают 35 тысяч индейских детей. Сорок процентов индейцев школьного возраста вообще не учится. Тех, кто ходит в школу, обучают презирать свою культуру, свой народ, обучают стыдиться своего прошлого, своей истории.

«Нет ни одного индейского ребенка,— пишут авторы этой книги,— который бы не возвращался домой в слезах из школы, где его пытались убеждать на уроке, что индейцы — грязные, дикие, животноподобные существа, недостойные называться людьми в полном смысле этого слова».

В публичной школе штата Вашингтон индейская девочка сказала учителю, что она протестует против того, что в учебнике американской истории ее предки названы «грязными дикарями». Девочку исключили из школы за «невоспитуемость».

Пришедшему в школу с желанием учиться маленькому индейцу, далеко не лучшим образом знающему английский язык, немедленно вдалбливают в голову, что он «тупой индеец». В школе Лойэр Брул в Южной Дакоте, как свидетельствовали учителя перед комиссией конгресса, в наказание за плохую отметку «тупых индейцев» запирали на несколько часов в шкаф, а за нарушение дисциплины надевали на руки наручники и избивали.

Школа пугает, школа наводит ужас. И первый способ избавиться от страха — алкоголь, бегство из школы, вообще бегство и самоубийство. Процент самоубийств среди индейских подростков в пять раз превышает национальный уровень самоубийств в Америке.

По мнению авторов книги, среди всех национальных меньшинств Америки индейские школьники имеют самый низкий уровень самосознания.

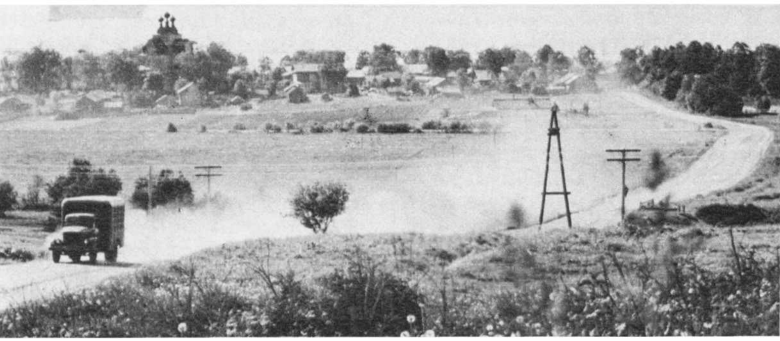
Когда одну девочку из племени чейены спросили, почему она пьет спиртное, она ответила: «Потому что я из чейен, а мы, чейены, всегда пили спиртное...»

«Средний доход индейской семьи — 1 500 долларов в год, то есть в два раза меньше того национального минимума, который означает границу нищеты,— пишут авторы книги, подаренной мне учителем из Санта-Фе.— Средняя продолжительность жизни индейца — 44 года, на 22 года меньше средней продолжительности жизни в США. Детская смертность после одного месяца жизни среди индейских детей в три раза выше среднего уровня детской смертности в стране. Голод — обычное состояние многих индейцев. Образование индейцев — пародия. То же самое с жилищным строительством, 70% которого не отвечают элементарным стандартам. Программы профессионального обучения не соответствуют задачам и неэффективны. Индейцы, которые покидают резервации, вписываются в жизнь наших самых отвратительных городских гетто...

Американские индейцы живут сегодня в мире, полностью контролируемом белыми,— пишут авторы книги.— В мире, который унижает, отчуждает и уничтожает их.

Они остаются наследниками поражения, чужаками на своей собственной земле, пленниками того мира, который каждый день навязывает им новые несправедливости и унижения... Число человеческих существ, находящихся в этом положении, небольшое, всего около 600 тысяч потомков истинных американцев — это даже не полпроцента всего нашего населения. И тот факт, что мы не смогли решить проблему столь малого числа людей, еще больше подчеркивает глубину пропасти, в которой оказалась наша попытка решить национальную проблему».

Автолавка — дочернее предприятие деревенского универмага. В нем и пополняется запас товаров.

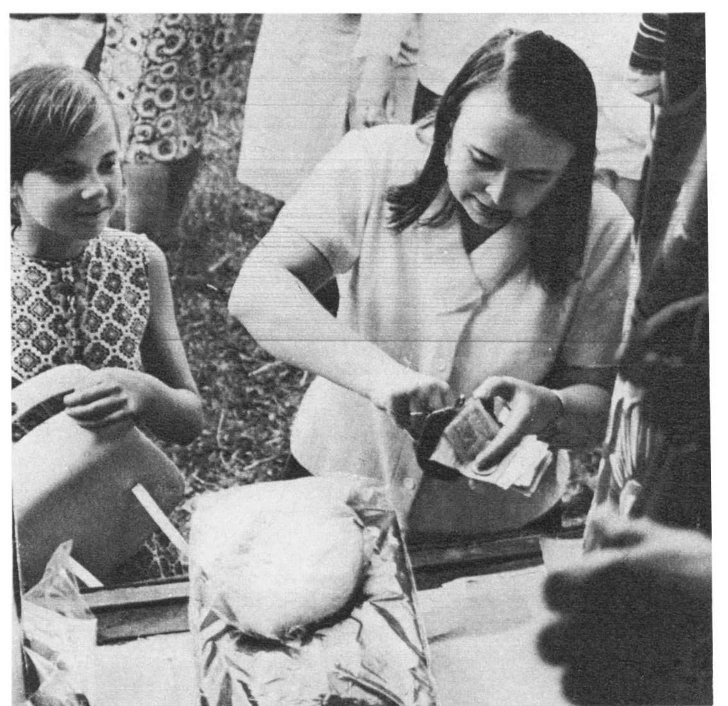

ВОЛОГОДС

Олины покупки.

Деньги счет любят.

25 июля —
День работника торговли

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ УТВЕРЖДАЮТ: КОРОБЕЙНИК — ТОРГОВЕЦ МАНУФАКТУРОЙ И ГАЛАНТЕРЕЕЙ ВРАЗНОС.

Иван Александрович Лосев, если разобраться, тоже коробейник. «Но торгую не вразнос, а вразвоз,— улыбается он.— И, кроме удостоверения продавца, ношу в кармане права на управление своим коробом...» Это права шофера первого класса, а «короб» — автолавка 74-17 ВОГ, машина, исколесившая за последние годы едва ли не все дороги центральной Вологодчины. Понятно, не один Лосев торгует в области — передвижных магазинов тут двадцать пять. Сферы влияния у них более или менее определены, однако случается, что тот или иной продавец заглянет в соседние владения; но никто не обижается, покупателей немало.

— Теперь совсем другой пошел покупатель,— рассказывает Лосев.— Если прежде «ситцу и парче» был обеспечен спрос — сколь-

ко захвачу, столько и продам,— то теперь — шалишь! Помню, взял я как-то штуку парчи и намучился с ней. Так и вернул на склад. Сейчас подавай нейлон, батист, мохер. Приеду, бывает, на базу, отберу товар и думаю: теперь все в порядке. А на месте: «Почему не захватил «Красную Москву»?» Я им другие духи предлагаю, а они свое... Привередливый стал покупатель на селе,— заключает Лосев.— Но с таким работать интереснее.

Разные у Лосева маршруты. То рядом — километров за двадцать. А то махнет в Дарвинский заповедник — за день спидометр накрутит до трехсот километров. За все же годы работы с автолавкой наездил около 250 тысяч километров. Сегодняшний маршрут ближний — деревня Панфиловка. Это не глубинка. Считанные километры от города. Но едва распахнул продавец дверь, обступили покупатели прилавок.

— Что привез, Александрович? Пледы, говоришь? Показывай...

Пушистое мохеровое полотно переходит из рук в руки. Рассматривается, оценивается. И возвращается в лавку. «Не по сезону товар». Лосев и его жена Тамара Анатольевна распаковывают короб, ловко прилаживают на дверце фургона плащи, платья, раскладывают на зеленом прилавке, на лужайке, обувь и игрушки.

Пожилая женщина с заметным неудовольствием рассматривает ткань.

— Простоват товарец. Не учел, видно, Лосев, что нам пенсию прибавили...

— Что же ты сапоги не захватил? Модельные туфельки не забыл, а сапог нет...

Тем-то и отличается передвижной магазин, что приходится его работникам знать все — сезон, вкусы и привычки тех, к кому приехал, традиции того или иного поселка или деревни, наконец, материальный достаток. Приходится быть и дипломатами. Летом, скажем, пользуются спросом льняные ткани, изделия из них, а Лосев и Тамара Анатольевна, разложив их, нет-нет да и покажут покупателям платье из какой-то новой ткани. Скажут два-три слова о достоинствах новинки. Глядишь, кто-то купил.

В автолавке, понятно, нет примерочной. И повелось, что приглянувшуюся вещь несут домой — рассмотреть как следует, с домашними посоветоваться.

— А что мой заказ?— К автолавке подходит Валентина Малкова.

Заказ — недешевая кружевная блузка. И сшита отлично, и качество отменное. Вологодские кружева всему свету известны. Сравнишь эту кофту с лучшими изделиями кружевниц, и не стыдно будет. Не один день искал Иван Александрович на складе, на базе такую. И разыскал.

Недостатка в добротных вещах автолавка вроде бы не испытывает. Не все, конечно, здесь можно найти. Мебель, холодильники пока еще в дефиците. А вот, например, туфли — добротные, великолепные. Будь такие в столичном магазине — мигом раскупили бы. В достатке и шерстяные шарфы-накидки; те же мохеровые пледы прекрасного качества. А вот легких и прочных сапог нет. И еще: тут задают те же вопросы, что и в городском магазине: «Чайники для заварки привез?» Лосев разводит руками: нет их! И не знает, когда будут.

— И универмаги и автолавки торгуют неплохо,— подчеркивает в беседе с нами первый секретарь райкома партии, депутат Верховного Совета РСФСР Александр Иванович Шляпкин.— Сейчас многие люди в поле, и автолавка заезжает не только в село, но и к ферме подкатит, на делянку заглянет. Но, конечно, не помешало бы, чтоб товар был поразнообразнее.

Лучше такой накидки для театра трудно придумать.

КИЕ КОРОБЕЙНИКИ

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ
Специальные корреспонденты «Огонька»

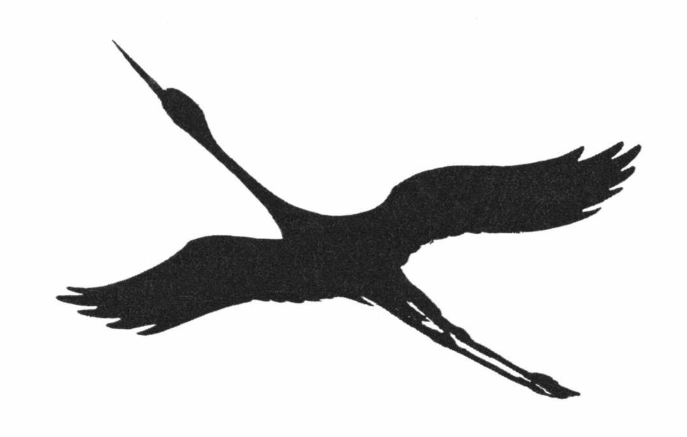
«Ты подороже товар вези — нам пенсию прибавили...»

«...Иной стационарный магазин такой выручки не дает, как многие наши автолавки»,— заметил председатель Вологодского облпотребсоюза Дмитрий Яковлевич Сазонов. В облпотребсоюзе стараются помогать коробейникам — грамотой отмечают достойных, не забывают их при подведении годовых итогов. Но облпотребсоюз не в состоянии решить все проблемы, которые мешают развитию развозной торговли. Ну вот, например, совсем не приспособлен для торговли автофургон. Наскоро сбитые ящики малопригодны для таких изделий, которые нужны нынешней деревне,— нелепо выглядят дорогие духи и превосходные костюмы в фанерном чреве фургона.

— Товар показать как следует не можем... Лосевы, правда, приспособились: вынимают окно и устраивают некое подобие витрины. Но ведь это же не выход...

На селе развозная торговля долго еще будет в почете. Не мешало бы подумать о создании современной передвижной лавки — чтобы и красива она была и удобна для работы нынешнего коробейника. Только Вологодской области нужно несколько десятков таких машин. А по стране счет на тысячи идет. Словом, заказчик достаточно крупный, и автомобильные заводы в накладе не останутся.

АИСТ ВЕРНЕТСЯ...

А. СТАСЬ

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Давным-давно здесь пролегал чумацкий шлях. Понурясь, брели волы круторогие, тянулись караваны возов, скрипели колеса, тревожа знойное степное безмолвие... То был страдный путь в Крым за солью, им ходили деды наших дедов. Не все они возвращались в свои хаты с драгоценной поклажей — мешком сивашской соли: иные умирали под жарким солнцем, другие завозили в украинские села и хутора черную погибель — чуму. Кое-кто даже считает, что отсюда и пошло это слово — чумаки.

Позарастали, исчезли древние дороги. И все же спустя столетия было точно установлено: чумаки проезжали там, где ныне зеленеет заповедным островком в степи Аскания-Нова.

Еще в прошлом веке владелец обширных угодий и тысячных овечьих отар Фридрих Фальц-Фейн решил оставить нетронутым массив степной таврической целины. Но один видный ученый, ботаник, посетив имение Фальц-Фейна, заявил: территория для заповедника выбрана неудачно, почва в этом месте некогда была нарушена, отчего степь утратила свою первозданную цельность — появилась чужая растительность, зародились нехарактерные формы жизни. Здесь-то и пролегал чумацкий шлях.

Пришлось Фальц-Фейну планировать делянку заповедной степи в другом месте, там, где и поныне волнуется дымчатое море ковылей.

Мы с Евгением Петровичем Веденковым пробираемся сквозь упругие заросли разнотравья. Он идет впереди, я за ним. Мой спутник предупредил:

— Если что, не пугайтесь, с непривычки гадюка всегда неприятна.

— Они... ядовитые?

— Есть и такие, есть! — Веденков произносит это с явным удовлетворением и даже с радостью. У него романтическая должность — заведующий Заповедной степью. Она очень дорога Веденкову, эта земля, что живописным оазисом раскинулась на десять тысяч гектаров среди возделанных полей.

От дыхания степи кружится голова. Запахи разные — медовые, и горько-полынные, и терпкие, и едва уловимые, тонкие, летучие — словно повисли в неподвижном горячем воздухе. Окружающий мир до предела насыщен красками, глазом их не объять, потому что все какие есть в природе цвета и оттенки рассыпаны тут щедро, от края до края, слились в единую гармонию тонов — голубых, алых, белоснежных, желтых, зеленых. Цвета играют, то вспыхивают сочной яркостью, то возникают мягкими полупрозрачными мазками, как будто наложенными на колеблющуюся дымку марева.

По-настоящему неприкосновенной степи в Аскании-Нова осталось не так уж много. Прямо скажем, мало осталось. И тесно теперь здесь исконным обитателям степи, даже тем, которые привольно обитали тут еще совсем недавно. Все реже встречается земляной заяц — тушканчик, не часто увидишь гибкое тело ласки; обеднело и птичье царство — только в дни перелетов появляются дрофы, журавли-красавки. И если какой-нибудь вид проявляет признаки возрождения, приспосабливается к изменившимся условиям, заведующий Заповедной степью испытывает радостное волнение.

Внезапно Веденков останавливается, поднимает руку.

— Видите? Степной орел! Тоже редкий гость, ой, редкий...

Раскинув крылья, парит в поднебесье вольная птица. И я узнаю, что в асканийской степи на свободе ныне гнездятся два таких орла. Всего одна пара. Остальные исчезли.

Затем Веденков издали показывает холмики-сурчины, что возвышаются в травах. Там поселили байбаков. Старожилы байбаки перевелись начисто. Эти — привезенные. Может быть, приживутся, у них уже потомство появилось. А вот быстроногая антилопа сайгак, что издавна водилась в украинских прериях, ушла безвозвратно. Стремительному животному, как и степному орлу, уже не хватает простора, раздолья.

В Научно-исследовательском институте животноводства степных районов мне рассказали печальную историю о том, как исчезли с лица земли древнерусские туры. Когда-то они бродили стадами на Левобережной Украине. Сегодня только скупые описания напоминают нам об этом могучем животном.

Еще в начале минувшего столетия в степях Приазовья, Присивашья, в низовьях Днепра паслись табуны лошадей-тарпанов. Их истребили всех поголовно... В заповеднике, в Чапельском поде — низине, я увидел знаменитых лошадей Пржевальского. Не верится даже, что эти густогривые любознательные существа, доверчивые к людям, ныне едва ли не последние представители дикого лошадиного племени на планете. На заре нынешнего столетия о них было сложено легенд не меньше, чем о «снежном человеке» сегодня. Исчезли они таинственно и с катастрофической быстротой.

— Вот точные данные. К 1967 году во всем мире оставалось сто сорок шесть чистокровных особей, в вольерах, в неволе. Сохранились ли в природе, я не уверен.

И тут Владимир Данилович Треус, доктор биологических наук, хранитель зоопарка «Аскания-Нова», куда я направился из степи, увлек меня новым рассказом, на этот раз о животном, открытом ученым и путешественником Н. М. Пржевальским.

Весной 1899 года русские охотники в Западной Гоби поймали диких жеребчиков. То были первые лошади Пржевальского, привезенные с невероятным трудом в Европу. Прежде всего получил редких лошадей асканийский зоопарк и начал их разводить. Судьбы четвероногих азиатских гостей складывались так причудливо и необычно, что об этом можно написать приключенческую книгу. Был такой жеребец Васька. Проделав путешествие из монгольской пустыни в Россию, он посетил Царское Село, затем прибыл в Асканию, где и стал родоначальником целого семейства редкостных лошадей.

В войну гитлеровцы разграбили заповедник. Лошадей Пржевальского у нас не осталось. Был предпринят длительный сложный розыск, в котором приняли участие и ученые-специалисты, и советские офицеры, и дипломаты, пока наконец удалось обнаружить в Германии двух похищенных потомков Васьки.

Наши ученые проделали огромную работу, чтобы восстановить исчезавший вид, сохранить его для науки, для жизни. Им это удалось. Лошадям Пржевальского теперь посвящаются международные симпозиумы. Страны, владеющие этими редчайшими животными, договорились всячески о них заботиться. Ведь на свободе они уже не встречаются, а из тех, что живут под присмотром людей, только одна лошадь, по кличке Алтай (она же Монгол, Орлица III), обитала в диком табуне. Все остальные родились в заповедниках, питомниках. Алтай, подаренная асканийцам монгольскими друзьями,— единственный в мире рожденный диким образец лошади Пржевальского, ее эталон.

Живой музей в степи под Чаплинкой — огромная лаборатория. Здесь не только берегут, восстанавливают, сохраняют в неприкосновенном виде редчайшие экземпляры мировой фауны. Стремление избежать невосполнимых потерь в уже и без того поредевшем мире животных неотделимо от жажды исследований. Ставятся научные эксперименты, проводятся смелые опыты, которые приносят порой разочарование, порой успех.

Еще в довоенные годы на пастбищах Аскании-Нова обитали поражающие воображение великаны — помесь исчезавших зубров с американскими бизонами, которых тоже не пощадили охотники. В дни фашистского нашествия работники зоопарка, пытаясь спасти ценное стадо, угнали его в глубь страны. В пути зубробизоны пали, не вынесли многокилометровых переходов...

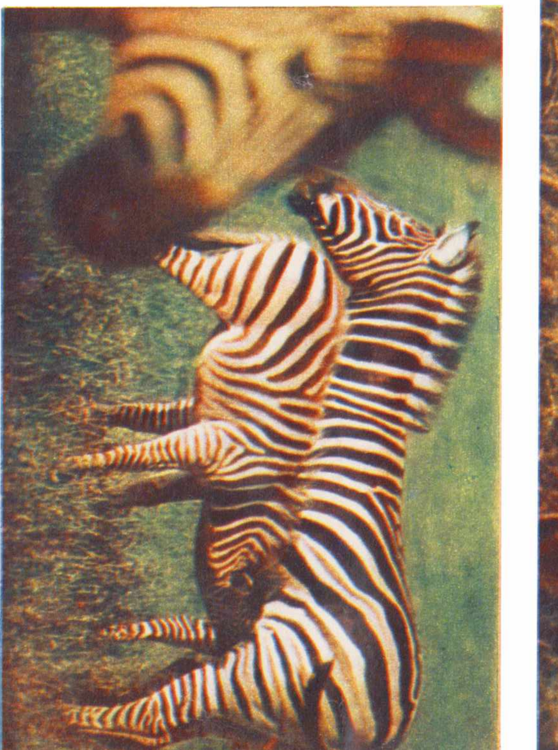
Ныне в заповеднике ведется большая работа по акклиматиза-

На отмелях центрального пруда в орнитопарке бродит стая розовых фламинго.

Телята антилопы канна всегда тянутся к маленькой Верочке.

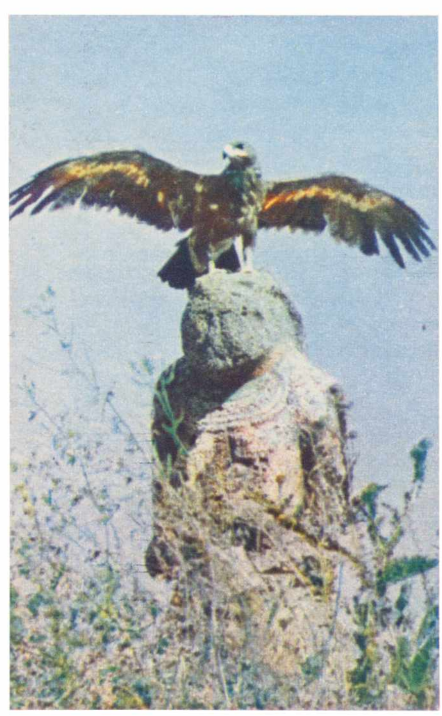
Здесь зебры чувствуют себя так же хорошо, как в саванне Африки.

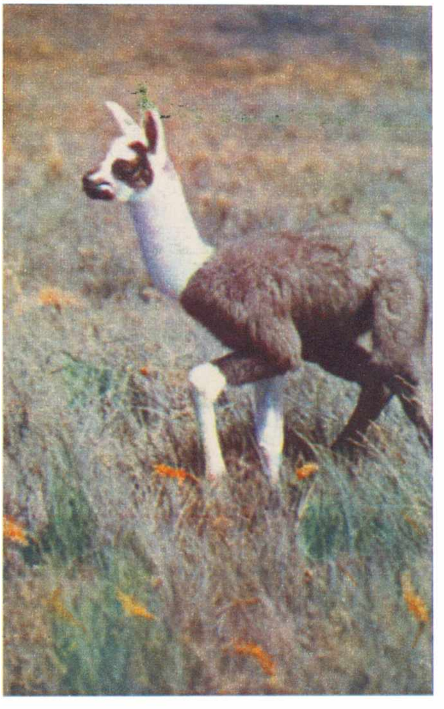
Привольно пасутся в Аскании-Нова стада пятнистых оленей.

Лебединое озеро.

Это не памятник, а живая птица — степной орел.

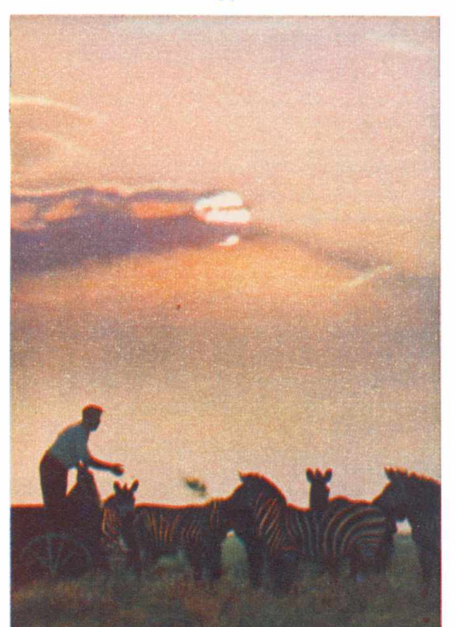
Малышка лама. Ее предки, вывезенные из Южной Аме-

рики, давно уже прижились в заповедной степи.

Над заповедником спускается ночь.

Совсем немного этих красивых южноафриканских антилоп осталось ныне на земле.

Страусы нанду — уроженцы Южной Америки.

ции и гибридизации животных. В. Д. Треус, его товарищи, как и их предшественники, горячо увлечены своим делом. Нигде, кроме как в Аскании-Нова, не увидишь гибридного потомства длиннорогого скота, который разводят в Африке ватусси. В различных комбинациях скрещиваются тибетский як, гаял, бантенг и другие виды быков. Выведен асканийский степной олень — устойчивая форма благородного оленя; эти животные прекрасно себя чувствуют и в Молдавии и на заповедном острове Бирючий на Азовском море.

Когда наблюдаешь экзотическое разноплеменное население заповедника, приходит в голову такая мысль: а ведь человек совсем мало животных приручил, одомашнил. И не потому ли люди узнают иногда о неиспользованных возможностях с опозданием на целые столетия, а может, и тысячелетия?

В. Треус раскрыл передо мной ворота загона, где содержатся малыши антилопы канна. Взрослые канна ничуть не встревожились нашим приходом, тянулись к нам влажными губами, а детенышам явно хотелось пожевать наши рубашки. Человек с давних времен знал этих животных, их родина — Южная Африка. Но надо же, чтобы так случилось: только недавно здесь, в Аскании-Нова, врач местной больницы обнаружил чудесное свойство молока антилопы. Оно содержит в себе вещества, помогающие при желудочных заболеваниях, язвах, гастритах. Теперь в заповеднике антилоп канна доят точно так же, как коров. Молоко отдают в больницу, где открыли специальное отделение на тридцать коек. Прошлым летом Асканию посетила ученая из Африки. Ей рассказали о счастливой находке, и африканка была поражена: «Ваша канна дает целебное молоко? Кто бы мог подумать!»

Кстати, о посещениях заповедника. Здесь всегда полно экскурсантов. Я встретил тут студентов-практикантов из университета имени Патриса Лумумбы, харьковских школьников, группу англичан-орнитологов. Бывают здесь и те, кто интересуется не фауной, а флорой: Аскания славится не только зоопарком, но и чудесным ботаническим садом, который сейчас по-новому перепланируется, расширяется. А вот в зоопарке многое требует обновления. На антилопниках да и на других строениях кое-где остались полустертые цифры, по которым нетрудно догадаться, что постройки те заложены в годы основания заповедника. Однако новые помещения для зимовки животных сооружаются медленно. Давно требует реставрации система водоемов орнитопарка...

Директор Украинского научно-исследовательского института животноводства степных районов имени М. Ф. Иванова «Аскания-Нова» Федор Иванович Крутыпорох встретил меня сдержанной улыбкой из-под пышных усов:

— Самолеты над нами летают, пугают наших питомцев. Ведь так?

— Верно,— сказал я.

— Асфальтовые дороги заповедную степь исполосовали, над ковылем нависли линии электропередач... Правильно?

— Правильно. И последний аист улетел недавно из Аскании.

— Все краны, подъемные краны,— кивнул директор.— Аист — гордая птица, хочет быть выше всех, а тут такой конкурент — краны... Знаю, знаю, вы спросите: есть ли смысл строить в Аскании дома в несколько этажей? И вопрос будет, как говорят, законный. Только ответить на него... Когда-то здесь было небольшое тихое село, теперь — поселок городского типа. Этого-то аист не знает. Ну как быть, в самом деле: один наш институт взять, и то десятки людей. Где им жить? В хатах-мазанках? Приходится жилье строить. У каждого дети есть, стало быть, школа нужна. И для учителей жилье необходимо. Кинотеатр нужен? Конечно. И Дом культуры людям нужен. Значит, новые стройки, то есть опять краны. А главное, рост населения. Вот вам и противоречия: человек — природа.

Да, противоречий хоть отбавляй. Под началом Федора Ивановича всемирно известный заповедник — зоопарк, ботанический сад — это все отделы института — и огромное сложное хозяйство: 22 тысячи гектаров земли, племенные заводы, почти 15 тысяч овец, свинофермы, множество крупного рогатого скота. Научная деятельность института сочетается с выпуском товарной продукции — мяса, молока, шерсти.

В степных отделениях, разбросанных вокруг Аскании, я видел отары овец. Многоплодные каракулевые, мясо-шерстные, тонкорунные асканийской породы. Это результат долголетнего труда покойного академика ВАСХНИЛ М. Ф. Иванова и его учеников, сокровища народного хозяйства страны. Нынешнее поколение овцеводов думает над тем, как эти сокровища удвоить. Рядом с чабанами работают молодые ученые и опытные специалисты. Я беседовал с академиком ВАСХНИЛ Л. К. Гребенем, Героем Социалистического Труда, известным животноводом, селекционером. Восьмидесятитрехлетний академик предупредил меня: «Пиши, да не взахлеб, еще не все у нас гладко, кабы было гладко — так давно бы вышли на первое место в мире по тому же овцеводству...»

Что и говорить, объем работы в институте внушительный, один только перечень проблем, решаемых коллективом научно-исследовательского института, составил бы целую брошюру. Кое-кто полагает, что лучше бы отделить заповедник от экспериментально-производственной базы. Как будет лучше, об этом судить самим ученым. Но в институтском музее мне показали коллекцию каракуля, смушков, настоящие драгоценности, нынче да и всегда пользующиеся большим спросом на внутреннем и внешнем рынке,— это валюта, немалый доход нашей казне. А в кабинете академика Л. К. Гребеня есть показательные диаграммы — где, в каких областях республики разводятся овцы, свиньи, рогатый скот по живым моделям степного института — это продукты питания, одежда, деньги, наконец. Нужно ли ставить на одни весы уникальную лошадь Пржевальского и гурт овец, за которыми ходит сегодня старший чабан Михаил Задолинный, лелея их «точно по науке»? И то и другое — народное достояние. И к тому и к другому мы должны относиться бережно, с мудростью, как к своему национальному богатству. Пусть приумножатся отары золоторунных овец, и пусть возвратится аист в Асканию!

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИИ

Впереди идущий корабль ткнулся в серую стену тумана и растворился в нем; сбавив ход, мы плавно последовали за ним, и уже через минуту трудно было представить, что где-то совсем недалеко, за кормой, светит яркое солнце и мелкая волна изумрудно сверкает в теплых лучах.

Бесшумно выплыл из тумана знакомый пирс, и в тишине на палубе прогремели ботинки моряков, одетых в оранжевые капки — спасательные жилеты.

— Баковым на бак, ютовым на ют! — послышалась традиционная команда при швартовке.

«Совсем как на настоящих кораблях»,— мелькнула мысль и исчезла. Мы действительно на самых настоящих и самых маленьких боевых кораблях Военно-Морского Флота в катерной части. Ракетные и торпедные катера не только самые маленькие, но и самые быстрые на флоте. У них самый большой запас мощности двигателей на единицу веса, так же велика и их огневая мощь.

В крохотной каюте командира фотография — миловидная женщина, офицер и две девочки.

— Марина и Наташа,— называет их Александр Алексеевич,— разница в возрасте 10 лет.— И шутит: — Через десять лет будет сын. Вообще цифра «10» играет определенную роль в моей жизни.

К слову сказать, катер, которым командует гвардии капитан третьего ранга Наседкин, занесен в число лучших около десяти лет назад.

А вот короткая история военной службы гвардейца-офицера: сын авиатора-фронтовика, отлетавшего три десятка лет, он рос на аэродроме, засыпал под шум винтов и турбин и, конечно, хотел быть летчиком. Судьба распорядилась по-своему — Саша поступил в военно-морское училище. Окончив его, двадцатитрехлетний лейтенант стал коммунистом и командиром корабля. Правда, маленького, торпедного катера, но ведь боевой единицы!

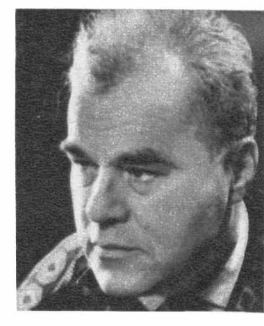
Вот здесь-то, наверное, и начал формироваться воинский характер. В начале службы на катере с Александром почти всегда находился, или, как он сам говорит, «выводил меня за руку», участник Керченской и Новороссийской операций А. Кананадзе, один из многих Героев Советского Союза, прославивших свою часть.

А дальше еще учеба, очередное звание, новая должность, новый корабль. И стрельбы, за которые не раз были получены призы и поощрения...

Г. МАКАРОВ

На первых страницах цветной вкладки — снимки, сделанные в подразделении, где несет службу А. Наседкин.

СЛОВО О ВЕРНОМ ДРУГЕ

Писателю Леониду Жарикову — шестьдесят лет. Верный друг рабочей молодежи, он несет в себе еще большой запас творческой энергии.

Книги рассказов и очерков Леонида Жарикова о шахтерах, о героях гражданской войны, о трудовом подвиге советских людей, восстанавливающих разрушенное фашистами хозяйство донецкого шахтерского края, со всей очевидностью подтверждают, что писатель обогащен житейским опытом близких и родных ему по духу людей.

У него много юных друзей — миллионы советских школьников. Писатель подарил им сильных и толковых друзей: три его книги — «Повесть о суровом друге», «Червонные сабли» и «Судьба Илюши Барабанова» — населены подростками, которым выпала доля видеть, испытывать на себе жаркие классовые схватки за власть народную. В лучших своих героях, таких, как Вася Руднев, Ленька Устинов, Илюша Барабанов, автор раскрыл глубокие добрые начала, беспощадную непримиримость к злу и несправедливости. Герои книг комсомольского писателя находят отклик в сердцах молодых людей, работающих на великих стройках в необжитых районах Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Писатель глубоко и обстоятельно изучает и накапливает материалы о современном рабочем классе. Источник его творческих вдохновений — живая действительность.

Иван ПАДЕРИН

Михаил ХОДАКОВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

МАЛЫШАМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ Мишуни, Шарика и Пори

3. ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИШУНИ В СТРАНЕ ЗМЕЙ И ЛЯГУШЕК

Мишуня бежал долго.

«Вот вернусь из Вежливании,— думал он,— стану вежливым-превежливым, пусть они мне завидуют».

Перебегая дно оврага, Мишуня чуть не наступил на красивую Змейку, вокруг которой сидело несколько лягушек.

— Чего разлеглась? — крикнул Мишуня Змейке.— А если бы я на тебе поскользнулся, упал бы?

— Хва-хва-хва,— засмеялись лягушки.

— А вы чего смеетесь, квакши?— рассердился Мишуня.— Вот шлепну сейчас лапой, останется от вас мокрое место, тогда посмеетесь.

— Почему вы меня обидели?— спросила Змейка.— Я грелась на солнце, вы бежали, чуть меня не раздавили и вместо того, чтоб извиниться, начали грубить... И, кроме того, меня следует называть на «вы»...

— Медведь должен называть какого-то червяка на «вы»?! — спросил Мишуня.— Ну, насмешила! Ползи отсюда поскорее, а то тебе плохо будет! И вы, квакалки, скачите, пока я добрый! Да, подождите! А может быть, вы знаете, где находится Вежливания, страна вежливых?

— Я с грубиянами не разговариваю!— прошипела Змейка и скрылась среди камней.

За ней исчезли и лягушки.

— Подумаешь!— фыркнул Мишуня.— Каждый червяк меня учить будет!.. Но вообще-то... если бы я с ней заговорил так, как Дятел нас учил, вежливо, может, она показала бы дорогу. Ну да ладно, доберусь как-нибудь сам...

На ночлег Мишуня устроился под большим вывороченным деревом.

Заснул он сразу, и снилось ему, будто ожили корни дерева и связали ему задние и передние лапы.

Он проснулся, хотел встать, но не смог: его лапы были действительно стянуты поблескивающими веревками.

— Не шевелись, а то мы тебя ужалим,— зашипели веревки, и Мишуня с ужасом увидел, что это змеи обвились вокруг его лап.

— Мама!— закричал Мишуня в ужасе.

— Хва-хва-хва!— раздался злобный смех.

Вокруг Мишуни сидели лягушки и смеялись, широко раскрыв большие рты.

Некоторые из них держали в лапах натянутые луки.

— Не шевелись!— сказала одна.— Воины славной и непобедимой Болотии стреляют не стрелами, а змеями. Одной такой стрелы достаточно, чтобы превратить тебя в чучело!

— Я не буду шевелиться,— вздохнул Мишуня и закрыл глаза: будь что будет, со змеями шутки плохи!

Его куда-то потащили. Тащили долго, пока не очутились в высоченной пещере, выложенной мягким мхом. Змеи соскользнули с его лап, и длинная змея повела его во дворец.

Пол Большого зала был аккуратно покрыт зеленой травой и ракушками, красивые зеленые водоросли свисали со стен.

На кочке, украшенной сверкающими камнями и светящимися гнилушками, лежала блестящая Змейка.

Мишуня сразу ее узнал — та самая, которую он чуть не раздавил да вдобавок еще и обидел.

— Здравствуй... те,— поклонился Мишуня.

— Добавляй «ваше величество»,— зашипела дежурная змея,— перед тобой властительница великой Болотии!

— Ваше величество...— послушно повторил Мишуня.

— Каким вежливым ты вдруг сделался!— ответила властительница.— Тебе уже и в страну вежливых идти незачем. Я решила оставить тебя во дворце — будешь меня веселить. Глядя на твои грубые манеры и на твое неумение вести себя, все будут смеяться! Ни у кого из царей Болотии не было еще медведя-шута!

— Конечно, со мной справиться легко,— обидевшись, что медведь должен будет развлекать змей, сказал Мишуня.— Я маленький медведь... А вот когда мои папа с мамой узнают, что надо мною смеются, и придут сюда, тогда...

— Хва-хва-хва!— засмеялись придворные лягушки, а змеи зашипели.

Властительница Болотии свернулась в кольцо, потом развернулась и сказала:

— Тот, кто без приглашения явится в Болотию, тот, прежде чем утонет в трясине, будет искусан змеями, комарами и пиявками. Трясина хранит много тайн — не одна сотня твоих сородичей погибла в ее пучине... Но, пока ты будешь слушаться меня, тебе ничто не грозит! Смеши нас получше — и ты будешь жить долго!

— Но я не умею быть шутом,— растерянно произнес Мишуня.

— Добавляй каждый раз: «ваше величест-

Продолжение. См. «Огонек» № 29.

во»,— опять зашипела дежурная змея.— Не забывай, с кем говоришь! А то из тебя сделают чучело!

«Ладно,— подумал Мишуня,— нужно пока притвориться послушным, а там видно будет...»

И продолжал:

— Нас этому в школе не учили, ваше величество!

— А учили вас в школе, как следует встречать гостей?— спросила блестящая Змейка.

— У-учили,— неуверенно проговорил Мишуня.

— Вот и покажи нам, как бы ты вел себя, если б мои придворные пришли к тебе в гости!

Несколько лягушек подскакали к Мишуне и уставились на него своими большими глазами.

— Привет, здравствуйте,— сказал Мишуня. А что делать дальше, он припомнить не мог: когда учитель Дятел рассказывал, как нужно принимать гостей, они с Порей бегали в дубняк за желудями,— это Мишуня хорошо помнил.

— Ну, что ж, раз пришли, так уж ничего не поделаешь,— сказал Мишуня.— Будем чай пить, что ли?

Лягушки так захохотали, что закачались водоросли, украшающие стены зала.

— Теперь, когда ты доказал, что можешь нас веселить,— сказала властительница Болотии,— иди! Отведите его туда, где он будет жить, накормите, пусть отдыхает. Мы его позовем, когда нам станет скучно...

И Мишуню отвели в маленькую пещерку, принесли ягод, рыбы.

Но есть ему не хотелось.

«Вот я и стал посмешищем для каких-то червяков и квакш,— думал Мишуня.— Тут уж не до Вежливании... Как бы домой добраться... Уж я бы стал у дядюшки Дятла первым учеником... Это все Поря виноват — пойдем туда, побежим сюда... Эх, а что с ним сейчас? Может, он пошел в Вежливанию правильной дорогой?»

4. В ГРУБИЯНИИ ЖИВУТ ТОЛЬКО КРЫСЫ

У Пори сначала все шло хорошо. Солнце грело, дорога была хорошей, пели птицы.

Потом начались какие-то овраги, лес стал гуще. Несколько раз приходилось идти в обход поваленных стволов.

Листва на деревьях стала такой густой, что солнечные лучи не могли через нее пробиться, и Поре казалось, что наступил вечер.

Возле дуба Поря увидел один желудь, потом другой и остановился подкрепиться: начал раскапывать опавшие листья и взрывать пятачком землю.

— Ой, что вы делаете? — услышал вдруг Поря тоненький голосок.

Перед ним сидела маленькая Мышка.

— Вы же сломали мой дом,— сказала Мышка,— нужно быть осторожным, когда роешь землю!

— Не порти мне аппетита,— похрустывая желудями, пробормотал Поря.— Ничего с тобой не случится, новый дом построишь!

Мышка покачала головой:

— Вы в большой беде, как я погляжу!

— В какой такой беде?— Поря даже жевать перестал.

— Если из нее не выберетесь — плохо будет,— продолжала Мышка.

— Да что ты все пугаешь меня? — начал сердиться Поря.— Хочешь, чтоб я прощения попросил за сломанный дом? Так и скажи, а не пугай! «Беда, беда!» — передразнил он Мышку.

— Беда ваша в том, что вы не видите себя со стороны,— сказала Мышка.— Бедные родители, у которых такие невоспитанные дети... не уважают старших...

— Между прочим,— прохрюкал Поря,— я не зря иду в Вежливанию. Слыхала ты про такую страну?

— Нет,— покрутила головкой Мышка.— Про Грубиянию слышала.

— Грубияния? А это еще что? — удивился Поря.

— Попадешь туда, тогда узнаешь,— пискнула Мышка и юркнула в сухие листья.

«Ого, сколько на свете стран, о которых я и не слыхал! — подумал Поря.— Интересно!»

И побежал дальше.

На следующий день лес стал еще мрачнее. Все чаще дорогу преграждали завалы, коряги, ямы. В одну из ям Поря свалился и никак не мог из нее выбраться.

Он начал рыть землю, чтобы проложить дорогу наверх, рыл-рыл, как вдруг провалился в темную берлогу.

— Это еще кто? — спросил чей-то грубый голос.

— Какой-то поросенок! — произнес второй голос.

— Я не поросенок, а кабаненок! — прохрюкал Поря.— Мой отец дикий кабан, его боится весь Дальний лес!

— Храброе порося! —вновь раздался грубый голос.— Скажите ему, куда он попал,— у него храбрости сразу поубавится!

И Поре сообщили, что он попал в покои самого Нахала Третьего, Великого Грубияна, повелителя страны Грубиянии!

— Простите,— захрюкал испуганно Поря.

В пещере раздался дружный смех.

— У нас прощения не просят — мы грубияны! Никаких вежливых слов! Мы нахалы!

По приказанию Нахала Третьего раздвинулись стены, и на Порю бросились большие жирные крысы. Он уже решил, что его сейчас растерзают, но оказалось, что все толчки, укусы, удары — это всего-навсего «здравствуйте» по-грубиянски, и в результате Поря оказался сильно помятым и исцарапанным.

— Накормите его! — приказал Нахал Третий.

Порю сунули пятачком в какую-то еду и ударили по спине:

— Жри, порося, сколько влезет!

Но тут же подбежала Крыса и вырвала еду у Пори изо рта — так было положено в Грубиянии.

Поря так и остался голодным.

Сам Нахал Третий с едой не торопился. Он смотрел на своих подданных и только иногда указывал на того или иного грубияна.

— Тебя никогда не поджаривали? — спросила Порю большая Крыса в белом колпаке — личный повар самого Нахала Третьего.— Это не так больно, как кажется. Наш повелитель очень любит жареных поросят. И если ты будешь вести себя вежливо, быстро очутишься на огне!

Действительно, среди крыс-грубиянов Поря казался очень вежливым и воспитанным кабаненком.

В Грубиянии даже обращение на «ты» к незнакомому считалось чересчур вежливым. Крысы просто кричали: «Эй, Тощехвост!» или «Эй, длинный зуб!»

Разумеется, никто никогда не извинялся, если даже наступал на хвост. Если нужно было спросить кого-либо о чем-либо, то просто дергали за хвост или кричали: «Эй!» Сильный всегда использовал свое превосходство перед слабым — отгонял его от еды, спихивал с места. Никто не уважал старших: молодые и более сильные грубияны гнали стариков прочь, били их, кусали, если те не хотели уступать.

Несмотря на то, что Поря старался изо всех сил казаться грубияном, у него это не получалось. Нет-нет, да и проскальзывало в нем уважение к старшим, он не мог просто так, ни за что ни про что схватить за хвост какую-нибудь старую грубияниху.

На Порю стали поглядывать подозрительно...

— Что-то мне жареной свинины захотелось,— сказал наконец Нахал Третий, и все грубияны почтительно замолчали.— Поросенок, сознайся, чей ты шпион? — наконец спросил его Нахал Третий.

— Я... Вы... То есть ты...— Поря растерялся. Он не знал, как ему следует обращаться к Великому Грубияну — на «ты» или на «вы», и поэтому произнес что-то неопределенное вроде «твым».

— Шпион! Шпион! — закричали грубияны.— На угли его!

Повар уже раздувал угли в углу пещеры, и они становились все краснее и краснее.

— Если ты сознаешься, кто тебя послал,— сказал Нахал Третий, —то я прикажу зажарить тебя на быстром огне. Если не сознаешься — на медленном! Ну, почему же ты такой вежливый? Что тебе здесь нужно?

Но от страха Поря потерял голос, он раскрыл рот, но не мог произнести ни звука.

— На медленном огне поросенок лучше жарится,— сказал повар.

Окончание следует.

Ал. АЗАРОВ, Вл. КУДРЯВЦЕВ

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

РОМАН

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

28. МАРТ, 1943. ПАРИЖ, ОТЕЛЬ «ЛЮТЕЦИЯ» — БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

Из десятка галстуков, висящих на спинке стула, Бергер выбирает синий, холодного оттенка, с тонкой белой полоской и, прикусив кончик языка, вывязывает его плотным треугольным узлом. Галстук скромен, и только этикетка «Дом Диора» указывает на то, что его стоимость равна двухнедельному жалованью пехотного лейтенанта. Такие галстуки — в единственном экземпляре! — шьются для настоящих знатоков моды. Во Франции Бергер может позволить себе носить костюм «от Пакэна», обувь, сшитую на заказ, и тончайшие рубашки из леннобатиста. Проблемы цен для него не существует. Победитель в стане поверженных, он берет все, платя за это реквизированной при разгроме Франции валютой. Бергер был среди тех, кто первыми, в составе батальона «Бранденбург», вышел за линию Мажино. Абвер торопился наложить руку на частные коллекции, собрания картин в старых родовых замках и еврейские вклады в банках. Эти ценности предназначались на разведку, и даже у РСХА не хватило духу оспаривать право Канариса на владение ими. Сам лично Бергер не присвоил ни франка, но зато оклад его содержания был повышен адмиралом до ставки французского министра. В расходовании секретных сумм Бергер подотчетен только ему, и никому другому. Что же касается Канариса, он не экономит на мелочах. Бергер помнит, что когда Остер намекнул было на несоразмерность оклада с невысоким чином майора, Канарис с улыбкой отпарировал: «Это французские деньги, Остер! Не вижу оснований их жалеть. Рейхсмаршал Геринг дал нам образец. Вот его слова: «Раньше мне все же казалось — дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле отнимать то, что завоевано. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить, и грабить эффективно»... Впрочем, не надо ссылаться на Геринга публично. Забудьте об этой фразе, Остер. И вы, Бергер, тоже».

Окончание. См. «Огонек» №№ 18—29.

Галстук — всего лишь частица той дани, которую Франция, а со временем и весь мир уплатят Германии... Подтянув узел, Бергер с сожалением проводит ладонью по небритым щекам. Ничего не поделаешь, придется потерпеть. После встречи с Ширвиндтом у него возникла экзема, розовая дрянь, от которой щеки покалывает миллионами тончайших иголочек. Врач в госпитале прописал успокоительные мази и сказал, что у Бергера расшатана нервная система. Бергер возразил: «Что вы, доктор, я живу растительной жизнью, никаких волнений...» — и откланялся. Впрочем, от бравады экзема не вылечивается, и Бергер последовал совету врача и перестал бриться. А на ночь втирает мазь в кожу, но розовые пятна, исчезнув в одном месте, появляются в другом, и зуд преследует Бергера круглые сутки.

Проглотив болеутоляющую таблетку, Бергер делает приседания перед открытым окном. Десять, пятнадцать раз. Пока дыхание не начинает клокотать... «Двадцать два... Очень хорошо, я в норме!» Разведчик всегда должен быть в форме. Как боксер или артист. Бергер по секундомеру проверяет пульс и, отряхнув с воротника пиджака пылинки, поворачивает ключ в замке кабинета. Восемь тридцать утра, и, пожалуй, пора начинать...

Офицеры, выделенные абвером в помощь Бергеру, сходятся по одному. Майор встречает их у двери, пожимает руки, шутит, подтрунивает над ними, усаживает пришедших и ни на секунду не прекращает при этом думать о поездке на бульвар Осман. Опередить Рейнике — дело чести офицера! Канарис жестко спросит за промедление. Русский разведчик — законная добыча Бергера и сильнейший аргумент в споре адмирала с Гиммлером. Если Канарис не выстоит, СД в тот же час сплавит майора в концлагерь: он слишком часто брал на себя смелость переступать дорогу службе безопасности...

— Последняя просьба, господа,— понизив голос, говорит Бергер.— Будьте предельно внимательны!.. Я вхожу первым и занимаю место в приемной. Через пять минут войдете вы и вы тоже...— Два лейтенанта привстают со стульев.— Сидите, пожалуйста!.. Секретаршу надо отрезать от стола и окна. Наручники — сразу же... Я пригласил Марту, она поедет с нами и будет отвечать по телефону. С вокзала нас известят о прибытии Леграна. Никто не должен медлить, когда он переступит порог. Дай бог нам всем удачи!

Марта уже сидит в машине. Бергер познакомился с нею в канцелярии шефа абвера и сразу же оценил ее силу и умение бегло говорить по-французски. Марта была обижена на шефа, переставшего спать с нею, и искала выхода своей досаде. Предложение перейти на оперативную работу пришлось кстати, и Марта даже поделилась с Бергером мечтой о зачислении в СС — начальницей лагеря или хотя бы надзирательницей. Майору ничего не стоило пообещать ей свою помощь и таким образом приобрести человека, докладывающего ему о каждом шаге шефа.

Бульвар Осман не короче берлинской Унтерден-Линден, хотя и не так прям. Он тянется, слегка изогнутый, от рю де Фобург, пересекая улицу Курсель и площадь св. Августина, до слияния с бульваром Монтен. Галерея, Гранд Опера, памятник Лафайетту... Бергер оглядывается в заднее окошечко. Черный ДКВ следует за его «хорьхом», как на буксире. Капитан Шустер со своей аппаратурой должен занять пост квартала за два до конторы «Эпок» и взять под контроль эфир. Не исключено, что Леруа сумеет выкинуть какой-нибудь фокус с рацией и подать аварийный сигнал. Шустер обязан во что бы то ни стало заглушить его, используя всю мощь передатчика.

Все предусмотрено. Все до мелочей.

Бергер кладет руку на плечо водителя. Слегка прижимает его.

— Здесь.

Сотня шагов отделяет его от подъезда, и он проделывает их не торопясь, стараясь не ступать в грязные лужи на тротуаре. Носки его лакированных туфель идеально чисты, даже влажный воздух не замутнил их. Постукивая тростью по серым мраморным ступеням, майор поднимается на четвертый этаж. Стеклянная дверь конторы и золотые буквы на ней — «Эпок». Заранее сняв шляпу, Бергер нажимает начищенную бронзовую ручку и входит.

Приемная почти пуста.

— Мадам?

Жаклин смотрит на него с вопросительной полуулыбкой.

— Я из Швейцарии, мадам...

— Мадемуазель,— поправляет Жаклин.

— Ах, так... Тысяча извинений, ну конечно же... Месье Легран?..

— Он вам назначил?

— Я звонил вчера.

— Ваше имя?

— Я не назвался... Луи Реске, строительные материалы...

Жаклин морщит носик, вспоминая.

— Так это были вы? Такое правильное произношение, сразу чувствуется иностранец... Боюсь, что огорчу вас, господин Реске,— месье Легран принимает только тех, кто записан. Кроме того, в час к нему прибудут представители авиации, они предупредили заранее... Может быть, вечером? Или завтра?

Единственный посетитель — слепой,— прислушиваясь к разговору, дымит сигаретой. Он молод, широкоплеч и очень плохо одет. Бергер никак не рассчитывал обнаружить в приемной такого оборванца. Не может быть, чтобы связные компрометировали Леграна своим видом. Но кто он тогда?

А Люсьенн, помогающий Жаклин коротать одиночество, вслушивается в едва заметный немецкий акцент говорящего и с неудовольствием думает о странных знакомствах Жака-Анри. С одной стороны, Легран превосходный парень, с которым можно быть откровенным; с другой, ведет дела — и небезвыгодные! — с нацистами. Как его понимать? Жаклин в восторге от него, говорит, что он настоящий патриот. Но она в «Эпок» без году неделя, сменила Жюля, расплевавшегося, по всей видимости, с Леграном именно из-за этих проклятых связей с бошами... Жаклин — хорошая девушка: будь у Люсьенна глаза, он постарался бы с ней сдружиться. Мужчина в его возрасте не должен жить без подруги... А что если Жаклин и такого не оттолкнет его? Это было бы счастье! Хорошо, что Жак-Анри познакомил их, а угощение сигаретами — отличный повод для долгих бесед по утрам, когда контора пустует. Добрый разговор сближает людей, и Люсьенн уверен, что у них с Жаклин есть немало общего. Оба из бедных семей и вдосталь хлебнули горечи и войны...

Жаклин, ожидая ответа, открывает бювар.

Бергер медлит.

С минуты на минуту войдут офицеры, а девушка сидит за столом, и нет никакой возможности выманить ее из-за него. Как быть? Вполне возможно, что в столе спрятана кнопка сигнализации. Нажатие — и за квартал отсюда зажжется какая-нибудь лампочка в подъезде и уже не погаснет, оповещая Леграна, что ему надо бежать... Выигрывая время, Бергер достает из кармана визитную карточку. На ней совсем другое имя, но это неважно; главное — успеть оценить обстановку. Парень не в счет. Он не притворяется слепым, глазницы его пусты. Служащие в соседней комнате отделены от приемной толстой капитальной стеной. Окна, ведущие на улицу, закрыты. То, что поближе к столу, наполовину затенено бархатной малиновой шторой. За шторой что-то стоит, какая-то тумба или подставка... Любезно улыбаясь, Бергер огибает стол и, держа карточку наготове, склоняется к Жаклин. Миг — и руки ее оказываются в его руках. Бергер одним движением выхватывает ее из кресла и валит на пол.

— Ни звука!

Слепой вздрагивает... Офицеры оказываются в комнате очень вовремя и успевают перехватить слепого, пытающегося встать.

— Тихо! Сидеть! Вы арестованы!

Бергер произносит это почти шепотом. Жаклин извивается в его руках.

— Наручники!..

Один из офицеров быстро захлестывает браслеты на запястьях Жаклин. Поднимает ее, как мешок, и бросает в кресло у стены. Опередив крик, затыкает рот платком.

— Вот и хорошо,— говорит Бергер.— Будьте умницей!

Толстая Марта загораживает дверь. Бергер манит ее пальцем, указывая на стол.

— Сядьте сюда.

Марта, хихикая, трясет плечами. Проходя мимо Жаклин, слегка задевает ее бедром, но этого прикосновения оказывается достаточно, чтобы и Жаклин и стул ударились о стену. Бергер осуждающе покачивает головой.

— Сядьте, Марта. И не устраивайте цирк. Мы на службе!

Марта, продолжая хихикать, усаживается, и кресло издает треск. Второй офицер надевает наручники на Люсьенна... Прошло всего минуты три, не больше...

Телефонный звонок врывается в комнату, как окрик.

На столе два телефона. Белый и красный. Марта снимает трубку белого. Не тот. Тянется к красному.

— Приемная господина Леграна... О, Отто!.. Сейчас передам.

Она кладет трубку и торжественно произносит одно слово:

— Едет...

Это как раз то слово, которого Бергер ждет. Его хватает, чтобы забыть о зуде, раздирающем щеки. Поглаживая щетину, Бергер смотрит на арестованных. Девушка, кажется, близка к тому, чтобы грохнуться в обморок, а мужчина сидит прямо, и сгоревшая до конца сигарета обжигает ему губы. Шок? Очень хорошо!.. Надо удалить их отсюда. Бергер приоткрывает дверь кабинета Леграна, прикидывая, стоит ли вести их сюда или лучше отправить вниз... Пожалуй, выводить рано. Легран быстрее поймет, что проиграл, если увидит Жаклин Леруа в наручниках. Машинально поправив свой уникальный галстук, Бергер подходит к арестованным. Похлопывает Жаклин по щеке.

— Ну, ну... Очнитесь же... Это не так страшно. Я не людоед. Нам нужны не вы, а господин Легран. Он так упорно уклонялся от встречи с нами, что пришлось, как видите, прибегнуть к маленькому насилию. Через час я освобожу вас, и вы пойдете на все четыре стороны. А пока ведите себя тихо и скромно. Договорились?

Хотя руки Жаклин и перехвачены сталью, Бергер старается держаться подальше от нее. Случай в Женеве слишком свеж, чтобы пренебречь опытом. Ничего ужасного, конечно, не произошло, Бергер при любом повороте событий не стал бы стрелять, но дать себя обезоружить — это не входило в его намерения. И зачем только он вообще брал с собой пистолет... Ведь знал же, что не пустит его в ход. После убийства Ширвиндта нелегко было бы скрыться; Рольф своим похищением наделал шуму, и швейцарские власти усилили охрану границ... Золотое правило шпионажа: «Имеешь оружие — стреляй!»... Бергер нарушил его и лишился отличного «вальтера», подаренного генералом Лахузеном после налета на радиостанцию Глейвице... Их там, в Женеве, было двое против одного, но телохранитель растерялся. Досадный случай, и пусть он послужит уроком!

— Ну, а вы? — Бергер поворачивается к Люсьенну.— Вы здесь вообще ни при чем, да? Ошибка, недоразумение и так далее?.. Офицер? Воевал против нас? Где?

Люсьенн выплевывает окурок.
— Там, где тебя не было, скотина! Гестапо всегда околачивается в тылу. Тебе ли спрашивать?
— Вы невежливы... И потом — зачем злиться? Вы-то здесь случайно?
— Нет! — отрезает Люсьенн и поднимает голову.
О!.. Кто бы мог ожидать от слепца такого проворства? Бергер едва успевает отскочить. Удар, нацеленный Люсьенном в пах, свалил бы майора замертво. Оба офицера, выпустив Жаклин, наваливаются на Люсьенна. Он рычит и кусает одного в плечо. Бергер, опомнившись, ребром ладони бьет Люсьенна по шее, в то место, где проходит сонная артерия. Особой силы здесь не требуется; совсем ни к чему будет, если в абвер привезут остывающий труп.
Марта с горящими глазами наблюдает за происходящим. Соломенные волосы ее рассыпаны на плечах.
— Дайте ему в..., майор!
Люсьенн сползает со стула.
— Тащите его,— говорит Бергер.— У нас нет ни минуты... Тащите в кабинет и привяжите его, что ли. У кого-нибудь есть веревка?
Офицеры пытаются сдвинуть мычащего от боли Люсьенна с места, но он так уперся, что вдвоем они едва отрывают его от пола. Бергер нагибается, чтобы им помочь, и тут происходит то, о чем он думал все время, чего боялся и что все-таки произошло вопреки всем предосторожностям... Стекло в окне с мелким звоном разлетается на куски, а Жаклин, запутавшись в портьере, валится вместе с бронзовой Терпсихорой на раму.
Марта издает звук, похожий на вой.
Бергер срывается с места и — летит на пол. Ноги Люсьенна замыкаются ниже его колен, тянут, мешают встать. Лежа, Бергер с отчаянием видит, как Жаклин медленно выпрямляется, ускользая от протянутой руки Марты.
— Держите же ее!.. О сволочь! — кричит он и, вывернувшись, каблуком проламывает Люсьенну висок. Тонкая кость противно хрустит, и тут же другой хруст, гораздо более сильный, заставляет Бергера совершить немыслимый при его комплекции прыжок к окну.
Поздно...
Рама, выбитая телом Жаклин, выскакивает из пазов.
Бергер высовывается и видит сухие ветви деревьев на бульваре, блестящий от воды асфальт, прохожих, задравших головы, и груду красных тряпок, ворочающуюся на тротуаре. Четыре этажа — не слишком высоко, чтобы сразу разбиться насмерть.
Когда Бергер, словно в полусне преодолев коридор, лестницу, вестибюль и два метра тротуара, наклоняется над Жаклин, она еще жива.
— Какое несчастье,— шепчет Бергер.

29. МАРТ, 1943. ПАРИЖ, ВОКЗАЛ ШАМП-ДЕ-МАР — БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

На вокзале Жак-Анри долго ждет у выхода. Чиновники не спешат, проверяя пропуска. Пассажиры с двух поездов — нантского и экспресса из Тура — терпеливо выстраиваются в затылок перед турникетом. Саквояжи, чемоданы, портфели. Все это досматривается, как в былые времена на таможне. Чиновник негромко покрикивает:
— Порядок! Порядок!
Ordnung!.. Это словечко раздражает Жака-Анри. В Париже его слышишь сравнительно редко, в провинции — на каждом шагу. Оно сопутствует немцам, как смерть — эпидемии. Везде — Ordnung, Ordnung, Ordnung! В Нанте Жак-Анри ходил и не узнавал города. Нет, он не стал грязнее с приходом нацистов. Скорее напротив — никогда прежде его улицы не были так кладбищенски чисты. Вылизанные тротуары, деревья, подстриженные под прусский ранжир. Ordnung! Но вместе с пылью, нанесенной прохожими, и дико растущими ветками исчез Нант со всей присущей ему прежде французской безалаберной привлекательностью... Если Гитлеру удастся продлить оккупацию хотя бы на три года, то и Франция, пожалуй, перестанет быть Францией, превратившись мало-помалу в одну из швабских гау, где портреты фюрера заменят скульптуры Лафайетта и Орлеанской девы, а гестапо — этот садовник смерти — топором отрубит каждую ветвь, рискнувшую выбиться из общего ранжира.
Предъявив паспорт и продемонстрировав содержимое портфеля, Жак-Анри выходит на площадь. Еще недавно его встретил бы Жюль. Но он в Гааге. Два передатчика уже работают, третий Жюль держит в резерве. Он и Буш сравнительно быстро приспособились к обстановке, и Жак-Анри с легким сердцем переключил на них некоторые источники.
Три года.
Скоро будет нечто вроде юбилея. Без тостов и речей. Без того, что в Москве он назвал бы подведением итогов... Как это звучало в праздничных речах: «Подводя итоги, хочу отметить, товарищи...» Здесь, в Париже, эта формула кажется странной, Жак-Анри отвык от нее, как отвык, к примеру, думать по-русски. Даже тени в его снах говорят на французском языке с легкой примесью настоящего парижского арго. Иного и быть не может: Жак-Анри Легран родился в Тулузе, учился в Эколь Нормаль, живет — за редкими выездами — в Париже...
Жак-Анри заходит в аптеку, не заметив Мейснера, в отдалении наблюдающего за ним. Откуда ему знать, что Мейснер полчаса назад позвонил в «Эпок» и сейчас, когда Жак-Анри сделает то же самое, трубку в конторе возьмет не Жаклин, а толстая Марта, из предосторожности загораживающая микрофон ладонью?.. И о засаде на бульваре Осман трудно догадаться, глядя сквозь цветной витраж в окне аптеки на плывущие по небу облака. Стекла окрашивают мир в веселые тона — желтые, оранжевые, красные. Облака словно подсвечены солнцем, и день — прекрасен.
Жак-Анри вешает трубку и медлит выйти. Жаклин так странно ответила ему. Он хотел предупредить, что немного запаздывает, но Жаклин, едва он спросил, кто у аппарата, пробормотала: «Контора месье Леграна» — и, добавив, что «месье Леграна не будет сегодня», дала отбой. И голос ее при этом был чужим, незнакомым, с резкими интонациями.
Неясное предчувствие беды охватывает Жака-Анри. Проверяя себя, он вновь вызывает контору.
— Жаклин?
— Да, я.
— Говорит Легран.
— О! Так кстати!.. Вас ждут, приезжайте скорей.
— Кто ждет?
— Господа из министерства авиации.
— Еду. Скажите им, что я прошу извинить меня.
Чужой голос. Это не Жаклин. Телефон работает плохо, звук доносится словно из-под земли, но Жак-Анри знает каждую нотку в голосе Жаклин.
Мейснер, сидящий за рулем «оппеля», тоже взволнован. Кому звонил Легран? Зачем? Приказано не трогать его и дать возможность беспрепятственно добраться до «Эпок»; ну, а если он звонил именно туда? Сумеет ли Марта обмануть его? Перегнувшись через спинку сиденья, Мейснер включает стоящую на полу полевую рацию и связывается с Рейнике. Своевременный доклад бригадефюреру не помешает.
Рейнике слушает, не перебивая. Уточняет:
— Когда звонил?
— Только что.
— Почему это вас волнует?
Мейснер запинается. Сказать, что Бергер опередил бригадефюрера и ему, Мейснеру, известно об этом? Худшего ответа нельзя и придумать! В наушнике тихое шуршание — дыхание ждущего Рейнике.
— Алло, Мейснер!..
— Да, бригадефюрер!.. Я просто... Мало ли что ему взбредет в голову?
— Хорошо. Езжайте сюда и больше не заботьтесь о Легране. Он не останется безнадзорным.
У аптеки возится с зонтиком случайный прохожий. Зонтик никак не раскроется. Черный гриб с треском расправляет шляпку как раз тогда, когда Жак-Анри появляется на пороге. Старый зевака на другом конце площади бросает взгляд на зонт и, лениво потягиваясь, встает со скамейки. Напрасно Мейснер был дурного мнения о предусмотрительности бригадефюрера Рейнике... Впрочем, и бригадефюрер, в свой черед, далеко не всеведущ! Жак-Анри никого не предупреждает — а тем более СД — о своих намерениях. Сегодня его встречает Рене. Не здесь, конечно, а через три квартала. Старенькая микролитражка Рене должна стоять против табачной лавки.
Жак-Анри, человек с зонтиком и зевака в порыжелой шляпе движутся, словно корабли на маневрах, параллельными курсами. В какой-то точке они должны сойтись...
— Привет, Рене! Не соскучились?
— Как поездка, Легран?
Рене сияет, показывая все тридцать запломбированных зубов и две золотые коронки. Дверца машины раскрыта, и Жак-Анри бросает тело на сиденье.
— Вперед, Рене! Докажите, что старушка еще не разучилась бегать!
— В «Эпок»?
— На Большие бульвары.
Рене с привычной лихостью выжимает сцепление и, заставив машину взвыть, набирает скорость. Мейснер в своем «оппеле» как раз выкатывается из-за угла на набережную Кэ д'Орсэ. До микролитражки метров полтораста, и Мейснер, подумав, решается двинуться следом. Где-нибудь на середине пути он отстанет, а пока почему бы и не проводить Леграна немного, так, на всякий случай? «Оппель-капитан» достаточно мощен, чтобы не упустить «ситроен».
Разворачиваясь, Мейснер видит, как человек с зонтиком бежит к аптеке, и в тот же миг, обгоняя «оппель», со стороны переулка на Кэ д'Орсэ выплывает, точно дредноут, длинный «мерседес» с людьми в штатском.
Набережная тянется на несколько километров. Сена серой лентой разворачивается слева, а справа, за Эйфелевой башней, вот-вот откроется поворот на авеню де ля Бордоннэ. Жак-Анри оглядывается через плечо. Черный «мерседес», не прибавляя скорости, идет за ними, прижимаясь к тротуару. Свернуть или не сворачивать? Рене, смеясь, рассказывает о своих успехах в ночных кабаках. «Ситроен» проскакивает перекресток, а «мерседес» сворачивает вправо, чтобы уступить место могучему «хорьху» с брезентовым верхом. «Хорьх», украшенный радиоантенной над ветровиком, нарушает все правила движения, пересекая авеню де ля Бордоннэ на запретительный сигнал. Сомнений нет: микролитражку «ведут»...
Жак-Анри тяжело откидывается на сиденье.
Филеры на вокзале показались ему случайностью. В интонациях Жаклин он мог и не разобраться. Но смена преследующих машин произошла настолько откровенно, что не оставила места колебаниям. Это провал. Изношенный мотор «ситроена» не в состоянии, конечно, соперничать с восьмицилиндровым двигателем «хорьха», да и парижские улицы не трек, где можно состязаться в скоростях. На любом перекрестке магистраль перекроют мотоциклисты, и тогда конец.
Кажется, и Рене заметил неладное. Оглядывается.

— Что за черт!
— А? — Жак-Анри беспечно подмигивает ему.— Кого вы увидели? Девицу?
— «Хорьх» прилип...
— Ну и что?
— А если полиция?
— Не понимаю... Вам-то что?
— У меня с собой две тысячи долларов! Представляете, что будет, если нас сцапают?

Жак-Анри присвистывает.
— Поздравляю...
Рене переключает скорость.

— Сейчас я ему покажу.. Тут есть один забавный поворотик... Держитесь за щиток, Легран. Сворачиваю!

Шины воют, как раздавленная собака. Жака-Анри бросает на дверцу, и «ситроен» вылетает в проулок, узкий, как ущелье. «Хорьху» сюда не въехать — слишком он широк...

Еще один поворот.

— Ну вот,— говорит Рене.— То, что и надо... Покрутимся немного и поедем на бульвар Гарибальди. И — по кольцу. Вас устраивает?

Он неловко улыбается, словно хочет доказать Жаку-Анри, что нисколько не виноват в происшествии. Похоже, он не сомневается, что слежку организовала французская полиция и именно за ним, надеясь взять его с поличным при передаче валюты. Жак-Анри не намерен разбивать его иллюзии. Самое лучшее будет изобразить негодование. Так он и делает.

— Остановите, Рене!
— Здесь? Зачем?
— Я пойду пешком... Не обижайтесь, но у меня нет желания сидеть из-за вас...
— Но, месье Легран...
— Ни слова, Рене! Иначе мы больше незнакомы. Позвоните мне завтра.

Щеки Рене пылают. Резко затормозив, он перегибается и открывает дверцу.

— Очень сожалею,— говорит Жак-Анри.— До завтра, Рене.

«Ситроен» упархивает, чтобы через минуту оказаться в обществе полицейских мотоциклов, а Жак-Анри, через двор, быстро идет в глубь квартала. Двор непроходной. Он оканчивается у глухого брандмауэра и напоминает мешок с горловиной в виде арки. Оставаться здесь нельзя, но и идти некуда. Жак-Анри заходит за мусорные бачки и быстро обшаривает свои карманы. Рвет все бумажки, какие там есть. Все до одной. Бросает в бачок документы... При аресте у него ничего не должны взять. Достаточно того, что в конторе осталась картотека вырезок, аварийная рация, библиотека, среди книг которой два экземпляра нового кода... Пусть так суждено — попасть в гестапо, но больше никто не должен пострадать. Он и Жаклин примут удар на себя. Жюль в Гааге, Ширвиндт в Женеве и товарищи в Нанте продолжат работу. Если даже за ним, Жаком-Анри, наблюдали в Нанте, то ни к радистам, ни к источникам цепь не выведет. Связной не знает адресов — только «почтовые ящики»... Три года... Что ж, он сделал все, что мог. И в дни обороны Москвы, и в разгар весеннего наступления немцев, и в недели битвы под Сталинградом Центр получал радиограммы. Сотни радиограмм с военной информацией. И каждая стоила фашистам недешево.

Все они: Жак-Анри, Жюль, Пьер, Жаклин, Роз, Гро, радисты и связники, русские и французы, немцы, бельгийцы, голландцы, коммунисты и антифашисты, разведчики и их помощники — все они сделали все, что могли. И еще многое сверх того, что может сделать человек...

«Эпок» разгромлена. Люди в Париже и Нанте остаются без средств. Ширвиндт — тоже. Арест Жака-Анри приведет к нарушению связей. Все рассыплется... до поры до времени. Война еще не окончена. На смену Жаку-Анри придет другой товарищ и скует воедино звенья цепи. И опять за дело. Пока не смолкнут выстрелы. Пока не рухнет, повергнутая в прах, «тысячелетняя империя» Адольфа Гитлера... Такая работа...

А мир — он все равно не умрет, придушенный германским сапогом.

Свет и тень... Двор словно поделен ими. Тень от брандмауэра лежит на влажных каменных плитах. Жак-Анри идет по ним, глядя перед собой.

Чем встретит его улица? Даст ли ему счастливую возможность продолжить движение вперед или остановит окриком и пулей?

Шаг. Еще один. И еще...

Тень и свет. Арка кажется черным провалом, ведущим в неизвестность. Сколько раз вот так же делал Жак-Анри тот самый шаг, с которого начиналась новая жизнь? Закрывая за собой дверь московского дома и уходя туда, откуда не приходят письма, он отрешался от имени своего, от мыслей своих, от чувств своих и уже принадлежал не дому, не семье и даже не себе самому, а долгу. Вне обычного права. Вне обычного закона. Сдав служебное удостоверение и партийный билет, отвинтив ордена, расставался он, подполковник военной разведки, с самим собой, становясь де Лонгом, Шредером, Леграном... Только руки и голова. Да сердце, в котором нет страха. Да товарищи, жизнь которых зависит от тебя... Ни один солдат не имеет права погибнуть зря.

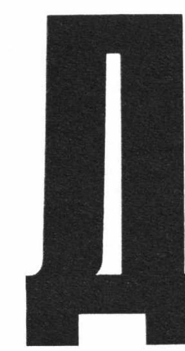
Шаги Жака-Анри гулко отдаются в пустом пространстве двора. Тень, резко отчеркнутая по кривой, остается за плечами. Арка раскрывается перед ним, и в конце прохода — начало улицы.

Жак-Анри ступает под арку.

Улица перед ним.

И он делает первый шаг...

Конец первой книги.

ДЫРКА ОТ БУБ

А. СУКОНЦЕВ

Фельетон

За Балабаевым прислали машину.

— Поедем,— сказал бригадир Артемов,— сейчас на собрании твою жалобу разбирать будем.

— Не поеду,—ответил Балабаев.

— Вот тебе и раз! — охнул бригадир.— Как же это?

А дело в том, что в этой жалобе Балабаев обвинял многих работников завода в самых разных тяжких грехах — в стяжательстве, казнокрадстве, в разбазаривании денег, предназначенных для поощрения рационализаторов.

— Мое дело — сигнализировать. А пусть компетентные люди разбираются, внедрили те предложения или они остались на бумаге, а денежки — тю-тю!..

С тех пор Н. М. Балабаев состоит в переписке преимущественно с депутатами, с министрами и председателями государственных комитетов или их заместителями. Он им пишет, они ему отвечают.

В активную переписку с Балабаевым вовлечены органы народного контроля и прокуратуры, Министерства финансов и местной промышленности, Комитет по делам изобретений и открытий.

Как правило, из всех организаций Балабаеву отвечают вежливо, называют его «уважаемым товарищем», обстоятельно разъясняют свою точку зрения, направляют комиссии для проверки.

Они устанавливают, что рационализаторов поощряют правильно, что их предложения по мере сил внедряются. А вот предложения самого Балабаева отклонены совершенно законно как пустопорожние.

Тон балабаевских писем более деловит и лаконичен.

«Москва. Министру... Мое письмо от 5.III.71 года проверить присланному Вами работнику я не доверяю... Во избежание извращений прошу не ограничивать проверяющих во времени. Вот все. Балабаев».

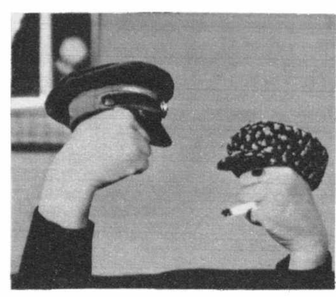
Вот так, товарищ министр. Исполняйте.

Чего же столь упорно добивается Балабаев — бывший работник аксайского завода «Пластмасс»?

На заседании одной из комиссий, проверявших его жалобу, адресованную ВЦСПС, сам Балабаев на этот вопрос ответил предельно просто:

— Я призываю к справедливости!

Восемь серьезных, ответственных товарищей вели с ним беседу битых четыре часа и пришли к выводу (как и проверяющие других комиссий), что человек пишет напрасно, судит о делах завода

КУКЛЫ МАРТЫ ЦИФРИНОВИЧ

Непостижима тайна рождения профессии. Неведомыми путями приходит человек к своему призванию... В маленьком уральском городке Соликамске росла девочка, которая вовсе не любила кукол; ее детские игры разделяли живой медвежонок, ручной голубь, кролик, черепаха... А в большом дворе бывшего мужского монастыря, где жили Цифриновичи, Мартой было придумано увлекательнейшее занятие — разыгрывать в лицах все прочитанные книжки. Она умела акварельными красками расписать лица товарищей до неузнаваемости. Даже взрослые с удовольствием приходили на ребячьи спектакли, о которых возвещали расклеенные по городу рукописные афиши, снабженные смешными и очень выразительными рисунками все той же Марты Цифринович.

Энергии у Марты хватало на все: и на музыку и на занятия в художественной студии.

Но главной своей встречи — встречи с куклами, с театром кукол — Марта ждала долго. Это была неожиданная и счастливая встреча. Сергей Владимирович Образцов, его рассказы, его куклы, его режиссерские уроки сразу и навсегда решили судьбу Марты.

Окончив студию при Центральном театре кукол, молодая актриса избрала свой, куда более беспокойный путь — эстраду. Сначала тут были одни неудачи: никак не выходила кукольная драматургия, никак не удавался очередной номер к конкурсу... Каждый раз, упрямо начиная все сначала, Марта шла за советом к любимому учителю.

И наконец родился новый номер на эстраде, давший путевку в жизнь большому кукольному семейству Марты Цифринович.

...Вот письмо, адресованное одной из кукол, Венере Пустомельской: «Уважаемая Венера Михайловна! Покажитесь еще раз!» Этого требуют телезрители из Московской области, из Ярославля, из Новосибирска — требуют, обращаясь к кукле Пустомельской, как к давней знакомой. Ее «Лекцию о любви» слышали многие зрители; ей рукоплескали в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, ГДР, Швеции и Норвегии, Голландии и Люксембурге. Недавно мы видели репетицию новой программы: два отделения спектакля-концерта «Что на что похоже...».

«Надену шляпку на кулак,— говорит Марта,— и расскажу вам, что и как случилось, где, когда, зачем случилось, почему и с кем...»

Поистине настоящие чудеса умеют делать руки артистки, в которых — будь это просто шляпы, перчатки, стеклянные трубочки — все полно выразительности и смысла, веселого юмора или злого сарказма.

Кукольное искусство Марты Цифринович разнообразно и многолико. Теперь это и впрямь маленький эстрадный театр, где можно весело посмеяться и серьезно задуматься...

Н. ЗЫБИНА

понаслышке, поскольку сам он там уже не работает.

И вся цена балабаевской «справедливости» — двухкопеечная амбиция: «Ах, вы не приняли мои рацпредложения? Я вам покажу!»

И Балабаеву уже, собственно, безразлично, что скажет очередная комиссия. Ему важно, что он борется, что завод лихорадят бесконечные проверки по его жалобам, в которых вместо фактов — пустота, дырка от бублика. И он продолжает усиленно бомбардировать все новые и новые учреждения.

Увы, история эта не такая уж редкость в нашей жизни. Практика фельетониста дает мне основание думать, что во многих организациях есть свои балабаевы.

Но я рассказал об этой истории не только или, вернее, не столько для того, чтобы оградить какие-то учреждения от настырного жалобщика. Я хотел, может быть, более наглядно показать на этом примере, как мы с вами, дорогие товарищи, порой транжирим по таким пустякам рабочее время и силы только потому, что в этом кровно заинтересован вот такой Балабаев. Зато к действительно важному, полезному делу относимся иной раз, мягко говоря, спустя рукава.

Вот для сравнения я и расскажу вам другую историю.

Специалисты утверждают, что одно из самых слабых мест в гусеничном тракторе — гусеница. Ее звенья скрепляются шарнирами. В каждом звене есть отверстие, по-другому — проушина, туда вставляется болт, он же палец. В движении проушина изнашивается, и тогда надо выбрасывать все звено в металлолом.

Из-за этого, как говорят сведущие люди, в нашем тракторном парке стоит без дела почти каждый третий трактор.

Сотрудники Научно-исследовательского института сельского хозяйства Юго-Востока предложили очень нехитрый на первый взгляд выход из положения. А что, сказали они, если в каждом звене пробивать не одно отверстие, а два? Износилось первое, переставь палец в другую проушину и работай себе дальше.

Ученые-механизаторы из Саратова эту свою идею изложили на бумаге, а соседи — волгоградские тракторостроители по их просьбе выпустили две партии опытных звеньев с двумя дырками.

В новые гусеницы обули тракторы на четырех машиноиспытательных станциях «Союзсельхозтехники» и в одиннадцати хозяйствах Саратовской области, пустили их в борозду.

Всем без исключения новая обувка понравилась. В один голос механизаторы сказали:

— Мы — за!

Было подсчитано, что на каждой тысяче тракторов с двухшарнирными звеньями мы получим чистого барыша больше тридцати тысяч рублей и плюс экономия двухсот тонн металла.

В 1967 году состоялся очень крупный разговор о новых гусеницах. Его вели полномочные представители всех глубоко заинтересованных организаций: «Союзсельхозтехники», Министерства сельского хозяйства, а также тракторного и сельскохозяйственного машиностроения.

Решили доработать конструкцию нового звена. Выпустить затем опытную партию звеньев для широких испытаний в разных условиях страны с тем, чтобы потом полностью переобуть весь тракторный парк.

Чтобы, как поется в песне, никто не был против, все — за.

После того представительного форума прошло четыре года, однако, как поется уже в другой песне, тот самый вопрос оказался уже вроде бы «позабыт, позаброшен»...

Балабаев за два года, по самым скромным подсчетам, написал больше ста писем. Членам одной из очередных комиссий он дал торжественное обещание:

— Если мои результаты проверки не удовлетворятся, я буду снова писать во все концы!

Видите, Балабаев, он такой. Он не успокоится.

А почему же заглохло дело с новой тракторной гусеницей?

«По нашему мнению, — пишет один из инициаторов этого предложения, заведующий отделом механизации института сельского хозяйства Юго-Востока СССР, А. И. Беднов, — затяжка производства двухшарнирных звеньев объясняется ведомственной заинтересованностью».

Точнее, Анатолий Иванович, ведомственной незаинтересованностью. Ведь хлопотное это дело, братцы. Ну, в самом деле, сейчас тракторный завод исправно выдает серию машин с одной дыркой в звене. А ну-ка, вдруг ему говорят: пробивайте рядом вторую, меняйте технологию. Под угрозу срыва может встать план. А чтобы этого не случилось, надо же пошевелить мозгами, поискать резервы. Одним словом, проявить глубокую личную заинтересованность. Развить столь же бурную деятельность, какую развил тот же Балабаев. Только в несравненно более полезном направлении.

И такого вот неукротимого рвения пока не обнаруживается со стороны заинтересованных сторон, если можно так выразиться.

Я позвонил М. С. Сидельникову, начальнику технического управления Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

— Вы знаете, — сказал Михаил Степанович, — когда-то я был за эту двухшарнирную гусеницу, но теперь против. На Волгоградском тракторном заводе есть данные о том, что при работе на таких гусеницах расходуется больше топлива.

— А вот в Саратовской области проводились испытания, и результаты очень хорошие.

— Не знаю, я этих результатов не видел.

— На совещании в 1967 году, — напомнил я, — записали: доработать конструкцию, изготовить опытную партию...

— Я на том совещании не был.

Но почему же не дошли до тов. Сидельникова эти материалы? Невольно думаешь: займись этим делом человек с настойчивостью Балабаева, он непременно размножил бы и отзывы механизаторов и решение высокого совещания и — кровь из носу — довел бы их до сведения всех, кого дело касается, «снизу доверху».

Увы, никто об этом не подумал.

А в результате трактористы, у которых машины стоят разутые, вместо новых практичных двухшарнирных гусениц получают пока дырку от бублика.

У ПЕРКАЛЬСКОЙ СКАЛЫ

Александр КРИВИЦКИЙ

Писатель Георгий Гулиа пишет повесть о Лермонтове. Он обратился к своим друзьям-литераторам с просьбой высказать ему, хотя бы вкратце, их взгляд на жизнь и смерть великого поэта. Мы публикуем один из ответов, адресованных Георгию Гулиа.

Дорогой Георгий Дмитриевич! Охотно отвечаю на Ваше письмо и Ваши вопросы. Вы пишете повесть о Лермонтове. Браво! Вы мне всегда казались большим абхазским ларцом с невероятными сюрпризами. После пленительной «Весны в Сакене» и других современных повестей и рассказов Вы поразили нас своим Гамлетом древности, полутаинственным, как старая египетская рукопись, «Фараоном Эхнатоном». Вы воскресили Перикла — «человека из Афин», которому есть что сказать современным людям. Спустя недолгий срок меня ошеломил Ваш Сулла — исчадие античного ада, мрачный полководец и запойный неврастеник, чья опасная ухмылка заставляет вздрогнуть и через столетия. Вы написали его сильный, сложный и отталкивающий характер кистью истинного художника-реалиста. Когда я узнал, что Вы обратились к Лермонтову, я не удивился и подумал, что этот абхазский ларец еще полон более чем наполовину.

Люблю Лермонтова. Он весь как натянутая струна, как сухой жар, как открытая рана. Люблю его имя, отчество и фамилию. В них словно кодовое обозначение чуда русской литературы.

Михаил Юрьевич Лермонтов — гениальное дитя декабрьского восстания. Вы мысленно листаете страницы его сочинений и думаете о поэзии, судьбе России, жизни и смерти. Бесконечную цепь ассоциаций влечет за собой всего лишь один человек, убитый в двадцать семь лет. И сразу перед глазами это горькое место. Я впервые приехал туда с Ираклием Андрониковым и удивился: оно, это место, не там, где стоит монумент поэта, а на склоне Машука, у подножия Перкальской скалы. Андроников, в котором борются ученый и актер, попеременно кладя друг друга на лопатки, на этот раз был ровен, серьезен, тих. Он рассказывал о дуэли. Вызван был Лермонтов и потому обладал правом первого выстрела. Поэта томила нелепая ссора. Он предложил Мартынову мир. Но тщетно. Тогда он сказал ему: «У меня рука на тебя не подымется», — отвел пистолет в сторону и выстрелил в воздух. «Зато моя подымется», — злобно ответил Мартынов.

Дуэлянтов разделяли пятнадцать шагов. Лермонтов оставался на месте. В руке — пистолет дулом вниз, дымок вился из ствола. Мартынову дистанция показалась слишком большой. Он сделал пять шагов вперед, подошел к самому барьеру — шапке, что лежала на земле. Теперь между ними лежало немыслимое для таких случаев пространство — десять шагов. С этого расстояния не промахнуться и в зайца. Лермонтов был застрелен в упор...

Андроников говорил спокойно, но, потоптавшись на пыльной траве, вдруг бросил на землю свою серую шляпу и двинулся от нее вперед — он с жуткой наглядностью отмерял дистанцию, как если бы сейчас предстояла дуэль, на тех самых, безжалостно неотвратимых условиях. Он удалялся, мы глядели ему в спину, и, казалось, обернись он, мы станем свидетелями таинства превращения — увидим Трубецкого или Глебова. Неожиданно все то, страшное до дрожи в коленях, до мурашек по телу, придвинулось к самым глазам. Происходило оживление прошлого.

Узкая, продолговатая поляна, окаймленная тогда кустарником, а теперь — зеленой хвоей деревьев, наполнилась негромким говором, отрывочными восклицаниями шестерых, совсем еще молодых мужчин. Темно-зеленое форменное сукно казалось черным в надвинувшихся тенях, — над головой клубились мемориальные тучи. Тускло отсвечивало золото погон. Их было здесь шестеро: дуэлянты, два секунданта, два свидетеля. Шестеро участников и свидетелей великой драмы русской жизни.

Да, действительно, бойтесь лермонтовского «рука не подымается» перед лицом опасного и не знающего пощады противника. Не вы его, так он вас. Убьет.

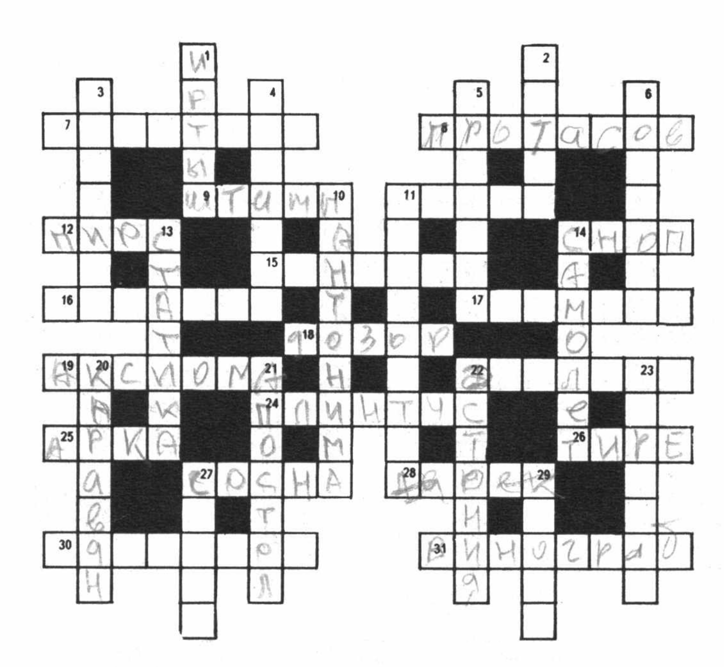
Первая пулеметная дробь дождя крупными тяжелыми каплями простучала в деревьях. Как и тогда, начинался ливень. Время сместилось. Былое держало нас в себе. Лермонтов, в молниях и громе, лежал там, где упал бездыханный. Возле мертвого тела оставался под проливным дождем один Столыпин. Остальные, гонимые страхом, умчались в город.

Наваждение того дня с Андрониковым на месте дуэли живет в душе уже много лет.

Люблю Лермонтова. Мало кто из русских писателей не испытал на себе его могучего влияния. Кавказские повести Толстого в истоке своем имеют все тот же бессмертный «Валерик», это азбучная истина. Но ведь из лермонтовского «Бородино» выросла и «Война и мир». Лев Николаевич так считал сам. Обличительные стихи поэта вдохновляли сатиру Салтыкова-Щедрина. В повестях Тургенева, таких, как «Бреттер», «Три портрета», мелькают силуэты лермонтовской прозы...

Проходят десятилетия. Не иссякает гипнотическая власть поэта и в современности.

Во время войны я неотвязно перечитывал Лермонтова. Вот кто писал о войне по-военному — никакой условности старинных батальных гравюр, никакой мишуры, сладко питающей воображение недотеп, не нюхавших пороха. И только реальность военной страды, где условия человеческого существования противоестественны, а превозмогаются лишь великой силой духа. Первые народные характеры на войне принадлежат в русской литературе Лермонтову. Кричать ему «ура» перекатами. Из поколения в поколение.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Прибор для проверки горизонтальности плоскостей. 8. Персонаж драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 9. Инструмент для изготовления деталей давлением. 11. Часть города в Древней Руси. 12. Причальное сооружение. 14. Связка сжатых стеблей хлебных злаков. 15. Действующее лицо оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 16. Сорт тыквы. 17. Город в Башкирии. 18. Небольшой отряд, высылаемый для охранения и разведки. 19. Положение, принимаемое без доказательств. 22. Условное или символическое изображение. 24. Планка между стеной и полом. 25. Дугообразное перекрытие. 26. Знак препинания. 27. Хвойное дерево. 28. Торговая палатка. 30. Народный поэт Дагестана. 31. Вьющееся плодовое растение.

По вертикали: 1. Приток Оби. 2. Электрод. 3. Форма для отливки типографского набора. 4. Столица Мордовской АССР. 5. Английский писатель, драматург. 6. Географическая координата. 10. Театральное представление без слов. 11. Роман Ф. М. Достоевского. 13. Раздел механики. 14. Летательный аппарат. 20. Вереница судов. 21. Название первой печатной книги в России. 22. Союзная республика. 23. Смесь уксуса, пряностей и воды. 27. Порт в Тунисе. 29. Рассказ М. Горького.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 4. Контрабас. 7. Тобол. 8. «Льгов». 11. Налайха. 12. «Березка». 14. Кассета. 16. Галоп. 19. Фотометр. 20. Отрадное. 21. Партa. 23. Макаров. 26. Каренин. 28. Афалина. 29. Лилия. 30. Марка. 31. Подшипник.

По вертикали: 1. Коломна. 2. Кристалл. 3. Бальзак. 5. Топаз. 6. Фобос. 9. Верстовский. 10. Треугольник. 13. Кормило. 15. «Ариадна». 17. Аорта. 18. Офорт. 22. Рыльский. 24. Редис. 25. Вавилов. 26. Карабин. 27. Рубка.

На первой странице обложки: Гвардии капитан III ранга А. Наседкин (см. в номере «Продолжатель традиции»).

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Куклы Марты Цифринович.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

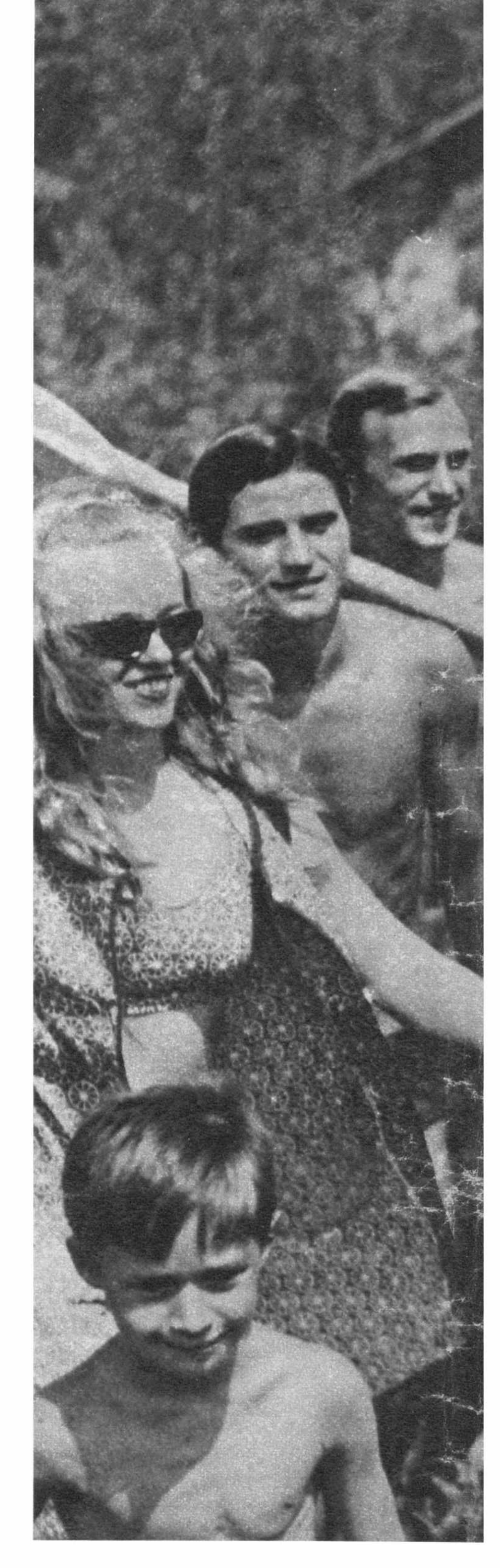
Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/VII-71 г. А 08179. Подп. к печ. 20/VII-71 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1332. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1577.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

ТАК ОТДЫХ

Банное озеро — названо оно так в память о банном дне, что устроил Емельян Пугачев усталому своему войску,— находится в 45 километрах от Магнитогорска. Это великолепный уголок Южного Урала. Озеро Банное — глубокое, кое-где до 70 метров — окружено смешанным лесом. А над лесом возвышаются горы.

Банное — чаша с ключевой водой. Десятки хрустальных ручьев питают его. Есть среди них и местная достопримечательность — ручей, который начинает свой бег с шестиметровой высоты и образует своеобразный водопад. Само озеро, по словам старожилов, сообщается подземными руслами с другими близлежащими водоемами. Так же, как Банное, те озера изобилуют щукой, окунем, сигом, чебаком, ершом. Опушки леса, склоны гор кажутся красными от клубники, малины, вишни.

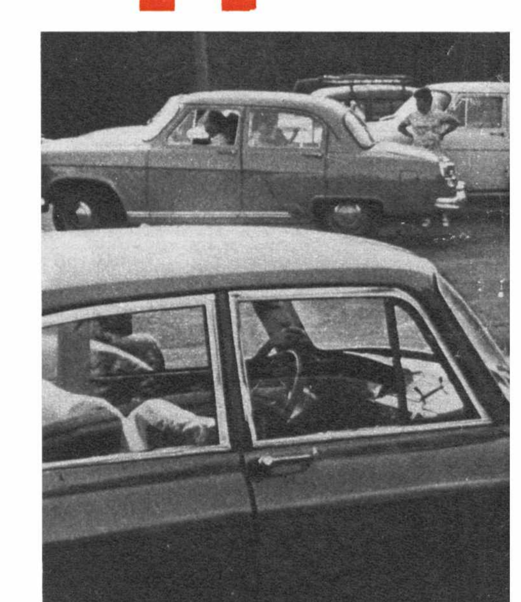
Вот сюда-то приехал однажды Серго Орджоникидзе. Оглядев голубые горы и зеленую, в морщинах ряби гладь озера, нарком сказал своим спутникам: «Замечательный район. Тут будем строить дом отдыха для металлургов».

Небольшой двухэтажный корпус положил начало будущей здравнице. Война поставила на этом точку. Но в послевоенные годы городок отдыха металлургов Магнитки стал разрастаться. Особенно этому способствовало кооперативное строительство. Коллективы цехов комбината возвели 13 комфортабельных дач. Сооружение их закончилось в день 50-летия Советской власти. Отсюда и название дачного городка — «Юбилейный». Сейчас здравница может принять около полутора тысяч человек. Металлурги оплачивают третью часть стоимости путевки. Остальная сумма восполняется из фонда комбината. А на участках, где работают в основном женщины, путевки выдаются бесплатно. На нужды культурного строительства, на развитие баз отдыха комбинат ежегодно отчисляет семь с половиной миллионов рублей.

Что и говорить, прекрасна южноуральская природа. Все больше и больше металлургов проводят отпуск на Банном. Не только отпуск: около ста человек берут сюда путевки на один-два дня, в так называемые дачи, стоящие в живописных уголках по берегам озера. И совсем невозможно подсчитать, сколько «дикарей» приезжает к озеру на субботу и воскресенье на своих машинах, мотоциклах, велосипедах. Уже не первый год отдыхает здесь и старший горновой седьмой доменной печи, уроженец Узбекистана Нурмурат Ергашов. Он-то и сказал нам:

— Хорош, конечно, юг, но только и наш Урал не хуже.

Не на одном Банном озере отдыхают металлурги: привлекает их и природа Абзакова, расположенного неподалеку от Магнитогорска. Тысячи рабочих круглый год проводят здесь свои выходные на дачах и в поездах здоровья. Новой местной здравницей станет скоро Анненск — местечко удивительно красивое. Да, многим нашим отдыхающим полюбились уральские сосны.

Владимир ПЕТРЕНКО,
сотрудник многотиражной газеты
«Магнитогорский металл»

АЮТ МАГНИТОГОРЦЫ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

